

ТОГДА, В БАГИО

АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ

Книга известного советского спортивного журналиста и писателя воссоздает напряженную атмосферу матча за звание чемпиона мира по шахматам в Багио. Автор показывает в книге характер, качества Анатолия Карпова, настоящего спортсмена, гражданина нашей Родины.

- [Тогда, в Багио](#)
    -
    -
    - [ГЛАВА I](#)
    - [ГЛАВА II](#)
    - [ГЛАВА III](#)
    - [ГЛАВА IV](#)
    - [ГЛАВА V](#)
    - [ГЛАВА VI](#)
    - [ГЛАВА VII](#)
    - [ГЛАВА VIII](#)
    - [ГЛАВА IX](#)
    - [ГЛАВА X](#)
    - [ГЛАВА XI](#)
    - [ГЛАВА XII](#)
    - [ГЛАВА XIII](#)
    - [ГЛАВА XIV](#)
    - [ГЛАВА XV](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки Librs.net.

АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ

ТОГДА, В БАГИО

Документальная повесть

Был век пара и век электричества, пришел век атома, очень похоже, что мы подбираемся к веку статистики. Цифры захлестывают нас. Мы считаем, считаем, считаем и никак не насчитаемся.

Мы хотим знать все об окружающем нас мире и о себе, и помощник в этом узнавании цифра.

Мы, например, оповещены о том, что нашу жизнь сокращают:

а) одна сигарета — на 5 минут 40 секунд;

б) средней силы стрессовая ситуация — на 18 минут;

в) день, проведенный без движения, за письменным столом, — на 20 минут.

А теперь еще узнаем о шахматах.

Тигран Петросян, защитив в 1966 году звание чемпиона мира, заявил, что поединок отнял у него не менее трех лет. Получается, что и шахматы сокращают жизнь? Для чего же тогда надо было изобретать эту вредоносную игру, что в ней?

Об одном не сказал уставший и счастливый чемпион — о великой компенсации, которая есть в шахматах. Или это подразумевалось?

Венгерский шахматный мастер Янош Флеш, страдавший неизлечимой болезнью, через силу приподняв веки, спросил врача, пришедшего в палату:

— Доктор, скажите, что ждет меня? Мне важно знать правду.

— Я должен посоветоваться с вашими родными.

— Родные дают согласие. Они хотят, чтобы я услышал честный ответ, они знают, для чего это надо.

— Я обязан подумать.

А через несколько дней, собравшись с силами, он сказал пациенту, который был бледнее простыни, покрывавшей его:

— Я делаю это в нарушение врачебных принципов. Ваша болезнь неизлечима.

— Есть ли у меня три месяца?

— Думаю, есть. Извините меня.

— Доктор, я вам благодарен.

За месяцы, которые оставались в его распоряжении, Янош Флеш решил показать, на что способен человек в мире шахмат, как далеко простираются границы его памяти и сообразительности. Венгерский мастер готовился к эксперименту, который был ему официально разрешен; он задался целью побить все мировые рекорды игры вслепую.

Попробуйте сделать, не глядя на доску, пятнадцать — двадцать ходов. Если вы шахматист средней квалификации, вам это, возможно, удастся. Если вы кандидат или мастер, то, пожалуй, сможете сыграть вслепую одну партию. Чтобы сыграть две или три, нужны особые способности.

Не могу не вспомнить удивления, которое я испытал в дни 1961 года, познакомившись с гроссмейстерами Давидом Бронштейном, Борисом Спасским и Михаилом Талем. Они помогали мне в работе над репортажами. Спасский мог рассказать все о своей партии, о вариантах, которые возникали и которые оказывались «за кадром», Бронштейн помимо своей партии запоминал еще одну встречу, о которой мы заранее уговаривались. А Таль... Таль помнил, кажется, все партии тура. Он был способен восстановить картину любого боя и рассмотреть комбинационные возможности, таившиеся в той или иной позиции. Причем делал все это по привычке.

Сколько позиций способен держать шахматист в уме? Где пределы его возможностей? К

этим пределам пока никто не подходил.

Янош Флеш, услышав приговор врача, готовился подойти первым. Будто бы решил закинуть лот в глубины человеческой памяти. Чтобы получить право сказать: под килем куда больше футов, чем мы думали раньше.

16 октября 1960 года в Будапеште двадцатисемилетний мастер Янош Флеш дал сеанс вслепую на пятидесяти двух досках.

Сеанс длился около четырнадцати часов. Через четыре часа связной, сообщавший ходы мастера партнерам, а ходы партнеров мастеру, упал, обессиленный, в обморок. Янош Флеш сидел в отдельной комнате, «не замечая бега времени», держал в памяти тысячи своих и чужих фигур и пешек.

Я думаю, что это было то самое чудо, в которое не дано поверить простому смертному, но только смертному, поставившему перед собой сверхзадачу. Противниками Яноша Флеша были перворазрядники и второразрядники. Он ни разу не ошибся. Не перепутал названия поля или расположения самой ничтожной бездеятельной пешки, он помнил все позиции, которые возникали после пятого, десятого, пятнадцатого, двадцать пятого хода в каждой из пятидесяти двух встреч.

Янош Флеш выиграл тридцать одну партию, восемнадцать закончил вничью и только три проиграл.

Советский шахматный обозреватель мастер Виктор Хенкин постарался восстановить подробности того сеанса. Оказалось, что Янош Флеш не испытывал экстремальных перегрузок, ему было интересно играть. Он только не догадывался, какое на самом деле испытывал сверхнапряжение, и о том, каким жизнетворным окажется оно, не подозревал, как платят за верность и преданность шахматы.

Сверхнапряжение, порожденное сеансом, что-то сместило в больном организме, заставило заработать дремавшие охранительные системы. Случилось чудо. Болезнь стала постепенно отступать.

Разве не показал Янош Флеш, на что способен человек, как безграничны резервы его ума, стойкости и воли, о которых мы имеем отдаленные представления.

Убежден, что высшие испытания, выпавшие на долю Анатолия Карпова в Багио, тоже имеют свой противовес, свою компенсацию, что воспоминание о пережитом и достигнутом будет согревать его до конца дней.

Такой уж это был матч!

* * *

Спорят: шахматы — это спорт или искусство? При чем тут «или». Это и то и другое, сплав.

От искусства — способность создавать в полном смысле слова нетленные (иногда пишут «вечнозеленые») произведения.

От спорта — бескомпромиссность борьбы.

* * *

После войны я был свидетелем, кажется, всех матчей (за исключением поединка в Рейкьявике, где сражались Фишер и Спасский). Соперников называли партнерами. В бессловесной дискуссии — игре, опровергая острием своего ума чужие замыслы, партнер

становится соавтором произведения искусства, которому случается жить годы, а иногда и века. Карпов должен был сесть за столик не с партнером, а с противником. Как чемпиона мира, во-вторых. Как советского гражданина, во-первых.

Я думал о Карпове: знает ли он, какой астрономической тяжести ноша падет на его плечи? Борьба, быть может впервые за всю историю шахмат, пойдет не на равных. Один будет отвечать перед всей страной. Другой — только перед самим собой.

Вспоминаю олимпийский стадион в Монреале. В ложе прессы — несколько сот телевизоров. По разным программам идет поток сообщений со всевозможных ристалищ. Вы можете разом смотреть всю Олимпиаду. Для этого надо скосить глаза влево, вправо или чуть вниз. Но вдруг как по команде в одну секунду исчезают все монреальские изображения. И появляется фотография Корчного.

Диктор не успел еще произнести и слова, но уже можно было догадаться: произошло что-то из ряда вон выходящее, иначе бы не подали так сенсационно этот портрет. Поддержали зрителей в неведении, разжигая любопытство, и лишь затем объявили: «Международный гроссмейстер Виктор Корчной, находившийся в Голландии, объявил о своем нежелании возвратиться в Советский Союз. Корчной убежден, что, снова встретившись с чемпионом мира Карповым (предыдущий матч Корчной проиграл два против трех), победит его и отберет шахматную корону».

Корчной готовился к матчу с Карповым как к «главному жизненному бою». Не будем принижать шахматного таланта претендента и скажем, что он выиграл все предшествовавшие отборочные матчи, в том числе и поединок со Спасским, экс-чемпионом мира, более чем убедительно. И готовился сразиться с Карповым.

Карпов моложе примерно на двадцать лет. Форя серьезная. Только все зависит от того, что понимать под словом «форя». Один моложе, значит, он не так опытен и не так искушен. Достаточно ли стоек и прочен как боец? Все поведение претендента во время подготовки к матчу заставляло предполагать, что развернется безжалостная психическая атака против Карпова, его тренеров, его команды, его школы и, не будет никакого преувеличения сказать, его страны.

Вот о чем я подумал, встретившись за месяц до матча с Анатолием Карповым в стареньком арбатском переулке и услышав от него: «Будут впечатления».

* * *

Много известных шахматных центров есть на земле.

Париж, Лондон, Нью-Йорк, Амстердам...

Но главных — два.

Москва и Ленинград.

Ни один из других городов не дал столько чемпионов мира.

Мы благодарно храним в памяти имена мастеров редкого таланта, достойно представлявших Россию в крупнейших международных турнирах, — Михаила Чигорина и Александра Алехина.

Они закладывали основы отечественной шахматной школы. И были провозвестниками шахматного наступления, которое началось в послереволюционной России.

Шахматы стали неотъемлемой частью новой культуры.

Мы приглашали в трудные двадцатые годы таких прославленных гроссмейстеров, как Эммануил Ласкер и Хосе Капабланка, чтобы учиться у них. Мы не стеснялись произносить

глагол «учиться».

Х. Р. Капабланка писал: «Мастера СССР растут на основе прекрасно организованной школы шахматного искусства. Будущее, а может быть, уже и настоящее принадлежит им по праву».

Дар предвидения всегда отличал незаурядных людей. Как и способность учить, влиять, помогать.

Сколько поколений советских шахматистов воспитывалось на книгах Х. Р. Капабланки, сколько знаменитых мастеров считало и продолжает считать славного кубинца своим первым учителем!

Вспоминает с благодарностью о Х. Р. Капабланке и А. Карпов: «Его книга была первой шахматной книгой, которую я изучил от корки до корки, причем не просто прочитал, а именно изучил. Конечно, его идеи повлияли на меня».

Советская страна впитывала высшие достижения шахматной культуры, чтобы, развив их и многократно умножив, сделать достоянием всего человечества. Мы предвидели, что настанет пора, когда к нам будут приезжать не учить, а учиться.

Сколько выдающихся мастеров, живущих в разных краях земли, прошли московскую выучку!

На Гоголевском бульваре стоит старинный нарядный особняк. Он был построен полтора века назад.

Теперь в этом особняке Центральный шахматный клуб СССР. Старинный дом, некогда славившийся картинами и посудой, и мечтать не мог о такой коллекции серебряных кубков, хрустальных ваз, расписных блюд, которые украшают один из его залов. Это трофеи, завоеванные советскими шахматистами на всех пяти континентах. Они с ослепительным блеском подтверждают ту очевидную истину, что на советской земле выросло больше талантливых шахматистов, чем во всех других странах, вместе взятых (вспомним, что не так давно сборная СССР победила сборную мира).

И еще. Из двенадцати чемпионов мира, которых знает история шахмат, семеро наши соотечественники.

Вслед за Александром Алехиным, владевшим короной в 1927—1935 годах и с 1937 года до конца жизни (Алехин скончался в 1946 году в Португалии; смерть застала его в скромном отеле за разбором шахматной партии), чемпионом стал Михаил Ботвинник, одержавший в 1948 году победу в матч-турнире сильнейших шахматистов.

Годы Михаила Ботвинника: 1948—1957, 1958—1960, 1961—1963.

Годы Василия Смыслова: 1957—1958.

Годы Михаила Таля: 1960—1961.

Годы Тиграна Петросяна: 1963—1969.

Годы Бориса Спасского: 1969—1972.

В 1972 году Борис Спасский потерпел в Рейкьявике поражение от Роберта Фишера.

В 1975 году чемпионом был провозглашен Анатолий Карпов.

Все это предыстория. Новая история писалась в Багио.

* * *

В одном из своих интервью на вопрос: «Мечтали ли вы стать чемпионом мира?» — Карпов ответил:

— Не представляю, как о таком можно мечтать. Можно поставить перед собой цель стать мастером, сильным мастером, гроссмейстером. Подобные задачи я и ставил перед собой одну за

другой. Даже закончив школу довольно сильным мастером, я не заглядывал настолько далеко. Все произошло так быстро, что я и опомниться не успел...

Но слава приходит раньше признания. В этом отношении для меня дороже признание и творчество. В меня как-то долго не верили. Я был сильным мастером, а меня всерьез не принимали. Стал гроссмейстером — тоже в расчет не брали. Стал претендентом на матч с чемпионом мира, но вплоть до финальной встречи большинство пари заключалось против меня.

— Чем вы объясните, что к этому времени мнение шахматной общественности резко переменялось?

— Наверное, надоело проигрывать пари.

— За последние три года вы участвовали в шестнадцати всесоюзных и международных турнирах. В тринадцати из них добились победы. В ранге чемпиона мира ни один шахматист не играл так интенсивно.

— Раньше чемпион мира действительно мог позволить себе на долгое время уйти, что называется, в тень, а затем, подготовившись к финальному матчу, защитить свой титул. Возьмите хотя бы Михаила Ботвинника, который мог сочетать шахматы с серьезной научной работой. Я же, например, получил в Ленинградском государственном университете специальность экономиста, но заняться научной работой не могу^[1] — шахматы стали другими. Они развиваются так бурно, что отойди от практической игры хотя бы на полгода — и ты рискуешь остаться далеко позади современной шахматной мысли.

Кроме того, я уже говорил, что люблю играть. А выигранные турниры дают еще и психологические преимущества, уверенность в собственных силах.

— Можете вы сравнить Карпова-претендента с Карповым — чемпионом мира? Какие перемены замечаете вы в себе?

— Я стал взрослее, даже в весе «посолиднел» на десять килограммов. Стал злее как боец. Признаюсь: очень не любил проигрывать.

Мы врзались в промерзшую стратосферную сибирскую ночь со скоростью тысяча километров в час. Казалось, что ночь застекленела от мороза. Во втором часу кабину уснувшего самолета начали озарять яркие всполохи. Мы пролетали над Самотлором с его циклопическими разбросами горящих газовых фонтанов.

Скорость, с которой не доводилось раньше летать, настраивала на определенные размышления. Вспомнилось, как когда-то в качестве специального корреспондента участвовал в предпассажирах рейсах самолетов Ил-12, Ил-14, Ил-18. Вроде бы совсем недавно это было, но как медленно летали самолеты, которыми мы гордились! Подумал о том, что каждые двадцать лет авиация в три раза увеличивает свои скорости, а человечество примерно в два раза умножает свои знания.

Мы стараемся заглянуть в будущее, чтобы узнать хотя бы отдаленно возможности нашего ума, наших мускулов и нервов, пытаемся предугадать, на что будем способны завтра и послезавтра, как глубоко проникнем в тайны космоса. И в тайну «самого себя».

* * *

В Токио нас возили по городу, показывали олимпийские сооружения. Я мысленно переносился в тот самый праздничный осенний день 1964 года, когда на этом стадионе, в этом плавательном бассейне, в этих залах шла острая спортивная борьба. Сколько прошло лет с 1964-го? Только-то? Но что стало с рекордами, которые пленяли наше воображение в ту пору! Мы

радовались им радостью младенцев, которым подарили нехитрую игрушку. Считались рекордами на грани фантастики, но один за другим мирно канули в Лету, а в таблицах появились новые результаты. За эти годы человек столько узнал, сотворил столько духовных, моральных и технических ценностей, что просто не мог не установить новые рекорды. Спросим себя: разве шахматы исключение? Пусть они стали прагматичнее чем когда-то, что из того? (Было время, сто — двести — четыреста лет назад, когда создавались такие комбинационные шедевры, как «зеленая партия», «бессмертная партия», «бриллиантовая партия»... увы, знаменитые комбинации были возможны только потому, что один из партнеров не знал тех тонкостей теории, которые проходят сегодня в пионерских кружках). Сегодня в шахматах меньше головокружительных комбинаций, но насколько глубже стала стратегия, как достоверно отразилась на шестидесяти четырех клетках способность человека с каждым десятилетием все шире раздвигать границы своего ума.

Рекорды, которыми гордились в Токио, давно безжалостно побиты. Посерьезнел спорт. Он стал, быть может, наиболее точным измерителем в метрах, секундах, килограммах прогресса человеческого рода.

После токийской Олимпиады интенсивно испытывались (а в испытании и совершенствовались) мускулы, нервы, реактивность, но полнее всего испытывалось умение спортивных стратегов ставить резервы, таящиеся под семью замками в душах, умах и телах атлетов, на службу победам.

Истинно спортивное испытание интеллекта мы видим в гимнастике ума — шахматах. Мы не можем определить с такой же точностью, с какой это делают, скажем, бегуны и пловцы, насколько далеко шагнули шахматы вперед за последние годы. Но разве не ясно, что сегодня эта игра совсем не та, что была еще пятьдесят, еще двадцать лет назад?

Понятие «молодой» растянулось в наши дни неожиданно и загадочно, как резиновый жгут на поясе будто нечаянно сорвавшегося с трапеции акробата.

Молодым принято считать (и называть!) пловца двенадцати лет, артиста двадцати четырех лет, писателя сорока восьми лет. Не слишком перенапрягая фантазию, можно продолжить эту геометрическую прогрессию. Знаком с одним симпатичным певцом девяноста шести лет, по великому кавказскому благу принятым в ансамбль долгожителей «Нам за сто...»; его называют «бичико» — малыш, он выполняет в оркестре самую черную работу. 109-летний руководитель ансамбля, сохранивший все, что сохраняют обычно герои геронтологических очерков, а именно: «юношескую фигуру, ясный взгляд и почти все зубы», а вдобавок к тому довольно привередливый характер, считает, что «молодых надо держать и воспитывать в строгости», а потому помыкает «малышом» как только может.

На пути молодого таланта к признанию (увы! а может быть, ура?) фортуна расставляет препятствия, которые не снились в самых кошмарных снах чемпионам стипль-чеза. Жизнь мудро придумала аттестационные, конкурсные, приемные и прочие отборочные испытания. В том числе — шахматы. Сколько таких отборов прошел Карпов, добываясь права оспаривать звание чемпиона мира!

В Багио он отвечал за каждый из 1525 ходов, которые еще суждено сделать в матче, не только перед собой. Перед страной.

Перед современниками. И потомками тоже.

Древнейшую из игр отличает способность хранить долгие времена память о каждом поединке. Сравним с другой популярной игрой — футболом. На стадионе смотрят тысяч сто, по телевизору — миллионов сто; если это был очень интересный и важный матч, его, в лучшем случае, покажут в записи на следующий день... и все. Или еще один пример — баскетбол с его хитроумной системой стенографирования матча. Заглянув в простыню — протокол встречи, можно без труда определить, кто сколько времени провел на площадке, кто сколько заработал предупреждений, кто сколько забросил мячей и так далее. Но эта стенограмма доступна воображению лишь немногих знатоков баскетбола, и никто не станет тиражировать подобную запись.

Любой шахматной партии на звание чемпиона мира суждено бессмертие. Она тотчас размножается по всему миру на миллионах телеэкранов, на страницах больших и маленьких газет. Земля с интересом следит за тем, как отстаивает свое звание чемпион, а говоря точнее — сильнейший из тех четырех миллиардов граждан, которые населяют ее в последней четверти XX века.

Предыдущим чемпионам мира было легче: они отбирались «только» среди двух, среди трех миллиардов. Что касается грядущих чемпионов, то им, несомненно, будет сложнее: все больше жителей на планете Земля и все больше людей учится играть в шахматы. И перед ними тоже ответственен современный шахматный чемпион.

* * *

Утверждают, что на свете живут три миллиона эсперантистов. Они гордятся тем, что понимают друг друга с полуслова — француз и японец, баск и индус, турок и швед. Устраивают конгрессы, издают журналы и книги... благородное дело, служащее общению в наш

напряженный век.

Но есть международная организация, своей численностью во много раз превосходящая «Объединение эсперантистов мира», члены которой понимают друг друга не то что с полуслова, а с одной буковки.

Каждая буковка шахматной нотации несет такую информативную нагрузку, которая и не снилась ее сестрам из привычного письма.

В самом деле...

Читаем: 2. f2—f4.

И сразу понимаем, что играющий белыми избрал старинный романтический королевский гамбит, связанный с жертвами и головоломными осложнениями.

Как белые будут играть дальше? Можно ждать, что они отдадут коня за две пешки и переведут партию в начало, исследованное еще четыре века назад итальянцем Полерио? Или пожертвуют слона на том поле, которое видело на своем веку столько жертв, сколько ни одно из других шестидесяти трех полей, а именно на поле f7, и последуют рекомендациям теоретического гамбита восемнадцатого столетия. Никто не знает, что будет дальше. Известно одно: черным следует принимать дары осмотрительно и защищаться сверхбдительно и не забывать, что «гамбит» происходит от «даре иль гамбетто» — «дать подножку».

* * *

Весной 1965 года в Мадриде я играл в шахматы с переводчиком Висенте Фернандесом.

Он спросил, не без труда подбирая русские слова (он изучал русский по книжкам и очень просил меня не торопиться: «Почему русские говорят так быстро?.. Испанцы говорят быстро? Что вы?.. Что вы?.. Мы говорим очень медленно, во всяком случае, хорошо понимаем друг друга. Это как бы шутка. Я по-русски читаю хорошо, а когда мне говорят, понимаю плохо». Я принял пожелание к сведению, и беседа, как могло показаться, потекла содержательнее):

— Скажите, пожалуйста, сколько надо платить рублей и, это самое, копеек, чтобы заниматься один час с хорошим шахматным маэстро?

— Ни рублей, ни копеек.

— Хорошо, за один час — ни-че-гошеньки. Может быть. А если я хочу, чтобы мой сын, предположим, я советский гражданин, если я хочу, чтобы мой сын занимался у маэстро три года? Тогда сколько?

— И тогда ничего.

— Вы знали это... заранее, какие вопросы вам будут говорить, и готовили ответы в Москве? — не совсем дружелюбно, почему-то глядя в сторону, спросил Фернандес.

— Приезжайте сами, поглядите. А пока ваш ход.

— Хорошо, тогда я вам буду говорить маленький секрет. Я капитан. На испанская армия. И я учу одна небольшая группа младших и средних офицеров говорить по-русски. И мне за это платят деньги. Если мне не будут платить деньги, я не буду никого учить. У меня есть один сборник на русский поговорки, там написано: «За спасибо сыт не будешь». Тот ваш маэстро, который учит бесплатно, умеет не есть? У него нет семьи? Он работает, чтобы услышать это самое «спасибо», и все?

— Висенте, ему платит государство. Как и другим учителям, которые воспитывают будущих певцов, художников, токарей, фрезеровщиков, бегунов, танцоров.

— Вы говорите нарочно быстро, чтобы я мало понял? — спросил он в миттельшпиле.

— Висенте, вы задаете вопросы, которые мне странно слышать.

— А мне странно слышать ответы.

Сколько миллионов ребят и в Москве, и на самых далеких окраинах страны — пока неизвестных, неименитых — топают после уроков на шахматные занятия. Учатся не только ходам на доске. Учатся не вешать носа при неудаче. Ставить перед собой далекую цель. Находить требующие глубокого расчета и солидной подготовки пути к ней. Утверждать себя, свое «я» и при всем том понимать, как возвышает человека коллективизм. И еще: иметь убеждения — шахматные и жизненные.

Дорогие товарищи акселераты, так мало похожие на своих сверстников, живших давным-давно... в середине XX века!

Что такое акселерация, теперь хорошо знают все, но чем вызвана она и откуда пришла, вряд ли кто ответит точно. Люди стали расти быстрее. В Европе и Австралии, на острове Сахалине и острове Мадагаскар. В городе и в деревне. В долинах и селах, приклеившихся к заоблачным вершинам.

— Это потому, что люди стали по-другому питаться, — говорят одни и ссылаются на Японию, где испокон веков ели пищу морского происхождения, в которой много фосфора и мало чего-то такого, что стимулирует рост. Теперь же в Японии школьники на специальном витаминизированном питании, и вот извольте — в кинотеатрах и концертных залах расширяют расстояния между рядами, и владельцы их воют от досады, а послушаться не могут, так как есть на этот счет постановление (знаменитый зал «Будокан» раньше вмещал 18 тысяч, а теперь 16).

— Это потому, что солнце стало активнее, оно ускоряет процессы жизнедеятельности, — говорят другие. — Там, где чист воздух, там на землю проникает больше живительных солнечных лучей, а следовательно... — И ссылаются на обследование, проведенное в Кахетии, которое показало, что юные граждане, выросшие в сельской местности, имеют к десяти годам на полсантиметра больше, чем их сверстники, выросшие совсем недалеко, в молодом промышленном городе Рустави.

— Это потому, что в воздухе стало больше отработанных газов, дыма, гари и прочей нечисти, говорят третьи, «всем хорошим» мы обязаны быстро развивающейся промышленности. Легкие вынуждены приспособливаться, работать энергичнее. Они становятся шире, и грудная клетка шире, а человеку, чтобы носить такую грудную клетку, надо иметь и соответствующие пропорции... — И ссылаются на обследования, проведенные в штате Огайо, которые показали, что дети, выросшие в городе, к одиннадцати годам на полтора сантиметра выше сверстников, живущих в сельской местности.

Из прессы:

«Сложные проблемы взаимоотношений с окружающим миром для юношей нашего поколения теперь возникают гораздо раньше, чем это было сто лет назад. Следовательно, акселерация выдвигает ряд проблем и перед психологами, педагогами, юристами. Ныне дети созревают быстрее. Но в школе и дома мы продолжаем относиться к этому рано созревающему поколению по метрике — как к малым детям».

Этот упрек может быть обращен во множество адресов.

Только не к спорту.

Спорт помог современному подростку показать, как много в нем сил и как безгранично его стремление проявить эти силы, утвердить свое «я». При всем том выяснилось, что раны спортивных поражений, которые в ином, более зрелом возрасте долго напоминают о себе, легко и быстро затягиваются в отрочестве.

Доверившись выносливости, быстрому уму, смелому сердцу и тому, что издавна называлось детской непосредственностью и детской привязанностью, спорт протянул подростку руку. И тот не просто пожал ее. Крепко ухватился за нее обеими руками.

Еженедельник «64» писал об одном молодом человеке шести лет от роду, «единственном представителе детского сада», решившем более 500 шашечных задач и этюдов и занявшем шестое место в общемосковском чемпионате (да, да, чемпионате) школьников младшего возраста. Теперь у этого молодого человека «появилось четыре последователя, младшему из которых пять лет».

Примерам подобного рода нет числа.

Я знаком с врачом и педагогом, которые не очень все это одобряют, ибо «неизвестно, чем это кончится... вот если бы можно было заглядывать вперед...». Знаком с родителями, не знающими, как им быть с рано повзрослевшими детьми. Симпатичны современные папы и мамы, которые видят в спорте не только отдых и развлечение, но и средство подготовки детей к жизненным столкновениям. Чем раньше узнает молодой человек не из книжек, из собственного цыплячьего опыта, что такое проигрыш и что такое выигрыш, что такое точный пас товарища и ловкий удар, что такое одобрение тренера и замечание за нерасторопность, тем лучше.

Нет сомнения, что через пять, через восемь лет появится больше одаренных шахматных мастеров в той области, в том городе, где сегодня учитывают новые возможности подрастающего поколения и используют их толково и бережно в тренировочном процессе.

Нам надо учиться искусству по-новому воспитывать будущего мастера и по-новому его искать.

Сколько же юных талантов надо было высветить, сколько шахматных надежд должно было пройти перед глазами наших организаторов и тренеров, сколько мальчиков надо было испытать в изначальных боях на приз «Белой ладьи», множестве всевозможных шахматных турниров, которые проводят спортивные, пионерские, комсомольские организации, чтобы нашелся такой, как Толя Карпов!

Легко ли со всей определенностью сказать о том или ином молодом шахматисте: вот юноша, в котором зреет талант? Ведь не всякий талант на виду. Сколько печальных примеров знает история, сколько людей не раскрыло свои дарования только потому, что кто-то неверно произносил приговор: не способен, не талантлив, не подходит.

Вспомним, что говорил Чарлзу Дарвину его отец, человек серьезный, убежденный в том, что сын пошел «не по тому пути»: «У тебя только и есть интерес, что к возне с собаками и ловле крыс. Ты будешь позором для себя и своей семьи». Кто слышал о правильном человеке — отце Чарлза Дарвина? Кто не слышал о самом Чарлзе Дарвине, детское увлечение которого стало смыслом жизни?

Вспомним, что говорили о способностях Исаака Ньютона: «Физика и математика не для тебя, найди себе более подходящее занятие».

Вспомним, что говорил почтенный профессор университета, в котором учился Вальтер Скотт, о будущем авторе «Айвенго»: «Он глуп и останется глупым».

Вспомним Джонатана Свифта, провалившегося с треском на вступительных экзаменах в университет и получившего нелестный отзыв экзаменаторов... Шведского естествоиспытателя Карла Линнея, который «из-за лени и ограниченности» не был допущен в университет и отдан в обучение к сапожнику. Петра Чайковского, у которого не обнаруживали слуха до четырнадцати лет. Федора Шаляпина, которого «из-за отсутствия слуха» не брали даже в хор.

А вот и более близкие нам примеры. Певца, ставшего народным артистом СССР, в свое время исключали «по причине неспособности» из музыкального училища. О будущей олимпийской чемпионке написали: «К спорту не подходит».

Они нашли в себе силы переломить унижающее, угнетающее «общественное мнение», которое складывалось вокруг них, научили себя работать упорнее тех, кого величали вундеркиндами, так, как работал композитор Пабло Сарасате. Услышав однажды, что его

назвали гением, он обиделся и сказал: «Я тридцать семь лет по двенадцать часов в день играл на скрипке, а они объясняют все так просто: гений по рождению».

Как рассмотреть талант, обнаружить его? Трудная и неисследованная эта работа. Многими выгодами для человека, для государства оборачивается каждое точное попадание. А во что обходится каждое попадание неточное или каждый промах? Дано ли нам это сосчитать?

Анатолия Карпова мы нашли потому, что у нас есть целая система раннего выявления шахматных талантов.

Но только и у него было на первых порах немало поводов для раздумий: кто я есть на самом деле? Что могу? На что способен?

В двенадцать лет Анатолий попал на учебу к Михаилу Ботвиннику, бывшему чемпиону мира.

Ботвинник многое ему «дал, научил пониманию шахмат и серьезному к ним отношению, привил уважение к стратегии». А как это содружество начиналось?

Вот что рассказывает Карпов:

— Когда я был включен в шахматную школу юношей добровольного спортивного общества «Труд», которой руководил Михаил Ботвинник, экс-чемпион мира, он, познакомившись с моими знаниями, воскликнул: «Он ничего не понимает в шахматах!» Понятно же, что Михаил Моисеевич, не желая обижать меня, не сказал мне это в лицо. Это были первые слова, которые он сказал о моей игре.

О первой встрече с Карповым Михаил Ботвинник говорил:

— Игра его не произвела большого впечатления, но не следует этому удивляться. Спасский в таком же возрасте играл со мной в массовом сеансе в Ленинграде, и тогда его игра тоже не произвела большого впечатления. Однако это не помешало Спасскому через двадцать лет завоевать звание чемпиона мира. Карпов добился этого за одиннадцать лет.

Теперь комментарий гроссмейстера А. Котова: «Вот так и получилось, что и наставник, теоретик, неповторимый шахматный специалист в анализе позиций, шахматный академик высшего ранга не рассмотрел в юном Анатолии Карпове его природных дарований, давших возможность уже в скором будущем со стремительной скоростью и настойчивостью штурмовать шахматный олимп».

Мне всегда казалось, что одно дело — разглядеть в молодом человеке божью искорку, а другое дело — разгадать его способность напрягать духовные силы. Ведь это не меньший талант — напрягать духовные силы... Заглянем в розовый конверт, который поступил в рукописный отдел Государственного Литературного музея Л. Н. Толстого. Случилось это сравнительно недавно. Письмо было обнаружено между страниц сборника толстовских статей. Оно датировано 23 февраля 1894 года. В письме к И. А. Бунину Лев Толстой размышляет о силе духа, которая становится и силой творчества человека. Говоря о «форме жизни», Толстой утверждает, что «лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовных сил, а я думаю, что это напряжение духовной, любовной силы очень нужно... чтобы... не переставая, в мыслях и теле идти вперед...».

Как не вспомнить тут первое из напечатанных стихотворений А. С. Пушкина:

Подумай обо всем и выбери любое:

Быть славным хорошо, спокойным лучше вдвое.

Я думаю, у Карпова было достаточно возможностей выбрать спокойную жизнь. Только была бы она лучше? Помогла бы она ему открыть все, на что он способен?

Конечно же на формирование гроссмейстера Карпова и многих других талантливых представителей нового шахматного поколения повлияла кровная заинтересованность общества в развитии шахмат как одного из элементов социалистической культуры. Анатолий не мог не чувствовать великой благожелательности, которая окружала его с самых ранних лет. Она заставляла будущего гроссмейстера учиться, работать, искать с таким прилежанием и упорством, какие редко встречаются в человеке в столь юные годы.

Среди товарищей по путешествию в Багио главный тренер Московского городского спорткомитета В. Дроздов и дважды кандидат, а именно кандидат исторических наук и шахматный кандидат в мастера, И. Линдер.

Дроздов вам ответит, кажется, на любой вопрос, связанный с шахматной Москвой сегодня. Он расскажет об университетах шахматной культуры, которые открываются в городе, о новых клубах, возникающих на промышленных предприятиях, об интенсивном шахматном обмене с другими столицами. Ему, как никому другому, видно, как с каждым годом повышается популярность древних шахмат в древней Москве.

Если же вам захочется проследить истоки этой популярности, то вам, без сомнения, будет интересна беседа с кандидатом исторических наук.

И. Линдер — автор книги «Шахматы на Руси», работе над которой он отдал долгие годы.

Говоря о тех обстоятельствах, которые содействовали проявлению современных талантов, мы не имеем права забывать о давнем интересе наших соотечественников к шахматам.

В 1949 году в Зарядье, где когда-то находился Великий посад, населенный ремесленниками и купцами, начались археологические изыскания. Вела их экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Музея истории и реконструкции города Москвы. В слоях XIV и XV веков было найдено много бытовых предметов, позволявших ученым точнее представить уклад жизни Москвы на третьем столетии ее существования. Были признаны уникальными шахматные находки. Как пишет И. Линдер, «в слоях XIV—XV вв. и главным образом в развалинах зданий XVI—XVII вв. были найдены... одиннадцать шахматных фигур из разных комплектов... Эти находки дали возможность сделать вывод о распространении шахмат среди разных слоев населения древней Москвы. И уже совершенно определенно к такому заключению можно прийти в результате раскопок 50-х годов, проводившихся московской экспедицией Института археологии АН СССР. При этом найдено около двух десятков фигур XV—XVII вв.».

Среди «цсарей», «ферзей» и «пешьцей» встречалась фигура, которой с самых давних времен было предназначено занимать угловое поле. Арабы называли эту фигуру Рух, азербайджанцы — Топ, грузины — Этли, немцы — Турм, итальянцы и испанцы — Торре; в одном языке — это «башня», в другом — «пушка», в третьем — «повозка».

«Ладья» — исконно русское название башни.

В шахматах, выточенных московскими и новгородскими мастерами, ощущается стремление придать этой фигуре черты ладьи.

Находки подкрепляются любопытными показаниями иностранных путешественников. Так, англичанин Турбервилль, побывавший в Москве с послом Рандольфом в 1568 году, в книге «Сказание о России» пишет: «Очень распространена игра в шахматы... их искусство истекает из большой практики».

Немецкий путешественник Адам Олеарий, трижды посетивший Москву в тридцатые годы XVII века, автор «Подробного описания путешествия голштинского посольства в Московию и Персию» (1647), называет москвитян «умелыми игроками».

«Особенно интересны, — пишет И. Линдер, — два сообщения иностранцев о шахматных увлечениях русских, приезжавших в составе посольства в Италию и Францию. А. Серистори доносит правительству республики Венеции, что приехавшие в 1656 году из Москвы посол и сопровождающие его лица в праздничные дни к обедне не ездят, а остаются дома и играют в шахматы, «что составляет лучшую их доблесть; и действительно, они играют в эту игру, как

слышно, в совершенстве». Эти сообщения тем более интересны, что у итальянцев в эпоху Возрождения было немало сильных шахматистов, и они считались тогда лучшими в Европе».

Исторические хроники упоминают об увлечении шахматами русских государей (Иван IV, Петр I, Екатерина II), а былины — о популярности шахмат среди богатырей (в дружине Ильи Муромца, как сказали бы сегодня, чемпионом слыл Добрыня Никитич), среди купцов (Садко) и русских женщин (эпическая поэма о Чуриле пересказывает содержание шахматной партии между Чурилой и возлюбившей его Катериной Микуличной). О том, что шахматы были не только мужской игрой, сохранилось много свидетельств.

Есть много объяснений наших сегодняшних шахматных завоеваний. Далеко не последнюю роль сыграли древние обычаи, увлечения и привязанности.

Случайно ли, что именно Нона Гаприндашвили и Майя Чибурданидзе, две представительницы Грузии, спорят за звание шахматной королевы в дни, когда проходит матч в Багио?

Среди грузинских женщин были издавна почитаемы шахматы. Подтверждение этому мы находим в очерках известного поэта Иосифа Гришашвили «Литературная богема старого Тбилиси».

Рассказывая об обычаях и нравах, уходящих корнями в глубь веков, автор приводит список приданого невесты Ануки Батонишвили: «Из словесности грузинской «Витязь в тигровой шкуре», книга одна... Развлечения для разумного отдыха: шахматы и нарды гравированные и рисованные и другие малые игры».

И в наши дни очень часто девушка приносит с собой в новый дом книгу Шота Руставели и шахматы.

Бежит, быстро бежит шахматное время. Давно ли я писал о первых шахматных шагах Ноны Гаприндашвили? А сегодня она, завоевавшая звание гроссмейстера и в мужских турнирах, проигрывает матч совсем юной Майе Чибурданидзе.

К счастью, не так короток шахматный век, как, скажем, век гимнастов или спринтеров, который составляет примерно одну десятую часть всей жизни, отпущенной человеку.

Шахматы — те посправедливее. Можно играть долго. И хорошо.

* * *

На Карпова хорошо поработали его предки.

Не знаю, кодируется и передается ли генами любовь к шахматам (не удивлюсь, если окажется, что да), но способность к точному счету и отвлеченному мышлению, особый математический слух... Можно ли утверждать, что это не по наследству?

Об отце и первом шахматном учителе Толи Евгении Степановиче Карпове рассказывали: работая в Златоусте, этот инженер знал на память более полутора тысяч деталей, любую мог назвать и описать.

Память!

Затем Евгений Степанович работал в Туле главным инженером завода. Завод назывался «Штамп». Он производил продукцию, без которой невозможно представить ни один завод, ни одну фабрику... да и вообще мыслима ли наша жизнь без штампов? Проникая даже туда, куда их не зовут, они доказывают свою сверхнормативную приспособленность к жизни. Трудно избавиться от них. Но необходимо. Если хочешь играть в настоящие шахматы и учить сына.

Что нужно для таланта помимо наследства? Нужно стечение благоприятных обстоятельств. В определенное время. В определенном месте. Такое стечение произошло в конце 1968 года.

У нас не было бы Карпова, если бы мы не искали его среди многих миллионов.

У нас не было бы Карпова, если бы он не нашел учителя. Звали его Семен Фурман. Он был гроссмейстером (в шутку его называли чемпионом мира «по игре белыми фигурами»). Был застенчив в обычной жизни. И имел свое ярко выраженное «я» в жизни шахматной. Вообще считался экспертом неоценимым, а в области дебютов просто несравнимым.

За его плечами была работа с многими выдающимися шахматистами, в том числе с Михаилом Ботвинником и Тиграном Петросяном. Его рекомендациями, опытом непревзойденной картотекой дебютов (которую он умудрялся держать всю целиком в голове), понятно, было дано пользоваться не всем. А тем, на кого Фурман «положил глаз».

Среди них, к счастью (и для будущего чемпиона мира, и для шахмат вообще), оказался совсем еще юный Толя Карпов.

С. А. Фурман вспоминал:

«Я познакомился с Анатолием Карповым в конце 1968 года накануне командного первенства СССР. Армейские шахматисты проходили тренировочный сбор, в котором Анатолий, игравший на первой юношеской доске, также принимал участие.

Маленький, бледнолицый юноша с несколько флегматичным видом. Казалось, что он передвигает шахматные фигуры на доске с трудом. Как можно было представить, что он в состоянии добиваться самых высоких спортивных достижений?

Природа наградила Анатолия Карпова редчайшим шахматным талантом и сильной волей, а также скромностью и любовью к тяжкому труду. Когда я начал сотрудничать с Карповым, я сразу понял, что это очень способный шахматист — с огромным будущим. И я не ошибся. Уже в командном первенстве СССР того года Анатолий набрал десять очков из одиннадцати.

С этого события я как тренер армейских шахматистов взял Карпова под свое наблюдение и помогал ему в течение всего года».

Они словно присматривались друг к другу в течение года. Проверяли, насколько сходятся характерами, могут ли плыть на одном плоту по бурному шахматному морю. Семен Фурман был тем человеком, который помог Карпову показать все лучшее, что есть в нем, сохраняя при этом почти неприкосновенной редкую шахматную индивидуальность Карпова.

«Наставникам, хранившим юность нашу...» Эти пушкинские слова обретают особый смысл. Как бережно сохранить юность, если так возросли нагрузки, если современный юноша с еще неокрепшим характером обязан отдавать так много времени работе, учебе, дороге... если так мало времени остается на увлечения! Разве он сумеет реализовать себя, утвердить свое «я», если не научится распределять и ценить время?

С этого, кажется, у них и начиналось: с умения уплотнять тренировки. К уплотненным тренировкам, когда за единицу времени молодой человек получает неизмеримо больший запас информации, чем раньше, С. А. Фурман пришел исподволь, убедившись в способности Анатолия схватывать идеи на лету (что, в общем-то, так мало вязалось с «несколько флегматичным видом» ученика).

Эта интенсифицированная, построенная на абсолютном взаимном доверии тренировка и была, на мой взгляд, той отправной точкой, от которой все и пошло. Тренер задался целью слить чисто юношеские качества Анатолия — энергию, честолюбие, готовность везде, при всех обстоятельствах отстаивать свое мнение с мудростью... научить этой мудрости Анатолия, придать ему спокойную уверенность бойца.

Искусство тренера поверяется долгими годами занятий и не менее долгими турнирными днями: о, как медленно течет иногда турнирное время!

А еще это искусство поверяется в пору подготовки к соревнованию.

Кто как подходит к нему?

Один ждет не дождется, душа рвется в бой, он верит всем своим существом, что предстоящее испытание сил поможет ему стать на ступень выше, утвердить себя, предстать в новом качестве и перед товарищами и перед соперниками. Он считает часы до начала, но они бегут медленно; он видит во сне, как неторопливо выходит на сцену, заставленную шахматными столиками и демонстрационными досками, приближается к своей партии, обменивается рукопожатием с партнером, один только мимолетный взгляд бросает на партнера и, будто со стороны посмотрев на себя, радуется достоинству и уверенности, которые переполняют его.

А другой видит во сне, в тревожном тягучем сне, что начался турнир, но только он знает, какие опасные соперники выпали ему по жребия в первых турах, он скован, ему плохо дышится и еще хуже думается за партией, он хочет дотронуться до одной фигуры, но рука не слушается его, машинально берется за другую... кошмар... проигрыш... как это случилось... он просыпается в холодном поту... долго приходит в себя... с радостью убеждается, что это был сон.

Если можно верить снам, то такие — к явной неудаче, ибо приснились человеку, может быть, и умеющему руководить шахматным войском, да не умеющим руководить собой.

Но пока тренер ни о чем не догадывается. Он не знает, каков его новый ученик в трудном соревновании, как он ведет себя после победы, после поражения, достаточно ли в нем силы, чтобы критически отнестись к себе (не у всех в душевных запасниках этот клад!).

Семен Фурман нашел ученика, который был не по годам спокоен, выдержан и рассудителен, хотя и казался со стороны человеком, не сразу и нелегко вступающим в контакты.

Анатолий Карпов нашел учителя, который, хоть и казался человеком неразговорчивым, умел понимать, предвидеть и выбирать из множества слов, приходивших на ум, только те, которые годились именно в эту минуту, именно «для этого состояния».

Счастливое сложение характеров, неброских, но в решительные минуты достаточно резких, дало не сложение — умножение сил!

* * *

Рано ушел из жизни Семен Абрамович Фурман. Ушел незадолго до того, как ему предстояло, быть может, проявить свое шахматное и учительское искусство с особой силой. Когда он, как никогда, был нужен своему ученику и другу. И шахматам вообще.

А матч в Багио разворачивается неторопливо.

В такой поединке очень важно первым выиграть партию. Создать настроение. Овладеть инициативой. Заставить соперника потратить много часов на то, чтобы отшлифовать вариант или... вовсе отказаться от него. Тот гроссмейстер, который уверяет, что спокойно переносит поражение, говорит неправду. Нет таких гроссмейстеров сегодня. Возможно, они появятся завтра, но это будут кибернетические гроссмейстеры.

Первые семь партий матча завершились ничью.

В одной из них, пятой, чемпиона едва не подстерегла неудача. Получив тяжелую позицию, Карпов при откладывании записал, быть может, не лучший шахматный, но зато безукоризненный психологический ход, который, похоже, при домашнем анализе вообще не рассматривался штабом претендента. Во всяком случае, при доигрывании уже скоро Корчной оказался в цейтноте (на десять ходов у него оставалось пять минут). Но когда ничья была близка, Карпов сделал неудачный пятьдесят второй ход. Корчной не просчитал до конца варианта, форсированно приводившего к мату. И дал не тот шах слоном. Черный король смог выпутаться из матовой сети.

Кто имел моральное преимущество после той пятой партии, длившейся 124 хода: чемпион ли, который спас очень трудное окончание, или претендент, который довел партию до победы, но достичь ее так и не смог?

Чаша весов пока колебалась.

Две другие партии также завершились ничьей. Наступил черед восьмой...

Сделано всего лишь семнадцать ходов, но позиция черных, которыми играет претендент, уже очень сложная. Король, застрявший в центре, не имеет перед собой ни одного пехотинца, который был бы способен прикрыть его грудью. Один лишь офицер из штабного охранения спасает его от готовящегося неприятельского удара. Белая конница вышла на ближние подступы к лагерю, дальнобойные орудия белых простреливают из конца в конец дороги, ведущие к нему.

Есть воинское правило: идти в атаку можно, лишь имея превосходство в силах над обороняющимися. Этот закон действует и на шестидесяти четырех полях. Белые так располагают свои силы, чтобы на решающих участках предстоящего сражения получить численное превосходство. Приходится идти на жертвы. Зато белые получают свободу маневра и сковывают неприятельское войско.

Черные защищаются из последних сил. И притом достаточно искусно. Кажется, что к двадцать четвертому ходу серией разменов им удастся чуть-чуть разрядить обстановку.

Но дело в том, что Карпов лучше видит позицию, которая возникает после разменов, и комбинационную возможность, открывающуюся в ней.

На двадцать шестом ходу Карпов жертвует ладью. Взятие неминуемо приводит к мату. Отступление же черной ладьи по вертикали «е» ведет к ее связке и быстрой потере. Корчной перекидывает тяжелую фигуру с поля боя чуть не на край доски. Тогда Карпов, не уводя своей ладьи из-под удара, жертвует и коня. Корчной снимает ладью. И получает форсированный мат в два хода.

Претендент нервно расписывается на бланке.

Слово «сдаюсь» за него проставит судья.

Девятая партия — ничья.

Десятая партия — ничья.

Из десяти первых встреч — лишь один результативный поединок.

Сколько же времени будет тянуться весь матч?

Анатолий Карпов:

— Загрустил член апелляционного жюри американец Эдмонд Эдмондсон. Он начал жаловаться, что не рассчитал, мол, не думал, что это будет такое долгое и трудное соревнование. Надо продавать дом в Нью-Йорке и переезжать в Гавайи, там ждут неотложные дела, но он не имеет права покинуть Багио даже на один день. Эдмондсон спросил, что ему делать. А я в свою очередь спросил, что он думает, как долго тянулся бы матч с Фишером, если бы мы играли его по регламенту, на котором когда-то настаивал мой собеседник, — не до шести, как теперь, а до десяти выигранных партий.

* * *

16 октября 1974 года в пятом номере специального выпуска бюллетеня Центрального шахматного клуба, посвященного финальному матчу претендентов, было опубликовано интервью: «Ничьи вне закона».

«Зритель не питает симпатий к ничейному результату спортивной борьбы... Я до сих пор не могу понять, как умудрились участники шашечного матча на первенство мира свести вничью двадцать партий из двадцати! Зрительный зал был настолько пуст, что телеоператоры стеснялись его показывать... Не случайно в некоторых турнирах прошлого века ничейные партии переигрывались, а иногда даже приравнивались к поражениям. Нынешние матчи претендентов поставили ничьи «вне закона». Они просто не засчитываются, и в этом огромная притягательная сила поединков. Только победа открывает путь к успеху».

Торопливое и наивное было заявление. Пишу об этом, не боясь обидеть человека, сказавшего эти слова, потому что им был я.

В самом деле, думаю я теперь, куда годится: человек вкладывает в партию такое количество умственной, нервной и физической энергии, какое просто невозможно измерить, а все усилия уходят в воздух, в песок, в никуда. Куда мудрее было правило, когда ничья приближала к цели или чемпиона или претендента, если тому удавалось повести в счете. Есть много других мнений, но теперь, повидав и пережив Багио, я начинаю все больше думать, как несправедливо делить партии на имеющие спортивное значение и не имеющие никакого спортивного значения.

Что-то надо сделать, чтобы следующие поединки не превращались в состязание по «терпению и выдержке», которое отодвигает на второй план собственно шахматное искусство.

* * *

Как оценивает начало матча чемпион мира?

— Мы оба с самого начала были настроены на бескомпромиссную борьбу. У меня была неплохая первая партия, у Корчного — вторая и четвертая. В пятой мне пришлось выдержать тяжелую защиту. Корчной мог дать мат, но в цейтноте прошел мимо этой возможности. Решив, очевидно, не тратить время на расчет дальнего и не очень ясного варианта, он предпочел наверняка выиграть пешку. Закончилась партия тем, что мы пришли к знаменитой позиции Раузера, но эндшпиль имел нюансы, еще не встречавшиеся, насколько мне известно, в практике. У претендента были лишние слон и пешка, а выиграть не смог. Да и не мог...

(Замечу, что это окончание было столь необычно и любопытно, что и полгода спустя мнение читателей еженедельника «64» разделялось: доводы находивших выигрыш за белых

разбивались контрдоводами оппонентов... в конце концов мнение оппонентов восторжествовало, что лишь подтвердило безукоризненность аналитической работы чемпиона и его команды. — Ал. К.)

— Семь первых партий показали, что в сложных позициях я превосходил противника, — продолжал Анатолий Карпов. — Он же имел некоторое преимущество в тактических построениях. Все было иначе, чем в предыдущем матче с Корчным. Иррациональная борьба стала теперь моим делом. В восьмой партии мне удалась матовая атака. Я стремился к инициативе. Потом подсчитали, что в тридцати двух партиях Корчной пожертвовал всего одну пешку, я же позволил себе пожертвовать почти полный набор фигур.

В одиннадцатой партии я играл плохо, мог форсированно добиться перспективной позиции, но игра не шла, не было четкости. Не мог просчитать длинный вариант и был недоволен собой.

* * *

В жизни каждого человека, а тем более спортсмена-бойца, бывают подъемы. Это обязательно означает, что бывают и спады. Когда конькобежец, готовый к рекорду, вдруг делает сбой на вираже. Когда баскетболист, безукоризненно выполняющий штрафные броски, в последние секунды важнейшего олимпийского матча посылает оба мяча мимо кольца... А шахматист, уверовавший в себя сам и заставивший уверовать других, вдруг теряет способность «видеть доску», рассчитывать вариант. Помню рассказ Бориса Спасского об одном сверхнапряженном и важном поединке: «Я вдруг забыл, как ходит ладья, и лишь усилием воли, потратив несколько секунд, заставил себя вспомнить». Это не рассказы, это шахматная жизнь со своими суровыми законами и испытаниями ума и характера.

Карпов был «недоволен собой».

Как и чем можно было снять это недовольство? Реабилитировать себя в собственных глазах? Броситься вперед с открытым забралом в первой же партии, тем более что в ней на твоей стороне право первого хода? Есть гроссмейстеры, которые редко позволяют себе азартно вести игру после поражения. Жизнь, кажется, подтверждает их правоту: не спеши, отдышись, до конца матча еще далеко, успеешь.

Но двенадцатая партия имеет один подтекст. Во всех четных поединках претендент пускает в ход свое главное оружие — открытый вариант испанской партии. Гроссмейстер И. Зайцев говорил: «Корчной напоминает боксера, который всего себя вкладывает в один удар. Надо было заставить его промахнуться».

В номерах отеля «Терраса Плаза», в котором живет советская делегация, до утра не гаснет свет. Идет работа. В пользу чемпиона. Во имя шахмат. Ибо находка, которая вот-вот, где-то уже совсем близко, пусть чуть-чуть, но все же раздвинет границы шахмат, углубит их, докажет, что белый цвет — это всегда белый цвет, его преимущества неоспоримы. Надо только уметь подтвердить это.

Двенадцатая партия — как испытательный полигон. Чемпион на девятом ходу изберет новое продолжение. Новое в матче. Но это еще не находка: та впереди. Испытывается рекомендация большого знатока дебюта Пауля Кереса. Ранний размен ферзей, неустойчивый королевский фланг черных, лишняя, хотя и подверженная неприятельским ударам, пешка белых и многочисленные проблемы, которые необходимо решать претенденту. Сегодня на сцене. А завтра и послезавтра в номере за доской, на которой можно (и нужно) брать назад один ход за другим, пытаясь найти ответ: как избежать случившихся неприятностей, где и как могут найти

усиление белые... что ему противопоставить? Но только это будет «не та работа», ибо, загадав загадку в двенадцатой, пусть закончившейся вничью, партии, Карпов готовился в следующей четной встрече ввести испанский дебют в совершенно иной миттельшпиль.

* * *

Двенадцатая партия, однако, быстро и не совсем заслуженно забылась, ее затмили две следующие встречи, державшие в напряжении сколько миллионов на земле!

Рассказывает заместитель председателя Спорткомитета СССР Виктор Ивонин:

— Я вылетел в Пицунду на открытие матча Гаприндашвили — Чибурданидзе. Была недолгая остановка в Тбилиси, меня пригласили на футбол, а из головы тринадцатая партия не выходит: спасет ее Карпов или нет? Отложенная позиция у меня на столе в кабинете осталась, перед самым отъездом зашел гроссмейстер Владимир Антошин, говорит, есть шансы на ничью. Показал он несколько вариантов, да только в той позиции можно было сто разных вариантов найти, а мой собеседник, казалось, рассматривал самые благоприятные. Я, честно сказать, подумал: успокаивает, не хочет, чтобы я с плохим настроением ехал. Одно утешение, что и четырнадцатая партия отложена. С преимуществом у Карпова.

Сидим, значит, на тбилисском стадионе. И вдруг по радио объявляют торжественным голосом, совсем как Левитан: «Внимание, сейчас будет передано сообщение из Багио».

За минуту до того тбилисцы не забили гол. Шум на трибунах стоял, а тут вдруг за одну секунду погас. И в этой торжественной тишине диктор произнес: «Как сообщает корреспондент ТАСС из Багио, тринадцатая партия на первенство мира по шахматам между Карповым и Корчным закончилась...» Диктор сделал многозначительную паузу на две-три секунды и закончил: «...победой чемпиона мира Карпова». Вот, думаю, черт противный, что-то напутал, и еще таким возвышенным тоном вещал.

Гул поднялся страшный. Люди радуются, поздравляют друг друга, кто-то поздравляет и меня, а я все думаю, напутали они там.

И вдруг снова по радио: «Внимание, сейчас будет передано сообщение из Багио».

Ну вот, говорю себе, сейчас передадут поправку, выиграл, мол, не чемпион, а претендент, приносим свои извинения.

А диктор тем же четким, немного взволнованным тоном: «Как сообщает корреспондент ТАСС из Багио, четырнадцатая партия на первенство мира по шахматам между Карповым и Корчным закончилась... (опять последовала интригующая пауза)... победой Карпова».

Ты знаешь, что на стадионе поднялось... В общем, чего мне тебе рассказывать, ты лучше меня знаешь, что такое тбилисский стадион...

Вот как характеризовал отложенную позицию тринадцатой партии экс-чемпион мира М. Таль: «Позиция... достаточно неприятная для черных. Над записанным ходом претендент продумал сорок минут и остановился на самом естественном продолжении».

Мне кажется, что слова «достаточно неприятная» были написаны после многих часов, проведенных за анализом. Ибо при откладывании она казалась проигранной.

Увы, именно так рассматривали ее в Москве.

...Полковник В. Виноградов мог позвонить в полночь, чтобы известить: «Выхода, кажется, нет. Смотрели всем отделом».

Кандидат наук и шахматный кандидат председатель Киргизской шахматной федерации А. Муратбеков печально сообщил, что провел в гостинице полночи за анализом, ничего хорошего не нашел, а под утро ему позвонили из Фрунзе, где тоже «смотрели всю ночь», и

интересовались, что думают в Москве, не нашли ли выхода.

Директор Тбилисского шахматного клуба Л. Церодзе сказала:

— Пусть не торопятся с билетами. Лучше ехать на хорошее настроение.

Чтобы расшифровать это высказывание, надо сделать небольшое отступление.

...Мы должны были вылететь в Багио 12 августа. Были заказаны билеты, но к назначенному часу не пришли филиппинские визы.

Мы каждый день аккуратно, как на работу, приходили в шахматный клуб. Рассаживались, рассматривали партии, отложенные в Багио, играли блинц, вздыхали. Наконец визы получены, но все рейсы в Токио загружены на две недели вперед. За нас просили, ходатайствовали, требовали: Госплан (в составе группы первый заместитель председателя Госплана Армении М. Аллахвердян), Министерство здравоохранения (в составе группы министр здравоохранения Грузии Г. Лежава), Интурист (все туристы), Спорткомитет (все мы так или иначе причастны к спорту). Визы были. Билетов — нет. И надежд тоже. И тогда кто-то сказал:

— Жаль, нет на месте Мирзояна, он бы помог.

— Это какой Мирзоян? — на всякий случай спросил я.

— Георгий Арменакович, заместитель начальника управления внешних сношений... из гражданской авиации.

— Стоп, — сказал я, прерывая и без того проигранную партию с Ф. Гасановым, заместителем председателя Шахматной федерации Азербайджана. — Позор на вашу голову! Чем вы занимаетесь, когда все зависит от вашего земляка?

— К сожалению, я с ним не знаком. Неудобно как-то. И потом, откуда вы знаете, что он мой земляк?

Я вспомнил молодого черноволосого человека, с которым когда-то познакомил меня начальник Азербайджанского управления ГВФ Н. Алиев, равно деливший свои увлечения между боксом (в молодости) и шахматами («после молодости»). Не сегодня замечено: бакинец всегда пойдет навстречу земляку. Когда может — не с такой охотой, как когда не может. Чтобы бакинец-шахматист не помог бакинцу-шахматисту? Этого просто не может быть!

Надо звонить в Баку к Нури Алиеву, узнать: тот ли это самый Мирзоян? Не он ли переехал в Москву?

— Конечно, он, — отвечал Алиев и, узнав, по какому делу я звоню, прежде всего поинтересовался: — Ты скажи мне, как там тринадцатая партия? Тут у нас во время перерыва только ею и занимаются. Говоришь, есть надежда?

И мой старый товарищ, забыв о том, почему я к нему звоню, начал давать рекомендации, как бы следовало играть Карпову.

У меня кончались пятнадцатикопеечные монеты. А на том конце телефона рассматривали один вариант за другим. Выручила сердобольная старушка, стоявшая за мной в очереди и положившая в мою протянутую руку полдюжины монет.

— Что касается Мирзояна, звони ему по этому телефону прямо домой, и я позвоню тоже.

Как разместил нас в самолете добрый человек Г. Мирзоян, для меня до сих пор тайна. Ибо точно известно, что сперва не хватало семи билетов, потом трех и уже перед самой посадкой — одного.

А в конце концов улетели все вместе, уже зная результат тринадцатой партии.

Свидетельство Анатолия Карпова:

— Мы смотрели эту партию до утра и не видели четкого плана реализации преимущества белых. Пожалуй, не видел этого и претендент. Перед тем, как отложить партию, он продумал

более сорока минут (впоследствии оказалось, что был записан сильнейший ход). Затем в поисках путей реализации преимущества Корчной взял тайм-аут. Возможно, он хотел, чтобы я пришел на следующую, четырнадцатую партию под впечатлением от плохой отложенной позиции, а возможно, продолжал искать выигрыш в тринадцатой. При доигрывании оказалось, что он не учел уже четвертого хода черных. Ему пришлось работать за доской, работать самостоятельно. В результате попал в цейтнот. На одну минуту у него оставалось восемь ходов. За семь ходов до контроля Корчной перестал записывать партии... Он начал заглядывать в мой бланк для того, чтобы выяснить, сколько же осталось ходов. Я не закрыл своего бланка (очевидно, давая понять, что спокоен за исход поединка и определенным образом воздействуя тем самым на противника. — Ал. К.). Почувствовав, что Корчной начал нервничать, я заготовил ловушку, напав на пешку. Он попался на эту ловушку. В конце концов потерял ферзя и вынужден был сдаться.

Это свидетельство дополняется отчетом М. Таля в «64»: «Судя по всему, Корчной в своих анализах просмотрел перегруппировку черных фигур.

Иначе трудно объяснить, почему, раздумывая над своим 45-м ходом, он потратил более половины оставшегося ему времени. Корчной принимает решение с помощью нейтральных ходов дотянуть партию до контроля с тем, чтобы потом поискать пути с усиленной позиции».

Дотянуть не удалось.

Четкими ходами Карпов опровергает неудачный маневр белого ферзя и ловит его.

Что же касается четырнадцатой партии, она имела особый подтекст. Найдя опровержение открытого варианта испанской партии, Карпов заставляет претендента отказаться от нее.

Шестнадцатая партия — французская защита. Восемнадцатая партия — защита Уфимцева. Двдцатая партия — защита Каро-Канн.

Главное оружие выбито из рук претендента.

Мы едем на хороший счет — 3:1. И на хорошее настроение.

Филиппины расположены на бесчисленном множестве островков. Если соединить их, то это будет не такое обширное государство. Страна невелика, но кажется, нет границ ее сердечности. Здесь живет удивительно доброжелательный народ, который любит петь, умеет строить, искренне радоваться гостю.

Едва выйдя из самолета, ты чувствуешь, как сразу промокла на тебе рубашка. Жаркий влажный воздух как бы замедляет движения, здесь неторопливые носильщики, неторопливые работники аэропорта. В этом климате, кажется, предосудительно делать резкие движения и изображать бурный темперамент. Единственное спасение для чужеземца — гостиница с ее кондиционерами.

Говорят, филиппинская природа щедра. Никто не будет спорить. Только нам, «которые чуть-чуть с севера», она кажется скуповатой. На самом деле, ну что за природа, если у нее зимой снега не выпросишь? На Филиппинах не знают, что такое снег. Зато хорошо знают, что такое дождь, или, точнее, что такое ливни. Тут нет привычных представлений о смене времен года, нет весны, лета, осени, зимы. Есть только два сезона: сезон, когда льют дожди, и сезон, когда они тоже льют, но не так уже сильно. Филиппинские острова продуваются во всех мыслимых и немыслимых направлениях океанскими ветрами. Дыхание океана, обильные осадки, плодородная почва — это та самая комбинация, которая создала редчайшие растения, овощи и фрукты, неведомые на других широтах. Заглянув на рынок, вы найдете на чистых, аккуратненьких лотках плоды, напоминающие груши, яблоки, лимоны и апельсины, но на самом деле не являющиеся ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвертым. Я сделал попытку записать названия некоторых из них, и продавец, возле которого собралось несколько любопытных, искренне удивился тому, что есть края, где не знают этих овощей и фруктов, «которые растут в каждом дворе».

Здесь богатая земля, щедрое небо, работающий народ. Кажется, живи, радуйся, где еще в мире такая благодать?

Только далеко не у всех рис на каждый день да крыша над головой каждую ночь.

По вечерам высыпают на улицу целыми семьями, ужинают прямо на тротуаре и на тротуаре же ложатся спать: под голову — старый журнал как подушку, на себя — газету как простыню. Ложатся поздно, встают на заре. Стар и млад отправляются на работу, чтобы вкалывать на полную железку. Здесь нет выражения «вкалывать», но я думаю, что именно этот глагол наиболее точно определяет отношение филиппинца к делу. Если он работает, то работает от души и с улыбкой, всего себя отдает работе... с тем, чтобы через много лет, накопив деньги, получить крышу над головой.

* * *

Сегодня по телевидению будет показана шестнадцатая партия. Семнадцатую, восемнадцатую и девятнадцатую нам, по идее, суждено посмотреть в самом Багио. Двадцатую должны застать на обратном пути, в Сингапуре, который три раза в неделю отдает одну из своих телевизионных программ соревнованию в Багио.

На телеэкране крупным планом доска и две фигуры, склонившиеся над ней.

Знакомое лицо чемпиона. И с трудом узнаваемое лицо претендента. Нервически поводит плечами: нажав на кнопку часов, порывисто встает из-за стола, а когда надо записать чужой ход,

резко хватает ручку.

Он мало напоминает того Виктора Корчного, которого я помню.

* * *

Несколько лет назад в Центральном шахматном клубе была развернута выставка картин казанской художницы Галины Ивановны Сатониной. Все ее работы были посвящены одной теме — шахматам. Многократная чемпионка Татарской АССР постаралась оживить фигуры, наделить их своими судьбами и характерами, связать их с теми, кто повелевает шахматным войском. Серия «Портретов» — это вся гамма чувств, которые испытывает за доской шахматист. Вот их название: «Упорство», «Непримиримость», «Презрение», «Ярость». Хотя, если признаться честно, мне не казалось раньше, что это главные чувства, которые владеют человеком за доской. Не казалось раньше. До Багио. А в Багио нельзя было не вспомнить об этих работах. И их названиях. Они выражали настроение чемпиона мира и его отношение к противнику.

* * *

Смотрю на Корчного и вспоминаю слова прекрасного советского режиссера Романа Кармена. Автор киноэпопеи «Великая Отечественная», созданной советскими и американскими кинематографистами, сблизился в годы работы над фильмом с интересными людьми и незадолго до кончины написал:

«Без друзей жить незачем. Но, впрочем, такие люди, которые сосут лапу в одиночку, все-таки еще находятся, но я их не понимаю. А зачем, собственно, жить, если не с кем разделить радость или горе?»

Кто друзья Корчного? С кем он делит радость или горе? Нет таких. Есть люди, которые готовы разделить с ним доллары, или фунты стерлингов, или марки, но не радость, но не горе. Кто друзья? Это Лееверик, имеющая за плечами немалый антисоветский стаж, которой ныне доверено защищать интересы Корчного (как она это делает, мы еще узнаем)... Известный аргентинский гроссмейстер, приезжавший консультировать Корчного и получавший гонорар чуть ли не за каждый предложенный им вариант. И еще маленькие глазастые подвижные филиппинцы-телохранители, о которых пишут манильские газеты и которые, как говорят, прошли специальный курс каратэ. Это — друзья?

«Предатели предают прежде всего самих себя», — писал Плутарх.

Комментатор, трижды в течение партии появлявшийся на экране, объявляет, что дело, скорее всего, сведется к ничьей, и, видимо стремясь оживить свой рассказ, занимается любопытной статистикой. Для того чтобы составить представление о силе команд чемпиона и претендента, он начинает подсчитывать баллы по Эло у каждого из тренеров и, сложив их прямо перед зрителями на компьютере, говорит:

— Господа советские тренеры имеют неоспоримое преимущество над господами-тренерами эмигранта, и, конечно, им хотелось бы немножко поработать вместе с Карповым над отложенной партией. Но если даже партия не будет доиграна, самый искусный в мире аналитик не найдет путей усиления позиции за белых или за черных, ибо хорошо известно, что четырехладежные эндшпили не выигрываются... тем более такой. А теперь, — продолжает

комментатор, — я вам расскажу коротко о рейтинге. У каждого хорошего шахматиста есть своя сумма баллов, которая показывает, что стоит он в разные периоды своей жизни. Насколько он сильнее других или слабее. Каждый знает свое точное место...

...Никогда не думал, что о рейтинге можно сказать столь образно. Благо-то какое — каждому помочь узнать, что он стоит сам по себе и в сравнении с другими.

Евгений Вахтангов писал, что посредственности рождаются часами, таланты — годами, а гении — десятилетиями.

Но как отличить посредственность от гения? Узнать, кто чего стоит? Не поучиться ли у шахматистов с их рейтингом?

Каждый мастер имеет в своем активе определенное количество баллов. Сыграл в турнире хорошо — баллы растут, сыграл плохо — они тают. После каждого крупного соревнования и гроссмейстеры, и международные мастера, и мастера узнают с точностью до десятых свои истинные способности. Когда-то мы поругивали эту систему, изобретенную американским математиком Эло, а потом... начали признавать преимущество его системы.

Шахматы как модель жизни не только копируют ее, но и сами подсказывают ей идею поощрения сообразительности, целеустремленности, таланта. Давно ведутся дискуссии: как бы начать в производственных коллективах, архитектурных мастерских и научных лабораториях регулярную, поставленную на современные статистические рельсы аттестацию кадров? Время бежит быстро, как никогда, меняет требования и к слесарю и к академику, заставляет вырабатывать параметры, позволяющие точно ответить на вопрос: кто был кто вчера? И кто есть кто сегодня?

Мудрые мужи заседают в квалификационной комиссии. Отрешенные от мирских дел, они подчиняют свои симпатии и антипатии цифре. В этот штаб стекаются результаты всех известных и малозаметных турниров, в которых участвует хоть один наш шахматист. Даже самая скромная половиночка не укроется от их взгляда. Математика! Мать и мачеха! К кому-то добра. К кому-то неласкова. И при всем том справедлива высшей справедливостью.

Забегая вперед, скажу, что в основу последнего всесоюзного списка были положены результаты двадцати трех международных соревнований в Амстердаме, Будапеште, Буэнос-Айресе, а также в Свиноуйсеце, Тируччираппали, Наленчуве (приходилось ли вам слышать об этих городках раньше? Шахматы возвышают и дают великую известность не только своим мастерам и организаторам, но и городам!). Затем были учтены результаты юбилейных турниров, посвященных шестидесятилетию Вооруженных Сил СССР и шестидесятилетию комсомола, мемориалов, посвященных памяти шахматистов и тренеров, оставивших добрый след на земле. Первого дальневосточного гроссмейстера А. Зайцева; славного учителя А. Карселадзе, заложившего основы грузинской шахматной школы; одного из оригинальнейших наших гроссмейстеров А. Толуша и ярких мастеров Е. Когана и И. Липницкого.

После этого начались работы над таблицами первенств городов, областей и республик, чемпионата страны, чемпионата мира для юношей и молодежных команд. Были переведены на язык коэффициентов результаты XXIII Всемирной олимпиады в Буэнос-Айресе. И, наконец, результаты матча на первенство мира. А всего сто сорок семь соревнований!

Работа не из легких, да из благодарных.

Повторю — все как в зеркале.

Пока никто близко не подошел к Анатолию Карпову.

Из Манилы до Багио ведет широкая поначалу дорога. Но, сужаясь все больше и больше, она превращается на последних километрах в тонкую асфальтовую ленточку, на которой непросто разъехаться двум автомобилям. То и дело встречаются провалы и наспех возведенные вокруг них оградительные устройства. Было землетрясение, был тайфун. Чем ближе цель, тем больше препятствий. Дорога в Багио даже в прямом смысле этого слова не проста. Что же говорить о дороге шахматной?

Багио представляется мне неким подобием шахматного Олимпа. Трудно взойти на эту вершину, но еще труднее оборонить свое место на ней.

Один из последних тайфунов, пронесшихся над Багио, унес золотую корону со скульптурной фигуры святого — покровителя городка. Был объявлен розыск. Сперва назначили премию тому, кто сдаст корону, потом наказание тому, кто этого не сделает. Как рассказывали, в конце концов корону нашли у одного клерка, которого и посадили за решетку. Подтекст был недвусмысленный: корона должна принадлежать тому, кто имеет на нее право.

Тайфуны и землетрясения — беда, но и вместе с тем весьма серьезная статья в городском бюджете. На борьбу с их последствиями городу ежегодно выделяется 6 миллионов долларов. Рассказывают, что и в те годы, когда нет таких серьезных тайфунов и землетрясений, эти ассигнования все-таки умудряются использовать.

Филиппины занимают одно из первых мест в Азии по добыче золота. По дороге в Багио несколько раз открывался вид на прииски со старенькими, почерневшими от времени драгами. Вдоль берегов — рукотворные Гималаи переработанной породы. Даже в малой крупице золота — труд многих и многих людей. Что же сказать тогда о золотой чемпионской шахматной медали, борьба за которую идет «чуть выше». Многое вбирает в себя эта медаль. И трудов. И надежд тоже. Никогда не казалась она такой желанной, как теперь.

В путеводителе о Багио написано:

«Эта очаровательная, радующая глаз и сердце горная местность, раскинувшаяся на высоте пять тысяч футов над уровнем океана, — и почитаемая и посещаемая страна. Обаятельный город дает много впечатлений. Кругом мирные картины. Влюбленные обнимаются под сенью деревьев. Старые пары, держась за руки, чинно прогуливаются в тени холмов по дорожкам, окаймленным пышными летними цветами. Как будто бы этот город хранит кусочек волшебства для каждого из вас».

«Кругом мирные картины...» Это скорее всего из вчерашнего Багио.

Приезжаем примерно за полчаса до начала семнадцатой партии. Складываем все вещи в двух номерах отеля и на миниавтобусах спускаемся ко Дворцу конгрессов, где вот-вот начнется партия.

Я представил себе на минуту, как выглядел бы любой наш Дворец или Дом культуры, проходи там матч на первенство мира. Вспоминаю, что творилось у входа в Концертный зал, в Дом союзов, в Дом литераторов... многотысячные толпы даже в мороз; подняты воротники, иней на бровях и на усах. У многих в руках карманные шахматы, каждый ход оживленно комментируется. Это великое шахматное братство, объединенное великой любовью к великой игре, готово стоять еще долгие часы на морозе, ожидая один только ход «оттуда».

А здесь такая тишь, такое малолюдье, с трудом заставляешь себя поверить, что под этой обширной ультрасовременной кровлей идет матч, о котором пишут все газеты мира.

Я говорю себе: «Счастлив, счастлив, счастлив в эту минуту!» Руководитель советской делегации В. Батуринский представляет гостей главному организатору матча Ф. Кампоманесу. У Кампоманеса для каждого заготовлено доброе слово. Мы узнаем, что это благодаря ему, славному человеку и энергичному шахматному организатору, мы оказались здесь, на этом конце света. Чтобы добыть визы для небольшой советской группы, пришлось Кампоманесу бросить все

дела в Багио и лететь в Манилу, получить аудиенцию у президента республики и попросить его вмешаться в дела департамента, ведающего визами.

Председатель Шахматной федерации Киргизии А. Муратбеков в порыве чувств дарит Кампоманесу национальный головной убор и, застенчиво улыбаясь, говорит:

— Спасибо, аксакал.

Долго цокает от восхищения филиппинец — не знаешь, что ему больше понравилось: подарок или прозвище. Узнав его смысл, он при мне на рауте представился одному иностранному обозревателю: «Кампоманес-аксакал» — и при этом показал на свою шапку, с которой не расставался даже в помещении.

В вестибюле дворца продают всевозможные сувениры, значки, конверты со специальным штампом. А вот совершенно удивительная коллекция шахматных фигур. Ее собрал один из президентов республики, Карлос Гарсия (1956—1961), и подарил манильскому клубу. Разглядывая эту коллекцию, я не мог не вспомнить о давней любви филиппинцев к шахматам. В Маниле, в музее Хосе Рисаля — национального героя Филиппин, погибшего в борьбе за свободу и независимость родины, в музее человека, который был и врачом, и филологом, и этнографом, есть походные шахматы. Они напоминали шахматы, которые когда-то подавались в самолетах: доска с дырочками, фигурки со штырьками, предтечи современных магнитных шахмат. Хосе Рисаль никогда не расставался с этой доской. А еще нам рассказали, что Хосе Рисаль изучал русский и владел им. Я подумал, что шахматы и русский издавна манили революционеров земли.

Шахматы — национальное пристрастие филиппинцев. Играют в маленьких кафе, сапожных мастерских, католических школах, прямо на улице. О шахматистах много пишут газеты, им посвящает свои передачи телевидение. Э. Торре — первый в Азии гроссмейстер — национальная гордость филиппинцев. Вполне закономерным было то, что страна семи тысяч островов так боролась за право провести у себя матч на первенство мира.

Кто слышал о маленьком поднебесном курортном городке Багио раньше? Как случилось, что именно он победил в конкурсе городов?

Среди стран, пригласивших матч, были Франция, Швейцария, Италия, Голландия, Австрия, ФРГ и Филиппины. Каждая из национальных шахматных федераций обещала поддержку и вела активную кампанию. В конце концов из семи претендентов остались Голландия, Австрия, ФРГ и Филиппины.

Претендент знал, сколь популярен в Федеративной Республике Германии А. Карпов. На протяжении восьми месяцев шла телевизионная партия шахматистов ФРГ с чемпионом мира. Она закончилась вничью и породила множество новых поклонников игры. За полтора месяца разошлось более двадцати пяти тысяч экземпляров книги А. Карпова о шахматах — невиданный тираж для страны, где привычная норма для подобной литературы две-три тысячи экземпляров. Корчной исключил из своего списка ФРГ и назвал Филиппины, ибо вспомнил, как в свое время Карпов отказался играть на Филиппинах предполагавшийся матч с Фишером. Однако Корчной не знал о том, что в закрытом письме на имя Международной шахматной федерации чемпион поставил Филиппины на второе (запасное) место вслед за ФРГ. Побывав до этого на Филиппинах, Карпов обнаружил здесь благоприятный шахматный климат, почувствовал заботу о развитии шахмат, расположенность к себе и — самое главное — выяснил, что в горном городке Багио можно жить и можно играть.

Так и случилось, что Филиппины оказались в обоих списках, и теперь в эту страну лежал путь многих любителей шахмат.

Корчной пришел на партию со счетчиком Гейгера. Для чего? Для кого? Почему?

Корчной считает себя первым шахматистом земли. Это значит, что он играет сильнее всех. Раз он играет сильнее всех, он не имеет права проигрывать. Но он проигрывает. Разумеется, это не его вина. Кто-то на него воздействует. Осталось только выяснить, кто и каким образом, и его дела пойдут на лад. Соблазнительно оправдать свой проигрыш старым как мир магнетизмом. Или новейшим из новейших изобретений — лазером. Сперва посмотрим, как обстоит дело со вторым. Уже потом — как с первым.

Жил-был в Монреале один не очень хороший человек: инженер Солли. Он не пропускал скачек и играл на тотализаторе. Ставил по крупной. Когда проигрывал, извещал о неудаче с беззаботной улыбкой всех, кого это могло и не могло интересовать. Когда выигрывал, получал свои призы втихомолку с помощью трех подставных лиц. Все дело было в том, что Солли проигрывал крайне редко. А выигрывал, когда хотел.

В начале семидесятых годов на ипподроме Монреаля, где выступали знаменитые жокеи на знаменитых скакунах, начали происходить странные вещи. Лошади, выигрывавшие дерби на ипподромах Лондона и Парижа, Нью-Йорка и Буэнос-Айреса и считавшиеся фаворитами сезона, вдруг начали уступать первые места лошадкам малоизвестным. Когда это случилось в первый раз, ипподром погрузился в молчаливую меланхолию. Когда в третий — разразился гулом недоумения. Когда же в самой главной скачке первыми пересекли линию финиша две самые плохие кобылы, на которых мог поставить только явный сумасброд, — огласился проклятьями. Все, что должны были поделить между собой примерно полтысячи самых опытных игроков, ставивших на дубль-экспресс, получил один джентльмен, который предпочел остаться неизвестным.

Им был господин Солли.

Приходя на ипподром, он каждый раз занимал новое место, стараясь оказаться среди незнакомых людей. Изображал из себя кинолюбителя. Пока шли второстепенные скачки, наводил на лошадей киноаппарат. Когда же начинались главные забеги, кинокамеру откладывал. И брал в руки очень похожий на нее другой аппарат. И целился им в фаворитов, после чего те начинали заметно сбавлять скорость. Жокеи выходили из себя, владельцы конюшен хватались за сердце, даже выдавшие виды судьи беспомощно разводили руками.

В конце концов на Солли обратила внимание полиция. Жулика поймали за руку. С помощью экспертов установили, что второй аппарат, которым он пользовался, носит название «лазер».

В газетах появились заголовки: «Лазер на службе афериста», «Как далеко это может пойти?», «Нужна новая статья в уголовном законодательстве».

Дискутировался вопрос: не может ли случиться, что такой тип появится в Монреале не на ипподроме, а на олимпийском стадионе? Будет целиться в бегунов — чемпионов и рекордсменов, выводя первым к финишу своего дружка? Кому тогда нужны будут эти Олимпийские игры? Что делать, как быть, кому поручить контроль и как этот самый контроль можно осуществить?

Не знаю, что получил в конце концов Солли, но отголоски того ипподромного дела

долетели до монреальской Олимпиады.

Спрашивали: «Проблема?»

И отвечали: «Проблема!»

И снова спрашивали: «А как с нею быть? Техника идет вперед, всегда ли мы успеваем за нею? Кто предложит радикальные меры для выхода из положения?»

Корчной носит с собой счетчик Гейгера.

В зале разрешают фотографировать три минуты, когда партнеры, не задумываясь, делают первые ходы. Едва истекают три минуты, у сцены появляется миловидная строгая дама в форменном платье и обращает к зазевавшемуся фоторепортеру взгляд, полный осуждения и недоумения.

Вот она подходит к фоторепортеру «Недели» Валентину Рихтеру и на хорошем английском языке просит его бросить свое занятие. За дни поездки мы убедились в удивительных лингвистических способностях нашего товарища. В Токио он разговаривал по-японски, в китайском ресторане Манилы — по-китайски; нам казалось, попади он к папуасам, и там не чувствовал бы себя чужим человеком. Но сейчас, тысяча извинений, он не понимает, о чем его просят. Не отводя объектива со сцены, он всем своим видом выражает готовность услужить чем может строгой даме, но, увы, не понимает ее. Он говорит об этом на хорошем русском языке с едва уловимым волжским акцентом. Дама, постепенно теряя терпение, переходит на язык, более приспособленный для передачи крайних степеней чувств, а именно — испанский. Тогда Валентин с единственной целью достичь взаимопонимания пробует по-турецки довести до сознания своей собеседницы ту простую мысль, что он приехал на край света вовсе не для того, чтобы сидеть в зале сложа руки и с закрытым объективом.

Следя за этим диалогом, я начинаю вдруг думать, что нашему полиглоту удалось убедить строгую даму. Пожав плечами, она уходит. Тогда я тоже открываю футляр своего аппарата и навожу его на сцену. Она представляет собой сцену в полном смысле слова. Корчной полулежит в глубоком кресле и нервно барабанит по подлокотнику ладонью, как это делает обычно дзюдоист, не желающий продолжать схватку. За столиком в ожидании хода Корчного сидит Карпов. Но белые не начинают игру (ниже я еще вернусь к этому эпизоду). Говорю себе: ну и что из того, что истекли семь минут вместо трех, отпущенных для фотографирования, партия-то еще не началась.

Едва я успеваю щелкнуть раз-другой, на мое плечо ложится тяжелая длань. Оборачиваюсь и вижу уже не даму, а гренадерского вида молодого человека, который с картонной улыбкой предлагает мне следовать за ним. Бросаю взгляд на Валентина Рихтера. Положив рядом свои аппараты, он с самым невинным видом созерцает потолок. Когда меня уведут (хотя на самом деле увести надо было его), он хитро подмигивает и посылает мне воздушный поцелуй. Уже за спиной я слышу характерные быстрые-быстрые щелчки его фотомета. Воспользовавшись тем, что внимание служителя было приковано к моей персоне, он сделал, как говорил позже, несколько самых лучших кадров. Их показывали в Москве по телевидению. Было бы несправедливо скрыть от общественности, кто был причастен к этим лучшим кадрам.

Меня ведут через весь зал к выходу строгая дама и служитель-гренадер. Товарищи, мимо которых я прохожу, дают искренние советы не терять присутствия духа и не ронять лица. Я же стараюсь показать, как должен вести себя в экстремальных обстоятельствах настоящий мужчина. Наивно рассчитываю, что мне поможет один документ, который я ношу в наружном боковом кармане. Это удостоверение члена Международной ассоциации спортивной прессы, в котором содержится просьба на разных языках «оказывать подателю сего содействие в исполнении его...». Вот только в исполнении чего, дописать на карточке не смогли — не хватало места. Я имел основания предполагать, что господа, которые начинают неторопливо допрашивать меня, догадаются, что речь идет о «функциях».

Этот документ дает право автоматической аккредитации на всех Олимпийских играх, а

также право посещать все стадионы всех стран.

— Этот документ годен на спортивные соревнования. Но здесь шахматы...

— А что это такое?

— Это не спорт (легкая, едва уловимая ироническая улыбка касается лица главного администратора с профессионально недоверчивым прокурорским взглядом). Это — шахматы. Можете спрятать ваше удостоверение подальше.

Так неожиданно решился многовековой спор о том, что же такое шахматы — спорт или искусство; теперь, после такой беседы, у меня сложился вполне отчетливый взгляд на эти вещи, и я не думаю, что кому-нибудь удастся его поколебать.

— Покажите вашу аккредитационную карточку.

— Я эту карточку получить еще не успел.

Администратор демонстративно, будто через силу, вскидывает брови.

Чувствую, как под его взглядом теряю частицу уверенности:

— Я приехал в Багио полчаса назад.

— Прекрасно, прекрасно... И только потому не знаете наших порядков?

— Возможно, только потому.

— Ничего, мы попытаемся вас просветить. В том смысле, что не вас, а вашу пленку, чтобы следующий раз...

Я приготовился дорого продать свою пленку. В это время заговорил маленький меднолицый господин в темно-синем батнике:

— Дайте нам ваш аппарат, мы только осмотрим его, а пленку трогать не будем.

— Объясните, для чего он вам нужен?

— Чтобы убедиться, что он для фотографирования и больше ни для чего.

— Пожалуйста.

Аппарат (допотопный «Зенит-З-с»), который постеснялся бы показать любой уважающий себя фоторепортер, аккуратно передают из рук в руки. Снимают телеобъектив, предварительно прокрутив кадр, чтобы не засветить. Временами мне начинает казаться, что камеру не только осматривают, но и обнюхивают, стараясь убедиться в том, что это действительно не лазер (будто у лазера свой специфический запах). Я чувствую плохо скрываемый вздох облегчения, когда экспертиза дает благоприятный для всей компании результат.

И только господин в батнике чем-то недоволен. Мне показалось, что он был бы в высшей степени обрадован, если бы эксперты пришли к противоположному выводу. (Позже я узнал, что он из числа телохранителей В. Корчного, у каждого из которых свои четко очерченные функции, — этот, видимо, отвечал за «лучевую безопасность» претендента.)

Я готовлюсь проститься с этой симпатичной компанией и пробую взять обратно свой аппарат, но мне говорят:

— Так как вы нарушили правила, мы забираем эту камеру до последнего дня матча. Но если у вас обнаружат другую камеру, ее конфискуют.

— А если я не намерен оставаться до конца матча? («Не намерен», признаюсь, не самый точный глагол, я был бы всем сердцем рад остаться здесь до конца, но наше пребывание в Багио ограничено одной лишь неделей — от субботы до пятницы.)

— Тогда оставьте свой домашний адрес, и мы вам вышлем аппарат, когда матч закончится.

В это время дверь открывается, и я вижу круглое, как солнышко, расплывшееся в улыбке лицо Вали Рихтера, которого, очевидно, замучили угрызения совести.

— Тебя уже давно ищут, где ты? Вот твое аккредитационное удостоверение, — и Валентин торжественно протягивает мне впрессованную в пластик карточку.

Мои новые знакомые начинают новый тур консультаций, в результате чего выносят вердикт

отпустить меня вместе с аппаратом. Верх берет свойственная филиппинцам доброжелательность, и мне даже желают счастливого пребывания в Багио.

— Спасибо, — говорит мне Валентин от души.

— Не за что, — отвечаю я через силу.

* * *

А начиналась семнадцатая партия так. В зале, рассчитанном человек на восемьсот, едва ли насчитаешь полторы сотни. Ровно в назначенный час на сцене появляются чемпион и претендент. Претендент играет белыми. Судья Филип пускает его часы, но вместо того, чтобы сесть за шахматы, Корчной опускается в глубокое кресло, стоящее поодаль от столика, и, закинув ногу на ногу, изображает полнейшее безразличие. К нему подходит арбитр. Должно быть, спрашивает в чем дело. Корчной, жестикулируя, требует пересадить в конец зала сидящего в шестом, а может быть, в седьмом ряду советского профессора Владимира Зухаря.

— Он меня гипнотизирует и не дает думать, — говорит по-английски Корчной довольно громко.

Корчной много лет был знаком с Владимиром Петровичем Зухарем и знает прекрасно, что тот никакой не гипнотизер, что искусство Зухаря в воздействии на человека словом, но отнюдь не взглядом, но претендент проигрывает со счетом 1:3, он готов обвинить в поражении кого угодно, кроме самого себя. Пытается накалить обстановку, подействовать на Карпова.

Не новая эта песенка. В начале шестидесятых годов американский журнал «Лайф» опубликовал репортаж, который вызвал своеобразный отклик на страницах спортивных газет. Живописно рассказав о том, как Валерий Брумелъ — чемпион Советского Союза по прыжкам в высоту — выиграл открытое первенство Америки, автор репортажа поставил перед собой цель выяснить истоки этой победы. Что происходит? Искусством молодой советский спортсмен ненамного превосходит американских прыгунов, которым еще недавно принадлежали все высшие титулы и рекорды, рассуждал корреспондент, каждый из американских мастеров имеет и сегодня отличные результаты. Но стоит им сойтись у одной планки с Брумелем, воля вдруг неожиданно покидает их. Никто не будет спорить, русский кузнечик прыгает хорошо, но ведь не настолько же хорошо, чтобы столь уверенно побеждать всех своих наперечет американских соперников. Что происходит с ними, почему они так неожиданно вянут?

Вооружившись морским биноклем, журналист начал наблюдать за поведением Брумеля. И вскоре лицо его озарилось удовлетворенной улыбкой первооткрывателя. Он «понял, в чем все дело». В магии, в гипнозе! Конечно же в гипнозе. Вот дословно, что написал на страницах журнала «Лайф» корреспондент:

«Я видел своими глазами, как перед началом соревнований Брумелъ подходил к своим соперникам и с силой пожимал их руки. Мне стало ясно, что этот рецепт входит в систему подготовки советского спортсмена к соревнованиям на американской земле и что таким образом он психически нокаутирует их».

Появилось несколько фельетонов по поводу этого умозаключения журнала «Лайф», однако попытки объяснить успехи советских спортсменов некими психологическими и магнетическими свойствами их натуры делались и делаются по сей день.

Можно вспомнить обозревателя другого американского издания, который заявил о том, что силой гипнотического воздействия на противника обладает и советский шахматист Михаил Таль. Только благодаря этому и удаются Михаилу Талю ошеломляющие и рискованные комбинации. Между прочим, в роли комментатора выступал некий гроссмейстер, пострадавший

от Таля. Он немало удивился, найдя спустя несколько дней после партии в спокойной домашней обстановке опровержение головоломной талевской комбинации. И после этого поспешил в редакцию газеты, в которой написал, что не обнаружил за доской комбинации Таль только лишь потому, что был загипнотизирован партнером.

«Когда Таль, как хищная птица, кружил около столика, я своими плечами, затылком чувствовал, сколько весит его взгляд. Большим усилием воли заставлял себя возвращаться к партии, но считать далеко не мог. Я понял, что на этот раз я обречен, но если мне падет жребий когда-нибудь еще встретиться с Талем, я, без сомнения, что-то предприму, чтобы ослабить его воздействие». После этого потерпевший играл с Талем только в матовых очках. Теперь эти партии вызвали особый интерес. Гроссмейстер проиграл и в очках. К следующей встрече он заказал черные-черные очки и снова расписался на бланке под словом «сдаюсь».

Во всех этих рассуждениях есть много от сенсации, от игры воображения, от желания заинтриговать читателя.

И все же разве не существуют на самом деле сильные личности? Разве не знакомят нас с ними шахматы? Тот же Карпов. Это, без сомнения, сильная личность, а сильная личность всегда оказывает определенное воздействие на окружающих, иначе она бы не была сильной личностью.

Газеты писали о заявлении Корчного: «Я не боюсь Карпова, я вообще никого и ничего не боюсь, кроме зубных врачей».

Оно было повторено несколько раз.

Мне кажется любопытным комментарий советского психолога Ирины Павловны Пушкиной:

— Человек, который действительно ничего не боится, предпочитает не распространяться на этот счет. Лишь тот, кто опасается противника, будет стараться убедить других и себя в первую очередь, что тот ему не страшен, и будет много говорить об этом. Таков закон.

Советская делегация сделала все, чтобы выпады Корчного не доходили до сердца Карпова. Между Карповым и Корчным невидимый, но очень прочный барьер. Карпов, прождав минуты две и не дождавшись хода претендента, возвращается в свою комнату и, открыв книгу, ждет, когда его пригласят на сцену. Проходит шесть минут, восемь, девять. Судьи, посоветовавшись, обращаются к зрителям с просьбой освободить первые восемь рядов.

Итак, зрителей переселяют за восьмой ряд. Корчной терпеливо ждет окончания процедуры. Сидит в кресле, закинув ногу за ногу, и изображает полнейшую невозмутимость, и только правая ладонь по-прежнему нервно барабанит по подлокотнику кресла. Но вот, последний раз бросив взгляд в партер, Корчной решительным шагом подходит к столику и делает первый ход.

В пресс-центре слышен передаваемый демонстративно громко репортаж манильского журналиста:

— Теперь, когда красному парапсихологу не удастся облучать своими атомными взглядами Корчного, тот, очевидно, покажет сегодня все, на что способен, тем более что играет белыми. Нас ждет интересная партия.

Когда-то «Морнинг пост» (была в Англии такая преждевременно состарившаяся и мирно почившая газета) писала: «Если англичанину не остается гордиться ничем другим, он гордится своим воспитанием».

Это было сказано не так давно. Но с другой стороны, кажется, что очень давно. Ибо афоризм уже успели позабыть. Некоторые.

Сюда бы, в этот пресс-центр, наиболее верных ревнителей и хранителей английских традиций и манер... посидели хотя бы пять минут в то время, когда появлялся один шустрый — из молодых — их соотечественник-гроссмейстер. Убежден, что такого им никогда не приходилось ни видеть, ни слышать.

Ведет себя «гросс» так, будто в этом дворце он один умеет играть в шахматы. Ходы черных, приносимые сверху, из зала, комментирует развязно: «Ну кто же так играет? Надо больше читать учебники. Все, партия черных разваливается». Подходя к доске, на которой рассматриваются варианты, предлагает свой план за белых, после которого «черным надо сдаваться, делать больше нечего». Доводы оппонентов выслушивает со снисходительной улыбкой. Но когда чувствует, что его собственные разбиваются, горячится, повышает голос.

Когда станет известно, что белые проиграли, гроссмейстер будет возмущенно повторять: «Кто же так играет?», адресуя на этот раз реплику своему подопечному.

* * *

Служение Каисе, покровительнице шахмат, как и вообще «служенье муз», не терпит суеты, торопливых, импульсивных решений. И лишних слов. Шахматы — игра почти бессловесная, во время самой партии предводителю шахматного войска дозволяется произнести лишь три слова: «шах» (с восклицательным знаком), «ничья» (с вопросительным) и «сдаюсь», после которого в партии ставится точка.

Смотрю на тренеров Анатолия Карпова и начинаю думать, что игра в бессловесную игру накладывает отпечаток на весь облик шахматистов. Может показаться, что Юрий Балашов и Игорь Зайцев только формально присутствуют в зале. На самом деле они и умом и сердцем далеко — в гуще того сражения, которое набирает силу на демонстрационной доске. Молча рассматривают варианты за белых, давление которых нарастает. Где, в каком месте поля, засеянного квадратно-гнездовым способом, взойдут белоснежные зубы дракона? Откуда грозит главная опасность черному владыке, что способно предпринять его войско? Они могут просидеть так, Балашов и Зайцев, и два и три часа, не шелохнувшись, сохраняя в памяти все сделанные ходы и то неисчислимое множество вариантов, которое возникает после каждого из них. Михаила Талья рядом с его коллегами нет. Человек, не привыкший долго носить свое в себе, он исчезает из зала. Нетрудно догадаться куда: в пресс-центр, где вдали от любопытных почитателей, интервьюеров и просто собирателей автографов, наедине с мастерами, способными быстро просчитать, принять или отвергнуть каждый предложенный им вариант, он чувствует себя в своей стихии. Талевских идей хватило бы на полдюжины комментаторов. Одни из них, не выпуская из руки микрофонов, связанных с маленькими заплечными аппаратами, диктуют: «На двадцать четвертом ходу Таль указал вариант...», другие не выпускают из рук блокнотов.

Таль позволяет себе рассматривать «при людях» лишь те разветвления партии, которые

возникают за границами домашних и пока засекреченных заготовок.

Месяцы подготовки к матчу были посвящены совершенствованию таких качеств шахматиста и бойца, которые были рассчитаны на борьбу в экстремальных, еще не встречавшихся условиях состязаний за звание чемпиона. История хранит воспоминания о словесных перепалках, недружелюбных высказываниях, а порой и просто ссорах между претендентами на шахматную корону (говорят, что все познается в сравнении... те ссоры ныне видятся детскими, наивными). Как бы хорошо ни играл в шахматы Анатолий Карпов, не закали он характер и волю, все славные его качества могли бы просто-напросто не раскрыться. Впечатлительность — друг и союзник шахматиста — могла бы превратиться во врага. А прямодушие — в малодушие.

В облике как никогда собранного, решительного, неуступчивого, готового к суровому испытанию бойца был обязан предстать Анатолий Карпов. Вот почему такое внимание уделялось на предматчевых сборах психологической и физической подготовке.

Тренерам и ученым, причастным к той работе, предстояло постичь внутренний мир Карпова, его наклонности, симпатии и антипатии, развить одни черты характера и, если удастся, приглушить другие.

Помня об испытаниях, которые ждали Карпова, они старались окружить его благожелательностью, создать в коллективе тот микроклимат абсолютного взаимного доверия, без которого невозможна в наши дни ни одна победа.

Но как бы ни совершенна была эта подготовка, она принесла бы не очень много пользы, если бы Карпов приехал в Багио со старым шахматным багажом.

Вместе со своими товарищами и помощниками он был обязан искать новые тропинки в хорошо проторенных, старых, как шахматный мир, дебютных путях, искать минимальные, скрытые от других возможности. На запыленных полках дебютных архивов выискивались забытые начала, шла кропотливая их реставрация. Сколько вариантов, не поддававшихся улучшению, было со вздохом уложено обратно на те же полки. Но сколько радости приносила любая, малозначительная на первый взгляд находка!

Пока некоторые из новых разработок — за семью замками. Ключи от них в немногих руках. Вот еще почему Таль не имеет права «показывать все».

В зале, где разворачивается шахматное состязание, бросается в глаза одна деталь: нет детей. Игры начинаются в обеденное время.

Рядом две большие школы. Ближе других — католическая: после уроков дети остаются на три часа и мастерят сувениры — их продают рядом в киоске. Эти ежедневные часы труда обязательны для всех: без сувенирного производства школе было бы трудно существовать.

Другая школа обычного типа. На следующий день:

— Ребята, какие есть у вас кружки? Чем занимаетесь после уроков.

— Иногда поем... У кого папа имеет хорошую работу... те ходят кататься на лошадях.

— А какой спорт любите больше всего?

— Баскетбол, — отвечают хором мальчики и девочки.

— А в шахматы играете?

— Играет Мартин.

— А знаете, что у вас во Дворце конгрессов?

— Шахматы?... — спрашивает неуверенно мальчишка лет десяти.

...В зале конгрессов много свободных мест.

Детей в зале нет.

За одним из столиков в пресс-центре партию разбирают гроссмейстер Торре и наш мастер Наташа Титоренко. Торре убежден, что преимущество постепенно переходит к Корчному, но тут чемпионку СССР среди девушек сменяет за столиком шахматный мастер и пресс-атташе делегации Карпова Александр Рошаль. В один из моментов он находит за черных комбинацию, связанную с жертвой коня и матовыми угрозами. Лишь в одном из вариантов комбинации существует неочевидное ее опровержение. Жаль. Не может быть, чтобы Корчной не нашел того, что увидели в зале, и не отвел нависшей угрозы. Король черных, которыми играет Карпов, все ближе к пределам чужого короля. Возникает позиция, близкая к той, которую рассматривали Торре и Рошаль. У Корчного цейтнот. Чтобы обнаружить угрозу, которую заметили журналисты, нужны минуты. У него нет этих минут, они ушли в самом начале партии на пререкания с судьями. Из зала в пресс-центр носятся взмыленные юноши, которые приносят ходы — один за другим. И вдруг кто-то из демонстраторов неожиданно переворачивает белого короля на большой настенной доске. Сперва кажется, что он это сделал нечаянно. Лишь минуту спустя выясняется, что Карпов закончил партию матовой атакой. Не преувеличу, если скажу, что два десятка кино- и телекамер нацелились на демонстрационную доску с перевернутым белым королем. Вечером следующего дня владелец ресторана «Террасы» господин Антон устроил званый вечер в честь Карпова, изобразив позицию с поверженным белым королем на огромном торте.

В Багио одновременно идет невидимое состязание двух гостиниц. Карпов и его делегация живет в отеле «Террасы»; за городом снят коттедж, который помог подыскать и обставить всем необходимым полковник Брейли. Бывший личный пилот президента Эйзенхауэра женился на филиппинке, переселился в Багио и здесь стал одним из верных поклонников Карпова. К месту было бы добавить, что среди тех, кто явно симпатизировал Карпову, был и известный шахматный организатор США Эдмондсон — тоже полковник, человек дружелюбный, общительный, понимающий, что на шахматных полях человеку дано столь зримо показать все свое искусство, как ни на одном ином поле сражения. Но это небольшое отступление.

У входа в отель «Террасы» плакат: «Здесь живет чемпион мира Карпов и его команда». Примерно в полутора-двух километрах в отеле «Сосны» расположился со своим штабом Корчной. Когда Корчной выиграл одиннадцатую партию и сравнял счет, менеджер отеля «Сосны» установил в вестибюле огромный щит, на котором факсимильно воспроизвел увеличенную запись партии, обрамленную фотографиями претендента. Хроника сообщала о том, как проводит свободные часы Корчной, и о том, какие услуги предоставила ему компания «Сосны», а затем следовал далеко не риторический вопрос-обращение к гостям Багио: «Посмотрите, кто у нас живет, почему бы и вам не поселиться в отеле «Сосны»?»

Глава компании «Террасы» господин Антон не остался в долгу. Он повесил в вестибюле большую шахматную доску, на которой изображалась заключительная позиция каждой выигранной партии, а интерьер вестибюля пополнили многократно увеличенные записи партий Карпова.

К нашей группе прикреплена женщина, которой на роду было написано стать если не принцессой, то хотя бы министершей или генеральшей. Не в столь давние времена она была

победительницей конкурса красоты, проведенного в филиппинской столице, и провозглашена «мисс Манила».

Наша «Манила» была красавицей из красавиц. А полюбила скромного и симпатичного клерка. И вышла за него замуж. И родила ему кучу детей. И взвалила на себя заботы, которыми живут все многодетные матери. Ее лицо согревается искренней, располагающей белозубой улыбкой. Когда она отдыхает, не знает никто. Она помогает нам за малый срок увидеть многое. Говорит: «Завтра — базар».

* * *

Теперь пора рассказать о том, как торгуются на Прекрасной Оранжевой рыночной улице (пересекающей Неподражаемую Зеленую рыночную улицу) и в зале конгрессов.

Рынок в Багио — зрелище. Что только не выкинула на его прилавки изощренная филиппинская фантазия, людская и природная! Чего только тут нет! Какие диковинные ароматы наполняют эти улицы со звучными поэтическими названиями: Прекрасная Оранжевая, Неподражаемая Зеленая, Великолепная Красная, Душистая Розовая.

Сцена на рынке: невысокая плосколицая дама лет сорока двух — сорока четырех покупает корзинку у пожилого солидного господина. Дама спрашивает, сколько стоит корзинка. Продавец отвечает: «Шестнадцать писос» (т. е. песо). Дама всплескивает руками, закатывает глаза и спрашивает: «Шестнадцать писос за эту корзину?», делая ударение на словах «шестнадцать» и «эту». Господин спокойно отвечает: «За углом такую вы купите за двадцать. А какова ваша цена?» Дама делает вид, что ее до глубины души задела услышанная цифра. Но она не уходит. Она хорошо понимает, что начинается только первый акт постановки, которая, на взгляд чужеземца, весьма разнообразит жизнь филиппинцев. Покупка на рынке — это мистерия. Невозможно отказать себе в удовольствии понаблюдать за ней со стороны. Итак, продавец спросил: «Какова ваша цена?» Дама флегматично отвечает: «Я бы, пожалуй, дала восемь писос». После этого настает черед всплескивать руками продавцу: «Посмотрите, какая крепкая, какая большая эта корзина и какой прекрасный на ней рисунок. Где вы возьмете такую корзину, ее так удобно нести, так много вещей можно в ней поместить». Дама повторяет: «Я бы дала восемь писос. А какова ваша цена, уважаемый?» Господин только из симпатии к покупательнице (чувствуется, что она понравилась ему так, как давно никто не нравился) говорит: «Ну хорошо, четырнадцать писос». Диалог продолжается пять, десять минут. Покупательница отходит, делая вид, что она лучше купит корзину «за углом». Господин не провожает ее глазами, он полон достоинства, он просто убежден, что нигде ни на этом рынке, ни в городе, ни вообще на Филиппинах невозможно купить такую красивую корзину. Дама идет по Неподражаемой Зеленой улице в сторону и лишь время от времени оборачивается назад. Ей понравилась корзина, ей не хочется упустить ее, но обычай не позволяет смириться с ценой. Торговать на Филиппинах — значит торговаться. Наконец минут через десять — пятнадцать покупательница возвращается. Эти минуты нужны были даме для того, чтобы дать возможность продавцу убедиться в том, что у него действительно хотят приобрести корзину. Теперь они встречаются как старые знакомые, еще нельзя сказать — как добрые знакомые, в глазах остатки былой настороженности, но, несомненно, дело идет к сближению позиций, примирению сторон. «Я дала бы двенадцать писос», — раздумчиво говорит покупательница. «Возможно, я уступил бы за тринадцать». Из-за одного несчастного песо разгорается новый спор. Уступить последний песо — значит уступить свои гражданские позиции, дать восторжествовать неправому делу, испортить себе настроение. Одно песо ничего не значит, но как же не показать свою

принципиальность! В конце концов стороны сходятся на двенадцати с половиной песо. Покупательница складывает в корзину несколько свертков, продавец помогает ей, поддерживает корзину, и они расстаются как добрые знакомые.

Такие сцены ежечасно происходят на рынке.

Торгашеским же духом веяло от заявлений и высказываний представителей претендента.

— Если вы не уберете из зала вашего парапсихолога, то я буду настаивать на том, чтобы между сценой и зрительным залом был построен стеклянный занавес, — говорит Корчной.

— Если Карпову во время партий не перестанут подносить стакан с кефиром (я не знаю, что на самом деле в этом стакане), то Корчной перестанет играть, — говорит Лееверик.

— Если Карпов не перестанет бросать на меня взгляды, я вынужден буду сорвать матч, — говорит Корчной.

И так далее, и тому подобное.

* * *

К вопросу о гипнозе.

В четвертом номере журнала «Вопросы философии» за 1978 год была опубликована любопытная статья «Неосознанные проявления психики в глубоком гипнозе». В качестве одного из примеров гипнологического воздействия автор приводит шахматы. Но дело в том (запомним это!), что воздействовать гипнотически на человека и передавать ему задания можно лишь при одном обязательном условии: испытуемый должен находиться в состоянии глубокого сна. В. Райков пишет: «Психологическая деятельность человека во многом обусловлена неосознанными психическими проявлениями, служащими как бы глубинными и неявными звеньями в сложной цепи процессов мышления. Как раз в состоянии глубокого гипноза эти неосознанные проявления и обнаруживаются у испытуемого. Более того, гипнолог оказывается в состоянии влиять на эти процессы и управлять ими. Опыт показал, что в наиболее глубоких стадиях гипноза можно успешно выявлять и даже развивать способности к рисованию, музыке, игре в шахматы и т. п. При этом часто оказывается, что творческий потенциал испытуемого значительно выше, чем привык считать он сам и его окружение. Это удастся зафиксировать не только субъективно».

Без сомнения, любопытный вывод. Одновременно подчеркивающий всю вздорность претензий Корчного. Установлено научно: чтобы воздействовать на человека, надо ввергнуть его в состояние глубокого сна.

Ни Карпов, ни Корчной за партиями не спали.

Перед открытием матча к доске, установленной на сцене Дворца конгрессов, подошли три человека, три нейтральных судьи, три члена апелляционного жюри. Сохранился снимок той группы. Вот стоит американский полковник Эдмонд Эдмондсон. Он закрыл уши и улыбнулся. Рядом с ним стоит Лим Кок Анн из Сингапура. Он закрыл обеими руками рот и улыбнулся. Около сингапурца представитель Болгарии судья международной категории Андрей Малчев. Он закрыл двумя руками глаза и улыбнулся. Трое напоминали знаменитую аллегорическую скульптуру, олицетворяющую беспристрастность судей. Я полагаю, все трое дали бы много, чтобы так вот, как Лим Кок Анн, без лишних слов и резких выражений провести соревнование с улыбкой. Ведь шахматы — игра, а такого рода матч — из тех, которые сохраняются в памяти не одного поколения.

Но был час, когда улыбки слетели с судейских уст. Невозмутимый Лим Кок Анн заявил Петре Лееверик:

— Я подаю на вас в суд за оскорбление. Суд приговорит вас к штрафу. Я подам протест Швейцарской шахматной федерации.

Его поддержали и Эдмондсон и Малчев...

Теперь познакомимся с тем, что и как пишут филиппинские газеты о матче Карпов — Корчной. Знакомство будет бесполезным, ибо даст представление об атмосфере, в которой проходил поединок.

ПОСЛЕ ЗУХАРЯ ПРЕТЕНЗИИ К АТОМНЫМ ЛУЧАМ

«Бюлитин Тудэй», 28 августа

БАГИО. 28 августа. Чемпион Анатолий Карпов играет белыми в завтрашней игре на шахматном чемпионате, но Виктор Корчной снова выступает с выходящим за всякие рамки заявлением, которое могло бы нанести еще один удар уже покачивающейся серии игр.

На этот раз Корчной опротестовал ужасающий рост радиоактивности в зале для игр. Один из его помощников поднял этот вопрос в воскресенье, во время заседания мирового шахматного жюри.

Виктор Батуринский, глава делегации Карпова, сказал:

«Появился еще один вопрос. С предыдущим случаем покончено. Доктор Владимир Зухарь как повод для протеста отставлен. Теперь они говорят, что в центре существует радиационная активность. Но я уверяю вас, джентльмены, что я приехал сюда не для того, чтобы бросить атомную бомбу». Далее Батуринский сказал, что Корчной «всегда объясняет свои шахматные неудачи теми или иными «потусторонними» явлениями».

Батуринский сделал это заявление во время вечера, который был устроен администрацией отеля в честь Карпова прошедшей ночью, перед аудиторией, состоявшей приблизительно из семидесяти человек, включая двадцать шесть только что прибывших русских туристов.

Вечер был проведен для того, чтобы отметить ошеломляющую победу Карпова над Корчным в семнадцатой партии, которая дала двадцатисемилетнему советскому чемпиону почти непреодолимое преимущество: четыре — один.

Вечер сопровождался потоком вальсовой музыки и западных мелодий.

Корчной провел ночь, просматривая кинофильмы в развлекательном центре Кэмп Джон Хэй.

Карпов сказал, что еще рано предугадывать, что случится в серии «первый-до-шести». Но он выразил решимость и уверенность в том, что сохранит за собой титул.

«Корчной, которого я знал десять лет назад, слишком отличается от того Корчного, которого я вижу сейчас», — сказал Карпов, прибавив, что «сегодняшний Корчной всегда в цейтноте и склонен совершать грубые ошибки».

На вечере, продолжавшемся два часа, все гости были в хорошем настроении, включая только что прибывших русских туристов, которые обменивались шутливыми замечаниями с филиппинскими гостями.

Это событие предоставило корреспондентам также возможность поговорить с советским доктором Владимиром Зухарем.

Доктор Зухарь сказал, что он приехал с делегацией для того, чтобы психологически помочь Карпову в его борьбе за защиту титула. «Обвинения, брошенные против меня лагерем Корчного, — очевидная глупость», — заявил он.

«Бюлитин Тудэй», 31 августа

Претендент Виктор Корчной пообещал вчера не продолжать матч за звание чемпиона мира с советским чемпионом Анатолием Карповым до тех пор, пока организаторы не установят одностороннее зеркало между игроками и зрителями в игровом зале Дворца конгрессов в Багио.

Корчной, 47-летний русский дезертир, проигрывающий Карпову 1:4, высказал свое требование на пресс-конференции, где он также повторил свою атаку на жюри, на организаторов и на членов советской делегации, в частности на Владимира Зухаря, которого он обвиняет в гипнотизировании.

В страстной, эмоциональной речи перед корреспондентами Корчной заявил: «Я не буду играть до тех пор, пока зеркало не будет установлено. Одностороннее зеркало — это кардинальное решение».

Зеркало предохранит игроков от взглядов зрителей. Зрители, с другой стороны, все будут прекрасно видеть.

Священник-иезуит Джейм Булатао, профессор психологии в Атенео, предложил Корчному одностороннее зеркало после вчерашней утренней встречи.

Члены жюри матча также провели вчера собрание в Багио, прежде всего для того, чтобы обсудить последнее требование Корчного, которое он передал жюри через своего главного секунданта английского гроссмейстера Раймонда Кина.

Голос Корчного много раз поднимался до высоты страсти, он несколько раз заикался во гневе, подыскивая сарказмы.

Корчной сказал, что он не может одержать победу над жюри, которое он обвинил в просоветизме.

Так, например, он чувствует, что если бы даже предложил играть в уединении в смежной комнате, то все равно был бы побежден жюри.

«Моя борьба бесполезна до тех пор, пока я не буду поддержан миром и прессой», — сказал он.

Он сказал, что ФИДЕ не было хорошим помощником, и добавил: «Я предложу создать новую мировую шахматную организацию».

Невозможно определить, как организаторы и жюри ответят на одностороннее зеркало, дня не хватит для того, чтобы установить его, и наиболее вероятно, что восемнадцатая партия в назначенный час не состоится.

По словам Корчного, жюри всегда было на стороне Советов. «Это началось во время споров о флаге, и до сих пор оно голосует против меня, несмотря на то, прав я или нет».

Он также обвинил филиппинского организатора матча Флоренсио Кампоманеса в том, что последний встал на сторону Советского Союза.

Лим Кок Анн, председатель жюри, который также был отмечен группой Корчного как «не нейтральный», обнародовал телеграмму Швейцарской шахматной федерации, содержащую протест против политических заявлений Петры Лееверик, главы делегации претендента.

В другой телеграмме, от президента ФИДЕ Макса Эйве, содержалась просьба называть делегацию претендента «делегацией или группой Корчного».

Телеграмма была вызвана требованием Петры Лееверик называть их «швейцарской делегацией».

БАГИО, 30 августа (ЮПИ). Раймонд Кин, главный секундант претендента, сменил Петру Лееверик на посту главы делегации Корчного.

Это произошло в понедельник. В записке, написанной от руки, Корчной заявил: «Я назначаю мистера Раймонда Кина моим личным представителем со всеми правами вести переговоры в мою пользу».

Копии этого заявления были посланы всем заинтересованным сторонам.

По словам Майкла Стина, одного из секундантов Корчного, решение заменить Петру Лееверик на посту главы делегации пришло после собрания членов делегации Корчного.

Сегодня днем Кин в новой должности участвовал в совещании жюри, которое продолжалось три часа, включая 45-минутную конференцию между ним и Виктором Батуринским.

КАРПОВ И КОРЧНОЙ ДОСТИГАЮТ СОГЛАСИЯ; МАТЧ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Бюлитин Тудэй», 1 сентября

БАГИО, 31 августа. Советский чемпион Анатолий Карпов и претендент Виктор Корчной достигли компромиссного решения сегодня утром. Оно обеспечивает мирное возобновление матча за звание чемпиона мира по шахматам в субботу в местном центре.

Во время утреннего совещания между представителями Карпова и Корчного претендент согласился снять свое требование об одностороннем зеркале, и Карпов согласился передвинуть объект спора, советского доктора, из партера на галерею около входа в зал.

Компромисс был достигнут вскоре после того, как Корчной отложил начало восемнадцатой партии во второй раз. Организаторы заявили, что она будет сыграна в субботу.

Корчной, таким образом, использовал все три возможности отложить партию, разрешенные на первые 24 игры. В случае, если он не появится на следующих партиях, ему будут засчитаны поражения.

Английский гроссмейстер Майкл Стин, который вместе с Яковом Муреем, израильским международным мастером, и полковником Эдмондсоном, американским нейтральным членом жюри, вел переговоры с претендентом, сказал: «Корчной собирается играть в субботу восемнадцатую партию».

Решение Корчного возобновить игру было вызвано частично тем фактом, что в случае отказа он бы получил гораздо меньше, чем первоначальные 200 000 долларов проигравшего.

«Я должен думать об этом тоже», — сказал он, когда был извещен, что получит только 55 000 долларов, если прекратит соревнование на этом этапе.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ПАРТИЯ — РАВНЫЕ ШАНСЫ

«Бюлитин Тудэй», 3 сентября

Советский чемпион Анатолий Карпов и претендент Виктор Корчной наконец начали восемнадцатую партию в центре конгрессов после двух откладываний.

27-летний Карпов, игравший белыми, начал с хода королевской пешки, а Корчной перевел партию в защиту Уфимцева.

Большинство гроссмейстеров, анализировавших партию, заявило, что позиция была более или менее равная после двух с половиной часов игры.

Защита Уфимцева встречается в первый раз в этом матче.

Карпову необходимы еще две победы, чтобы сохранить корону, которую он выиграл в 1975 году.

В последний раз эти двое применили данную защиту в Ленинградском международном зональном турнире; тогда партия закончилась вничью.

В отличие от предыдущих матчей игра началась без задержки, 47-летний претендент

прибыл за пятнадцать минут до начала игры. Он сидел в своем удобном кресле до самого последнего момента.

Следуя компромиссу, достигнутому за день до этого, русский самоизгнанник играл без своих темных очков.

С другой стороны, объект спора, русский профессор, которого Корчной обвинял в гипнотизировании, сел на последний ряд, где разместились официальная советская делегация.

БАГИО, 2 сентября (ЮПИ). Виктор Корчной собирается «играть на победу» в дважды отложенной восемнадцатой партии матча за звание чемпиона мира.

Игра начинается сегодня в пять часов, Карпов играет белыми.

Эти сообщения дадут советскому читателю представление о том, что и как писала местная пресса о матче в Багио.

В первой нашей беседе (вторая состоялась в Москве, и рассказ о ней ниже) я прошу Виктора Батуринского прокомментировать прессу. И вообще ход матча.

— Со спортивной и не только со спортивной точки зрения матч начинался сложно. Корчной — сильный соперник. Он выиграл три претендентских матча и тщательно готовился к поединку в Багио. Речь идет не только о теоретической подготовке. Корчной старался предусмотреть любую мелочь. Так, например, специальное кресло ему прислали из Голландии (голландская фирма в рекламных целях предложила такое же кресло и Карпову). Говорят, что Корчной привез небольшой компьютер для обработки технической информации. Составили команду претендента международные гроссмейстеры Раймонд Кин и Майкл Стин (Англия), Яков Мурей (Израиль), а помогал ему Оскар Панно (Аргентина). Гроссмейстер Кин является автором дебютных монографий. Корчной довольно уверенно чувствовал себя в самых сложных дебютных построениях, был упорен в миттельшпиле, но на пятом часу начинал тяжело играть, часто попадал в цейтнот. В острых тактических осложнениях Карпов выглядел сильнее. Он показал искусство выдержки в любых ситуациях, несмотря на молодость, вел борьбу целеустремленно, хладнокровно как боец, используя малейшие шансы. Так были выиграны трудные тринадцатая и семнадцатая партии.

Мы приехали в Багио играть в шахматы, но предвидели возможные политические эксцессы. На все выпады Корчного советская делегация неизменно отвечала в выдержанной, корректной форме. Карпов не позволил себе ни одного заявления оскорбительного характера. Вот высказывание Карпова: «Корчной очень сильный шахматист, но некоторые черты его характера мне не импонируют».

В самом деле, временами создавалось впечатление, что Корчной приехал в Багио, чтобы превратить матч в политическое шоу. Он создавал невыносимую обстановку. Судя по всему, весьма прочно попал под влияние руководителя делегации Петры Лееверик — одиозной фигуры, не имеющей никакого отношения к шахматам, но ежедневно делавшей несколько злобных выпадов против Советского Союза, его шахматной школы, ее шахматного чемпиона. Когда председатель апелляционного жюри сингапурец Лим Кок Анн отверг очередную вздорную претензию Петры Лееверик, она обвинила его в прокоммунистических симпатиях. Когда Лееверик спросили, от чьего имени она делает подобное заявление, она показала справку, что Швейцарская шахматная федерация поручила ей представлять интересы Корчного. Услышав несколько новых оскорбительных выпадов Лееверик, Лим Кок Анн заявил ей, что подаст на нее в суд. В Швейцарскую шахматную федерацию была направлена телеграмма, в которой апелляционное жюри выясняло полномочия Лееверик делать подобного рода заявления. Швейцарская шахматная федерация открестилась от Лееверик и от ее заявлений, отметив, что не может нести ответственность за поведение и слова капитана делегации Корчного. Чувствовалось, что Петра Лееверик пыталась использовать матч в своих личных антисоветских целях. Видя, что эта женщина целиком себя дискредитировала, делегация Корчного отказалась от ее услуг и поставила на пост руководителя команды англичанина Кина. Кин выразил сожаление по поводу заявлений его предшественницы. Заявления Лееверик преследовали цель принизить значение побед Карпова, поставить под сомнение их честность. Начнем с первого протеста, связанного со стаканом кефира. На заседании апелляционного жюри она заявила: «Кто мне докажет, что стакан кефира, поданный в семь часов вечера, не значит — ходи конем

на такое-то поле, или что стакан кефира, поданный в девятом часу вечера, не означает: предлагай ничью?» Произнеся эту тираду, руководительница делегации победно оглядела членов жюри. Что было ей ответить? Тогда я получил слово и сказал, что Лееверик смотрит в зал и на сцену в бинокль, чем она сможет подтвердить, что этим самым не подсказывает ходы Корчному? Посмотрит влево — ходи конем на b4, посмотрит вправо — ходи конем на h8. «Но ведь она совершенно не умеет играть в шахматы», — возразил кто-то. «А профессор Зухарь умеет?» — спросил я.

Владимир Петрович Зухарь не занимается гипнозом, это не его профессия. Мы спросили членов делегации Корчного, есть ли у них объективные доказательства того, что этот человек мешает играть. Нам ответили, что Корчному он не нравится.

Тогда я сказал, что представлю список, по меньшей мере, пятнадцати человек, которые не нравятся Карпову. Сможет ли это послужить достаточным основанием для их удаления из зала? Субъективные переживания не могут быть решающими при определении того, кого оставлять в зале и кого нет.

А чего стоило такое заявление Корчного: «Когда я сижу за доской, я думаю о том, что играю не столько против Карпова, сколько против всей Красной Армии» (подразумевалось, что Карпов — член Центрального спортивного клуба армии). На этом основании делалось ультрасенсационное заявление, которое тотчас же подхватывалось буржуазной прессой.

Не только в матче с Карповым позволял себе всевозможные выходки Корчной. Вспомним, что он покинул Белград в разгар поединка со Спасским, сколько раз во время других матчей нарушал он этику шахматиста.

* * *

На одном из приемов немолодой благообразный господин с белыми, идеально уложенными волосами и пронизательным взглядом доверительно обращается к тренерам, врачам, журналистам, приехавшим из разных стран:

— Пожалуйста, что вы думаете о парапсихологии вообще и о советской парапсихологии в частности, — и при этом услужливо подносит к собеседнику микрофон.

Некий словоохотливый «гость Багио» отвечает так обстоятельно и долго, что невольно начинаешь думать: «До сих пор на свете существовали, кажется, только две вещи, о которых «все знали все». Первая — как надо играть в футбол. Вторая — как надо воспитывать детей. Пожалуй, недалеко время, когда в один ряд с футболом и педагогикой встанет парапсихология».

В Багио мы столкнулись с попыткой определенной группы журналистов объяснить победы советского спортсмена парапсихологией. Спорт — не исключение. Западного обывателя хотят заставить поверить в некую мистическую первооснову достижений советского народа и в области космонавтики, и в области медицины, и даже... в области дипломатии.

Читателям, мало разбирающимся в политике и экономике, трудно понять процессы, которые превратили СССР в могучую державу. Да и какая буржуазная газета согласится честно написать об этих процессах. Куда проще сослаться на причины, «неподвластные разуму».

Первые сенсационные статьи, построенные «на фактическом материале» — «Парапсихология — тайное оружие Советов», появились в дни матча в Багио.

А дальше — поехало. Американский автор Генри Гринс опубликовал сногсшибательное сочинение под заголовком «Новые колдуны Кремля». Он утверждает, что Кремль мобилизовал «восемь тысяч парапсихологов и разослал их в свои посольства и консульства, где они «официально числятся секретарями и переводчиками и тем временем выполняют свою

деликатную и экстравагантную миссию».

Далее для придания видимости научной солидности удивительному открытию приводятся высосанные из пальца детали: «Шесть высших школ парапсихологии функционируют в Москве, Киеве, Одессе, Ленинграде, Новосибирске и Алма-Ате. В них обучаются 40 000 студентов. Не все, однако, направляются в дипломатию. Некоторые становятся физиками, врачами и в особенности астрономами».

Почему же астрономами? «Потому, — отвечает с хитрой миной американский «исследователь советской парапсихологии», — что научные власти СССР все больше и больше думают, как бы опередить американских ученых в области установления контактов с внеземными цивилизациями с помощью передачи мыслей на расстояние». В этой связи, заверяет он, парапсихологи, работающие на Байконуре, передают необходимые мысли «космонавтам, замкнутым в капсуле».

«Жулики от пропаганды не смущаются, — писал Юрий Жуков в «Правде», — они следуют совету Геббельса: чем невероятнее и удивительнее ложь, тем больше шансов на то, что люди, не разбирающиеся в политике, на нее клюнут».

* * *

Поединок, разворачивающийся на сцене Дворца конгрессов, — лишь часть той чисто спортивной борьбы, которая идет за кулисами. Матч такого уровня должен показать, чего достигла древняя игра за последние три года.

Это когда-то давно случалось, что «на седьмом ходу чемпион применил новый ход» или «на девятом ходу претендент сошел с проторенных путей».

В наши дни можно прочесть: «На двадцатом ходу черным по теории следует занять ферзем вторую диагональ. Однако ход в партии сильнее».

Вот как! Теория дошла до того, что разложила по полочкам двадцать ходов, чуть не половину партии, лишь в одном, сравнительно редко встречающемся дебюте. Прочитав этот комментарий, я задался целью узнать, а что, собственно, скрывается за словами: «Черным по теории следует...» «Защите Алехина», например, посвящена капитальная монография международного гроссмейстера В. Багирова. Автор всесторонне — и за белых и за черных — рассматривает бесчисленное множество ответвлений дебюта, рекомендуя одни продолжения и критически рассматривая другие. Достаточно внимательно проштудировать книгу, и у тебя не будет проблем? Не без грусти подумал: не потеряли ли шахматы частицу своей привлекательности в наш прагматичный век? Импровизация, во все времена отличавшая славную игру, вдруг отступает, пасует перед начетничеством? Вспомнил двенадцатилетнего Володю Багирова, обращавшего на себя внимание самобытностью шахматного мышления. Уже в те годы ему сулили большое будущее, не случайно его опекал известнейший наш теоретик, заслуженный мастер спорта В. А. Макогонов. Но может быть, содружество с теоретиком, имя которого вошло во многие шахматные учебники, и уводило взрослого Багирова из сказочного мира шахматных импровизаций в суровый, прозаичный, расчетливый мир? Не загдох ли в Багирове смелый выдумщик? Ведь были и есть мастера, всем своим творчеством стремившиеся доказать, что в наше время расчетов и подсчетов шахматы — прежде всего вдохновение, импровизация, риск. Вспоминаю международного мастера Рашида Нежметдинова, шахматного волшебника, пожертвовавшего в своей жизни, должно быть, столько фигур, сколько не пожертвовали десять вместе взятых мастеров, но зато и создававшего такие шедевры, которым жить долгие века (благодарно думаю о казанских шахматистах и издателях, увековечивших

память Р. Нежметдинова книгой, сразу же превратившейся в библиографическую редкость).

Вот как далеко завела цепочка размышлений на тему: импровизация и прагматизм.

Перебирая звено за звеном, будем постепенно возвращаться назад. Можно сколько угодно вздыхать по поводу чрезмерного вторжения науки «даже в шахматы», той самой науки, которая, взяв власть над миром, решила распространить ее на игры и привлечь их в качестве помощников при конструировании электронно-счетных машин новейших поколений. Но разве будет спорить кто-нибудь, что теория игр открыла нам такие прелести шахмат, которые были неведомы ранее, показала их настоящую глубину и, если так можно сказать, запрограммированность на многие десятилетия вперед: каждому поколению дано находить в шахматах свои прелести.

Современные юноши знают шахматы несравненно глубже, чем их сверстники полпоколения назад. И даже вносят в эту теорию свои идеи. А иначе нельзя. Помню, с каким осуждением писал экс-чемпион мира об одном довольно известном мастере, взявшем от шахмат все, но не давшем им ничего. Тот мастер был в курсе всех последних шахматных разработок, однако сам не отягощал себя поиском новых путей. Мастером средней руки можно остаться до глубокой старости. Гроссмейстером стать на готовом невозможно. Чемпионом мира — тем более.

Беседую с гроссмейстером Игорем Зайцевым в спокойной домашней обстановке, когда можно спросить о том, о чем не пристало спрашивать в Багио. Там Зайцев выглядел человеком, до предела собранным, ушедшим в свои мысли и заботы. Это была не маска. Это была настоящая сосредоточенность, помноженная на ответственность. Разговор идет о теоретической подготовке к матчу.

— Карпов привез с собой на чемпионат много новинок. Не всегодились. К счастью. Усилия Карпова и его тренеров сводились на первой стадии матча к тому, как выбить из рук претендента главное его дебютное оружие. Этим оружием при игре черными был открытый вариант испанской партии. Претендент, чувствовалось по всему, отшлифовал дебют очень тщательно. Мы понимали: нужны серьезные усилия, чтобы выбить оружие из рук Корчного. Для этого можно было не пожалеть многих дней. И ночей тоже. Ибо это была оперативная работа. Она не терпела раскачки. Важно было найти не только абсолютно лучшие ходы. Важно было найти наименее исследованные продолжения, способные повернуть партию в новое русло. Таким в восьмой партии был девятый ход.

По поводу этого хода гроссмейстер Михаил Таль писал в еженедельнике «64»:

«Трудно говорить, лучше или хуже этот ход обычного, уже дважды встречавшегося в матче. Но то, что он менее исследован, это бесспорно. Во всяком случае, в настоящей партии эффект неожиданности дал блестящий результат».

Уже через ход Корчной избрал неточный план.

Секундант претендента англичанин Р. Кин несколько раз в интервью говорил о том, что Корчной подготовлен к матчу теоретически и в этом, мол, немалая заслуга его, Кина. Любопытно, что после окончания восьмой партии тот же Кин во всеуслышание объявил, что к десятому ходу Корчного английские шахматисты не имеют ни малейшего отношения.

Позже А. Карпов скажет: «Пишут, что матч в Багио дал мало нового, но тут я хотел бы заметить, что то же самое писали о матче Фишер — Спасский. Слишком велико напряжение поединка. И вместе с тем я считаю, что было много новых идей в области дебюта, например в открытом варианте испанской партии, в ферзевом гамбите, в защите Нимцовича».

Эти открытия, обогатившие древнюю игру, будут взяты на вооружение шахматистами мира. Пусть чуть-чуть, но они стали глубже, наши шахматы.

Этот разговор произошел в самолете, летевшем из олимпийского Мюнхена.

Мой товарищ Владимир, смотревший с первого до последнего дня соревнования штангистов, перелистывал блокнот и время от времени цокал от восхищения:

— Сегодня мухачи справляются со штангой, которая была еще недавно подвластна только тяжеловесам. Куда идем? Чем кончится? Поглядеть бы одним глазом на Олимпиаду двухтысячного года.

— Ты убежден, что все только впереди? — спросил журналист Николай. — Кругом было столько интересного, а некто, как добровольный затворник, сидел в «Павильоне Поднятия Весов» и смотрел, как «играют в железку», не желая отвлекаться ни на что больше.

— А что было интереснее? — снисходительно спросил наш однолюб.

— Тогда ответь, приходилось ли тебе слышать об одном греческом гражданине Бибоне, отличившемся на Олимпийских играх? — спросил Николай.

— Подтверждаю свое уважение такому знатоку, — сказал я, — но не могу не заметить, что вышеназванного чемпиона зовут вовсе не Бибон, а всего-навсего Бимон и был он родом не из Греции, а из Америки, это я так, между прочим...

— А стал знаменит этот Бимон тем, что в 1968 году нашей эры, прошу обратить внимание на это обстоятельство — нашей эры, смог прыгнуть в длину на восемь метров девяносто сантиметров и установить мировой рекорд, — добавил Владимир и, полуобернувшись ко мне, произнес: — Не понимаю твоих придирок к Николаю. Человек перепутал одну только букву...

— Ничего-то я не перепутал, — невозмутимо отвечал Николай. — Это все вам только кажется, надо больше читать. Был такой Бибон. Жил в Греции две тысячи пятьсот лет тому назад. Прославился тем, что поднял над головой камень весом примерно сто сорок, килограммов.

— Удивил. Теперь поднимают двести пятьдесят.

— Не спеши, на камне, который хранится в Олимпии, написано: «Бибон поднял меня над головой одной рукою». Если не трудно, назови такого силача из своих знакомых.

— В наше время этого упражнения нет — жим или толчок одной рукой. Так что не с чем сравнивать. Других более убедительных примеров превосходства прежних над нынешними не найдется ли?

— Это можно. В том же музее хранится свидетельство о другом греческом атлете, который поднял каменную плиту весом в полтонны.

— Взвесили, и оказалось точно — полтонны грамм в грамм, специально для потомков, чтобы тем не пришлось переводить греческие меры веса в свои, — не удержался Владимир. — И потом неясно, что этот безвестный герой древности сделал с плитой, поднял ли ее на грудь или над головой или просто приподнял на два пальца.

— Все истинные ценности, созданные человеком, если верить вам, имеют прописку в XX веке, — продолжал Николай. — До XX века не было Микеланджело, Шекспира, Ломоносова. И настоящих спортсменов не было тоже. А известно ли вам, что в пятисотом году до нашей эры атлет из города Кротон Фаилл прыгнул в длину за шестнадцать метров, чуть не в два раза дальше лучших современных мастеров этого жанра.

— Читайте молодежные журналы, — вставил Владимир, — в них вы почерпнете не только вопросы, которые задает вам Николай, но и ответы на них. Об одном умалчивает наш оратор, что тот муж Фаилл, пролетевший над скаммой — ямой для прыжков длиной в шестнадцать с половиной метров, прыгал, держа в руках камни. Оттолкнувшись, резко выбрасывал руки с

камнями назад. Расчеты показывают...

— Ха, ты действительно думаешь, что в наши дни найдется способный прыгнуть с камнями хотя бы на девять метров? Все дело в том, что атлеты древности достигали такого совершенства своего тела, какого достигали живописцы, писавшие его. Пока ни к тем, ни к другим еще никто не приблизился.

Это одна точка зрения.

Кажется, ей можно кое-что противопоставить.

* * *

Много взятых, но много и невзятых вершин есть еще на земле. Сперва о вершине в полном смысле слова — о Джомолунгме (Эвересте), на которую в пятидесятые годы поднялись обессмертившие свои имена Хилари и Тенцинг. Последующим восходителям в качестве утешения было дано лишь выискивать новые пути к вершине; их имена также внесены в летопись покорений Джомолунгмы, но первыми были двое.

Человечество лучше узнавало себя, поднимаясь к недоступным вершинам. И погружаясь в неведомые глубины. Французский исследователь Кусто удивлял мир одним рекордным погружением за другим; современные, не выдуманные фантастом, а созданные руками «Наутилусы» выдерживают многотонное давление на немыслимой глубине, помогая проникнуть в тайны океана.

Как бы символизируя приход эры сверхиспытаний и сверхперегрузок, первым поднялся в космос Юрий Гагарин. Первым вышел в космос из корабля Алексей Леонов, чтобы «поплавать» над Землей со скоростью 22 тысячи километров в час.

Человек научился проникать в тайны земли, океана и космоса только потому, что научился проникать в тайны самого себя, все лучше узнавать свои истинные возможности и резервы.

Мы храним глубочайшее уважение к предыдущим поколениям, которые подвели нас «ко всему этому», и при всем том с легким оттенком сострадания думаем о том, как же мало знали они себя и свои возможности. Об этом свидетельствуют неожиданные открытия науки наших дней, позволившие по-новому взглянуть на строение и функционирование «некоторых систем». Из множества примеров вспомним один.

Группа ученых Института медицинской радиологии АМН СССР с помощью ионизирующих излучений установила новый научный факт: в организме человека не одно, а два сердца. Второе — «только-только» открытое лимфатическое — сердце представляет собой длинную трубку, разделенную двадцатью клапанами на сегменты; оно тянется вдоль позвоночника и, работая без отдыха, перекачивает каждые сутки пять-шесть литров «белой крови». Раскрыты основные структурные особенности «второго сердца», закономерности его деятельности. Одним словом, современные методы исследований позволили увидеть, понять и описать то, что раньше было недоступно старым инструментам и старой фантазии.

А сколько неясного и недоступного пока в коре нашего головного мозга, в том самом веществе, которое мы, не проявив особой выдумки, окрестили серым!

Утверждают, что каждые десять — двенадцать лет удваивается объем знаний, которыми располагает человечество. Как бы иллюстрируя эту мысль, американский журнал «Ньюсуик» предлагает нам проследить историю Британской энциклопедии: первое ее издание, вышедшее в 1771 году, состояло из трех томов — 2659 страниц; с тех пор энциклопедия переиздавалась четырнадцать раз; в последнем варианте энциклопедии в десять раз больше томов, насчитывающих 33 141 страницу.

Примеры роста знаний мы видим во всех сферах жизни. С каждым десятилетием этот рост приобретает все новые и новые темпы. В нас еще много нераскрытых и неприкосновенных запасов. Под семью замками. К ним подбирают ключи медики, биологи, космонавты. Подбирают ключи и те, кто служит спортивной науке. Шахматы — благодарное поле деятельности для тех, кто работает над новыми поколениями электронно-вычислительных машин, кто исследует процессы умственной деятельности, кто пробует описать движение человеческой души, «когда все идет хорошо» и «когда все идет плохо».

Как, когда и какой сделать ход — едва ли не главное жизненное искусство — тоже из шахмат.

Стремление определить (а вместе с тем и раздвинуть) мыслительные границы с помощью такого надежного измерителя и стимулятора, как шахматы, одушевляло и одушевляет многих ученых.

Примерно за двести лет до Флеша «опыт на грани фантастики» решил поставить французский композитор Франсуа Андре Деникан-Филидор. Он был автором комических опер «Кузнец», «Дровосек», «Том Джонс» (увы, мало кому известных в наши дни) и таких шахматных шедевров, которыми восторгаются и в наши дни и будут восторгаться во все времена, пока существует эта игра.

Так вот, Франсуа Филидор задался целью сыграть три партии вслепую. И сыграл их. Об этом сообщили все газеты Франции. А Дени Дидро написал Филидору: «Что Вы делаете, Вы так загубите себя».

Просто во времена Дидро человек еще мало знал себя, и даже великие умы не догадывались об истинных его возможностях.

1964 год. В Берлине демонстрирует опыты английский математик, способный в течение нескольких секунд умножить одно шестизначное число на другое. Об этом феномене пишут, не скупясь на самые возвышенные эпитеты. Но через десять лет московское телевидение знакомит нас с аспирантом горьковского института Игорем Шелушко, для которого опыт английского математика — детская игра. Шелушко вступает в состязание с электронной счетно-вычислительной машиной. «Сторонам» предложено извлечь корень 77-й степени из цифр, записанных девятью рядами на грифельной доске. Первым задачу решает Игорь Шелушко. Потом ему читают длинное стихотворение. Едва закончилось чтение, Шелушко говорит, что в этом стихотворении 3671 буква.

Лот, запущенный в глубину мыслительных возможностей человека.

Игорь Шелушко работает в спокойной, привычной обстановке.

Но разве меньшую по объему счетную работу проводит за доской, рядом с тикающими часами Анатолий Карпов. Проводит в обстановке, требующей максимального напряжения и функционирования на высшем уровне всех известных и, быть может, пока не очень известных систем.

Разве не говорит нам Карпов: посмотрите, что может делать человек, посмотрите, что заложено в нас, как велика и безгранична область непознанного?

Есть много такого, о чем мы пока не знаем и о чем имеем отдаленное представление. Если мы научимся ставить на новый, более высокий уровень функционирования все наши мыслительные органы, нервы и чувства, не станем ли совершеннее?

Есть в этом мире опыты, свидетельствующие о безграничных возможностях человека, опыты, которые разубеждают скептиков и дают надежду оптимистам, которые привлекают к себе внимание не только физиологов, анатомов, психологов, терапевтов, а и поэтов.

Несколько слов об одном из таких опытов.

Мой товарищ, врач по профессии, побывавший в 1977 году на Филиппинах, то и дело перемежал рассказ о местных хирургах подозрительным словом «впечатляет». Мол, ехал туда скептиком, приехал, посмотрел на операцию, а теперь начинаю верить, что это далеко не фокусы.

Непросто поверить рассказу об искусстве филиппинских хирургов. Разве не о скрытых способностях и возможностях человека свидетельствует все то, что делают они?

Видел фильм. Манильский аэропорт, самолет, прилетевший из Парижа, и вереница тепло, не по-здешнему одетых пассажиров. Трех или четырех выносят из самолета на носилках. В глазах печаль, усталость далекого перелета. Еще крупным планом глаза 14—15-летнего мальчишки, с юных лет прикованного к кровати. В его глазах еще и надежда. Санитарные машины одна за другой выезжают на поле, в них погружают больных, кого-то ведут под руки, кто-то едет в коляске. Машины разъезжаются в разных направлениях Манилы. И вот на экране двухэтажный особняк, худощавый низкорослый хирург, который помогает сестре вкатить каталку на второй этаж. После этого хирург, положив мальчишку на обыкновенную, чуть приподнятую тахту, застеленную простыней, поворачивает его на спину. Все остальное видно уже не так отчетливо. Несколько минут спустя эскулап вытаскивает сгусток, кладет его на марлечку, начинает делать плавные движения ребрами ладоней, как бы предлагая краям тканей сойтись. В следующем кадре глаза мальчишки, он встает, сам доходит до матери, которая плачет от радости. Мать и отец подходят к хирургу и благодарят его. При расставании отец пробует вручить хирургу несколько бумажных купюр. Тот с достоинством отодвигает руку: нет, нет, не надо. Тогда я уже окончательно начинаю понимать, что это рекламный фильм. «В жизни так не бывает!» Человек сделал операцию, спас мальчишку, прилетевшего из Франции, доставил радость родителям и отказывается от гонорара? Расскажите кому-нибудь другому... Слишком непохоже на капиталистические нравы. Но ведь и сами Филиппины не похожи ни на одну другую страну, здесь свои обычаи. Неужели все-таки может быть?! Позже узнаешь, что принципы, объединяющие в одну корпорацию хирургов-хилеров, в корне отличны от принципов, которые объединяют дипломированных врачей, работающих здесь же.

— Эти врачи с дипломами, — говорит сотрудник советского посольства, много лет живущий на Филиппинах, — клянут на чем свет стоит «самодеятельных» хирургов, называют их шарлатанами, выступают с петициями, в которых требуют положить конец бесчинствам недоучек. Но понимаете, какая вещь, почему-то летят со всего мира на операции не к дипломированным врачам, а к хилерам. Тут война не на жизнь, а на смерть. У хилеров одно преимущество — они делают операции бесплатно, во славу своего учения, как бы опровергая все то, что накопила с годами мировая медицина, и открывая новые пути в такой серьезной ее области, как хирургия.

Многое можно понять, посмотрев фильм и услышав комментарий. Но лучше всего встретиться и побеседовать с тем, кому накануне сделали такую операцию. Тем более, если это... доктор медицинских наук.

Привожу рассказ Г. Г. почти дословно.

— Перед поездкой на Филиппины я перестал печалиться тем небольшим образованием, которое возникло у меня несколько лет на спине под правой лопаткой, и начал понимать, что эта моя, так сказать, визитная карточка откроет доступ к филиппинским хирургам. Поэтому я заранее списался с товарищами из посольства, они и помогли мне стать «манильским пациентом». Не удивляйтесь, пожалуйста, как не удивился я, услышав, что операцию мне будет

делать... шофер такси. Все мое медицинское и докторское нутро возражало против этой перспективы, но я сказал себе: «Спокойно, не ты первый идешь к нему под нож, простите, не под нож, а под ладони», и я согласился. Тут ему предстояло выяснить, насколько мое излучение соответствует так называемому его излучению.

— А если не секрет, как он это выяснил?

— По-моему, довольно примитивно. Меня посадили в кресло, он подошел сзади, поднес ладони к моим ушам, потом отошел, снова придвинул ладони и заявил, что мне лучше сделать операцию не у него, а у Джонни. Джонни, довольно быстро (мне показалось даже — легкомысленно быстро) выяснил, что с нашими излучениями все в порядке. Мне очень хотелось выяснить, кто по специальности этот Джонни. Пересилил себя. Этика не позволяла. Лишь после операции я узнал, что Джонни работает механиком автосборочного цеха. Еще я твердо знаю, что операция проходила без ножа.

Разговор с Г. Г. шел в бассейне отеля. На спине не было и следа от операции.

Автор предлагает рассмотреть одну далеко не бесспорную проблему. Он хочет дать повод для размышлений и тренерам, и спортсменам, и спортивным организаторам — всем тем, кто так или иначе причастен к спорту и кто одинаково близко принимает к сердцу его радости и заботы. Повторяю, автор не считает свое мнение и наблюдения бесспорными.

Уже не одно десятилетие прошло с той поры, как вышла книга Алексиса Карелла «Человек — неизвестное существо».

Книга была переведена на многие языки и в иных вузах считалась обязательным учебным пособием для педагогических факультетов. Немало прошло времени с той поры. Человек лучше узнал себя и свое окружение. Но разве не имеем мы права и сегодня поставить рядом эти три слова: человек — неизвестное существо?

Вспомним, как много саркастических стрел было направлено в людей, которые пытались проникнуть в тайну линий на ладони. В древности в хиромантию верили жители Двуречья, греки, римляне, индусы. От них хиромантия — вера в чудодейственные линии на ладони — распространилась по всему миру. Хироманты находили подтверждение своему учению в библейской книге пророка Иова: «На руку всякого человека Он (Бог) налагает печать для вразумления всех людей, сотворенных им». Но если сегодня врач вдруг предложит вам показать ладонь, не удивляйтесь. Наука пришла к убеждению, что в некоторых случаях линии на ладони помогают определить (с высокой точностью!), страдает ли человек наследственными заболеваниями или нет. Зародившаяся лет сорок назад дерматоглифика — наука о рисунках на коже — установила логическую связь между конфигурацией морщин, линией кожи и нарушением генетического кода. Подобные исследования проводились до войны в Берлинском университете, а в наше время они ведутся учеными лаборатории медицинской генетики Минского медицинского института. «Теперь известны тридцать шесть устойчивых признаков, по комплексу которых можно сделать вывод о тех или иных наследственных заболеваниях, — писал корреспондент «Правды». — Перед врачами открылась возможность предупреждать врожденные пороки будущего поколения».

Из древней наивной, но порожденной желанием проникнуть в тайны человеческого существа хиромантии вытекла современная наука дерматоглифика. Из древней наивной алхимии... Спросим себя: одних ли только насмешек и поруганий были достойны беззаветные, иногда алчные, но всегда пытливые искатели «философского камня»? Они проводили дни и ночи в своих кельях, заставленных колбами и пропитанных отравленными парами, стараясь проникнуть в тайны мира, окружавшего человека на земле. Не их ли опыты подготовили те шаги, которые сделала настоящая химия в последовавшие за средними веками?

В один ряд за хиромантами и алхимиками было бы можно поставить и астрологов. Пытаясь проникнуть в тайну воздействия космоса на Землю и человека, они не просто изучали и описывали движения звезд, но и старались (как сказали бы сегодня) запрограммировать некоторые события на Земле в связи с изменениями на небе; появление одного созвездия хронологически связывалось с разливом Нила, другого — с выбросом рыб после убывания воды, третьего — с наступлением сроков выгона овец на пастбища. Можно порицать древних астрологов за «выводы» — жизнь каждого человека зависит от расположения «его звезды», но разве и на искания астрологов не можем мы посмотреть с современных позиций? Разве человек, сын Земли, — одной из планет солнечной системы — не является одновременно и сыном космоса? Как приливы и отливы океанов связаны с Луной, так и наши собственные приливы и отливы (быть может, не в такой степени) связаны с Солнцем, циклически повторяемыми

всплесками его активности. Прочитаем, что пишут в книге «Ваша работоспособность сегодня» (М., Советская Россия, 1978) Н. А. Агаджанян, М. М. Горшков, Л. А. Котельник и Ю. В. Шевченко: «Влияние небесных тел на поведение, работоспособность и судьбу человека отмечалось еще в глубокой древности, об этом рассказывалось в легендах и мифах. Современная наука многого добилась в этой области, и пожалуй, уже настало время подвести некоторые итоги в обосновании существующих связей между космическими процессами и жизненными явлениями на нашей планете. Только естественнонаучное обоснование этих связей позволит обеспечить полное торжество материализма в сфере, которая в течение продолжительного времени была прибежищем идеализма и мистики. И здесь большие надежды возлагаются на биологическую науку, которая сейчас развивается невиданными темпами, словно стараясь, наконец, наверстать упущенное».

* * *

Ученые разных стран, каждый своим путем приходят к убеждению, что наша жизнедеятельность, наши способности и наше настроение регулируются биологическими часами, которые, если можно так сказать, начинают тикать в тот момент, когда человек появляется на свет. У этих часов сложный циферблат. Внутри нас, как считают некоторые специалисты, живут три цикла: физический, эмоциональный и интеллектуальный.

Каждый цикл имеет две половины: первую — положительную и вторую — отрицательную. Насколько эта гипотеза применима к спорту?

В Ленинграде живет и работает Валентина Ивановна Шапошникова, кандидат наук, заместитель директора Научно-исследовательского института физической культуры. Шапошникова и ее зарубежные коллеги убеждены, что тренеры и спортсмены обязаны знать свои хорошие и плохие дни. Это надо для того, чтобы правильно координировать физические и эмоциональные нагрузки и с учетом показаний современной науки строить тренировочный процесс. Вполне естественно, у биокарт было противников куда больше, чем сторонников. У противников были свои резонные контрдоводы. Они говорили, например, что советские штангисты выступали одинаково успешно во всех чемпионатах на разных континентах и в разные времена года и что работы в области биоритма могут только сбить с панталыку тренеров и спортсменов, морально обезоружить их. «Куда это годится? — говорили они. — У нас есть проверенный десятилетиями опыт и хорошо налаженный учебный процесс. Мы научились подводить человека к соревнованию, научились помогать ему достигать пика формы в самые главные, решающие дни спортивного сезона. Спортсмен полон оптимизма, а вы хотите прийти со своими картами и сказать о том, что его поджидают плохие дни. Мы этого не позволим».

Но время идет вперед, и все больше тренеров обращается к психологам с просьбой «рассчитать спортсмена», помочь скоординировать тренировочный процесс с показаниями биокарт.

В жизни каждого человека есть период, когда подъем идет параллельно в двух циклах на протяжении восьми — одиннадцати дней. Такие периоды повторяются каждые четыре-пять месяцев. Это и есть наилучшее время для интенсивных тренировок.

Разумеется, это внимание к биологическим закономерностям не исключает огромной роли социального фактора, мастерства тренера, патриотизма спортсмена, отстаивающего спортивную честь Родины, воли и характера, необходимых для победы.

В свое время в статье, опубликованной журналом «Аврора», я рассказывал о том, как олимпийский чемпион Виктор Санеев через шесть недель после окончания Олимпийских игр

1972 года в Мюнхене вышел на старт малоприметных легкоатлетических соревнований, вышел по совету... живущей далеко от него В. И. Шапошниковой. Сам по себе он этого никогда бы не сделал, ибо известно, что после Олимпиады результаты спортсмена резко идут на убыль, просят отдыха и тело и нервы; решение Санеева и его тренера Акопа Керселяна многих удивило. Но Валентина Ивановна Шапошникова гарантировала Санееву мировой рекорд в тройном прыжке на уровне 17 м 40 см — 17 м 50 см. Санеев установил мировой рекорд — 17 м 44 см.

В феврале 1979 года «Правда» писала: «Опыт показал, что физиологические, эмоциональные, творческие процессы подчиняются естественным ритмам, протекают по определенным циклам и что знание их помогает сохранять здоровье людям и влиять на производственные результаты».

Заметка «Учитывая биоритмы» рассказывала о том, как в третьем автобусном парке Карагандинского областного автотранспортного управления на всех шоферов были составлены биоритмограммы. Учитываются показания биокарт строго: в определенные дни шоферы не выходят на трассу — либо работают в гараже, либо отдыхают. Что дало внедрение биокарт? За год число транспортных происшествий в управлении снизилось более чем на двадцать процентов.

Познакомимся с тем, что писала В. И. Шапошникова на страницах «Литературной газеты»: «Если гипотеза о существовании «критических» и «благоприятных» периодов в жизни человека подтвердится, то это даст повод задуматься о коррекции образа жизни каждого из нас. Возможно, изменения коснутся годовых рабочих графиков, когда отпуска будут совпадать с «критическими» периодами, предохраняя нас от излишнего напряжения физических и творческих сил в неблагоприятное для этого время. Возможно, каждая супружеская пара будет искать оптимальное именно для нее время рождения ребенка, чтобы он унаследовал лучшие качества их человеческой природы». Тут небольшое отступление. Как пишет профессор Скутешу-Комэняну, было бы вовсе неплохо, если бы будущие супруги знали, что наиболее удачные брачные союзы у пар, дополняющих (по данным о времени рождения) друг друга, то есть браки между родившимися весной и летом или соответственно летом и осенью и так далее. А менее удачны между родившимися в одно и то же время года или в прямо противоположное. Данные «Биохрона» могут в определенной мере служить и предопределением пола рождаемого ребенка. Предполагают, что ребенок, зачатый в период, приближенный к дате рождения (по времени) отца, будет мальчиком, а приближенный к дате рождения матери — девочкой.

Но вернемся к статье Шапошниковой в «Литературной газете»: «Думается, уже сегодня мы должны быть готовы к тому, что в случае подтверждения этой гипотезы нам придется критически переосмыслить многое в нашем привычном образе жизни».

Не все просто, не все ясно с биоритмами. Легче всего было бы отмахнуться от одной из проблем, выдвинутых современной наукой. Труднее собрать факты, осмыслить их, не торопиться говорить «да» и тем более категорическое «нет».

«Нет ничего властнее ритма», — говорил Иван Петрович Павлов. Мы могли бы вспомнить еще одно любопытное высказывание на эту тему:

Приливы есть во всех делах людских,
И те, кто их использует умело,
Преуспевают в замыслах своих, —
Так говорит Шекспир... Но в том и дело,
Что вовремя увидеть надо их.

Это искусство — «заметить проблему». Какой бы спорной и маловероятной ни представлялась она поначалу, не отмахнуться от нее, а поставить на службу спортивной победе новейшие достижения не только признанных наук, но и тех наук, которые только-только доказывают свое право на существование.

Убежден, что теория биоритмов должна привлечь внимание шахматных организаторов, тренеров и самих шахматистов. Сколько раз приходилось слышать и читать тоже: «Май не мой месяц», «Август не мой месяц», «Очень люблю март», «Хорошо играю в октябре».

Про одиннадцатую партию Карпов говорил:

— Я играл ее плохо. Был как ватный. Считал с трудом.

Просчитайте биоритмы Анатолия Карпова по состоянию на десятое августа, когда игралась партия, в которой он «был не похож на себя». Вы убедитесь в том, что это один из самых неблагоприятных дней 28-дневного, эмоционального, цикла — переход от минуса к плюсу. Нельзя ли было бы убедить нашу команду именно в такие дни брать тайм-ауты?

* * *

Это тема, которой надо касаться в беседах с членами делегации очень осторожно. В самом деле, с Анатолием Карповым живут и работают те, кто лучше других знает особенности его психофизической конституции, его умение преодолевать стечение самых неблагоприятных обстоятельств. Наука о биоритмах делает только первые шаги. Несмотря на очевидные успехи, засвидетельствованные, зафиксированные, задокументированные, она еще числится в графе экспериментальных наук. Пристало ли заводить разговор на эту тему?

Профессор Владимир Петрович Зухарь говорит:

— Разумеется, у нас был расчет Толиных биоритмов на несколько месяцев вперед. В каждом месяце, если верить картам, выпадало несколько неблагоприятных дней. Тайм-аутов просто-напросто не хватило бы. И мы решили не придавать значения расчетам. Задача заключалась в поддержании постоянной физической и психологической готовности Карпова. Постоянной готовности. Это было главное требование, диктовавшееся сложными условиями матча.

Разве можно сказать, что профессор не прав? Я не раз слышал в беседах с В. П. Зухарем слова: «Карпов — это сильная личность. Контактная, организованная личность».

В этом любители шахмат убеждались не раз.

Но значит ли, что сильная, организованная личность может всегда, при всех обстоятельствах быть одинаково сильной и организованной, неподвластной влиянию ритмов?

Мы еще вернемся к этой проблеме, а пока счет матча 4:1. Есть «повод для настроения». Совпадающий с другим поводом: у мастера спорта пресс-атташе делегации Александра Борисовича Рошалья — день рождения.

Он молод еще, наш пресс-атташе. Но живут на свете известные шахматисты, которые называют его дедом. Заслуженный тренер РСФСР долгие годы работал с юными шахматистами Москвы, руководимая им команда несколько раз выигрывала первенство страны. Его ученики: Сергей Макарычев, бывший чемпионом Европы среди юношей, международный мастер Марк Дворецкий, несколько сильных мастеров. По стопам учителя пошел Марк Дворецкий и очень быстро выдвинулся в ряд ведущих тренеров страны: чемпионы мира среди юношей студенты МГУ Артур Юсупов и Сергей Долматов — его воспитанники. Эти представители третьего поколения и величают уважительно и полусмешливо Рошалья дедом.

А. Б. Рошаль сдружился с Карповым двенадцать лет назад, когда тот делал первые

серьезные шахматные шаги.

Помню день, когда на турнире, проходившем в начале семидесятых годов в Центральном Доме культуры железнодорожников, Александр Борисович показал мне на худенького, угловатого, застенчивого паренька и сказал:

— Посмотрите, это Толя Карпов. Он будет чемпионом мира.

Я всегда считал Александра Борисовича серьезным человеком и потому спросил:

— Вы когда-нибудь кому-нибудь сулили такое будущее?

— Никогда. Никому.

С годами Александр Рошаль стал журналистом, членом редколлегии еженедельника «64». Помню его первые литературные опыты, читанные в рукописи. Не надо было быть провидцем, чтобы предсказать ему счастливое литературное будущее. Писать о шахматах не легко. А писать просто, доступно, увлекательно и вовсе трудно. Читаю репортажи Александра Рошалья и написанную им совместно с Анатолием Карповым книгу «Девятая вертикаль» и радуюсь за старого товарища.

Среди тостов, произнесенных в этот вечер, запомнился один. Его произнес американец Эдмонд Эдмондсон:

— Утверждают, что мы живем в мире коммуникаций — спутники, телевидение, телефон и прочее. Но это не так. Мы живем в мире разрывов. Расплываются континенты, сталкиваются религии, распадаются семьи. А шахматы, они как бы объединяют нас и склеивают расплывающиеся материки. За тех, кто служит им. За вас, дорогой Саша.

Эдмондсон был долгие годы главным секундантом, советчиком и опекуном Бобби Фишера.

Трудно удержаться, чтобы не спросить, где сейчас Фишер, насколько обоснованы разговоры о его возвращении в шахматы и предполагающемся матче с югославским гроссмейстером Светозаром Глигоричем.

Дело в том, что незадолго до отъезда в Багио я встретился с доктором юридических наук, шахматистом, кандидатом в мастера Таиром Таириным. Он выступал в Лондоне на международном симпозиуме, и, едва кончил доклад, к нему подошла одна женщина.

— Незнакомка довольно сносно говорила по-русски, — вспоминает Таир Таиринов. — Похвалила мой английский (я выступал на английском) и спросила, не обижусь ли я, если она даст мне совет по поводу построения нескольких фраз. Я ответил, что буду благодарен. Мы разговорились. Оказалось, что моя советчица — мать Бобби Фишера. Признаюсь честно, у меня как-то сразу вылетели из головы все ее лингвистические советы. Я начал расспрашивать о Бобби и услышал малоприятную новость. Секта, которая сумела привлечь к себе и опутать экс-чемпиона мира, его судебные процессы поглотили почти все сбережения Роберта. Мать сказала, грустно улыбнувшись, что ничего не может сказать о будущем сына. Ей искренне жаль, что все так неладно случилось, бросил шахматы, отказался от уймы выгодных предложений «быстро и честно сделать деньги»; на что он будет жить через год, мать не знает.

Вспомнив рассказ профессора-юриста, я подумал: может быть, тот матч с Глигоричем и поможет Роберту Фишеру, во-первых, вернуться к шахматам, а во-вторых, поправить свои финансовые дела (в печати промелькнуло сообщение о миллионном призовом фонде).

А Эдмондсон сказал:

— Насколько я могу судить, этот матч никогда не состоится. Фишер сейчас знает только со своим священником, снова ушел в себя, хотя и следит за всеми шахматными новостями. Вы спрашиваете, будет ли он когда-нибудь играть в шахматы. Этого не знает никто. В том числе и сам Бобби.

Затерялся, заглох раньше времени еще один талант. Очень не хотелось бы в это верить. Хотя такая судьба очень часто караулит таланты, поставленные на службу самому себе.

...Через два дня должна играть очередная, восемнадцатая партия. Но научившийся «думать прежде всего о себе» Корчной заявил, что ему не нравятся флюиды, которые излучают находящиеся в зале гости из СССР. Поэтому он дождется их отъезда, а пока возьмет тайм-аут. Сперва один. А потом второй.

В Маниле по телевидению смотрим за восемнадцатой партией. В Сингапуре по радио узнаем об ее ничейном результате. В Делийском аэропорту нам рассказывают о том, что в девятнадцатой партии выпустил победу Корчной, а едва вернувшись в Москву, слышим, что в двадцатой прошел мимо выигрышного продолжения Карпов.

Счет остается таким, каким был при нас в Багио. 4:1. Шансы чемпиона велики. Ему достаточно выиграть всего две партии. Надежды претендента ничтожны. Он обязан взять пять партий. Если же учесть, что Карпов проигрывает не более трех партий в год, нетрудно предсказать исход поединка.

Выступая на встрече с писателями Москвы, Анатолий Карпов рассказывал:

— Итак, после семнадцатой партии обе делегации достигли соглашения на основе взаимных уступок. Мы решили, что можем принять некоторые условия претендента, он принял некоторые наши. Однако он взял один за другим два тайм-аута, заявив, что не хочет доставлять удовольствия туристам, которые приехали поболеть за Карпова. Таким образом, он использовал весь лимит тайм-аутов, за что я, конечно, благодарен туристам. С восемнадцатой по двадцать седьмую партию одно приключение следовало за другим. Я упустил выигрыш в восемнадцатой, в двадцатой записал не сильнейший ход. Вдобавок ко всему провели не очень точный анализ. Прошел мимо выигрышного плана и... проиграл двадцать первую партию. Двадцать вторую должен был выиграть. Я сделал семь единственных кооперативных ходов (кооперативный ход — это как бы против самого себя). Мне надо было сделать именно семь таких ходов, чтобы выпустить победу. Мог отложить партию еще на сорок первом ходу, и ее результат не вызывал бы сомнения, но я продолжал почему-то играть, довел ее до сорок седьмого хода. Какой-то заскок, даже не знаю, как это объяснить. Теперь дальше. В двадцать пятой партии я мог выиграть ферзя за ладью и слона, но Корчной находился в цейтноте и имел ужасную позицию. Я не знал, каким ходом проще выиграть. В конце концов пропустил контрудар, и партия закончилась вничью. Наконец после этой многострадальной серии я все же смог выиграть двадцать седьмую партию, и счет стал 5:2. Казалось бы, все.

Ни у кого, в том числе — увы! — и у меня, не было сомнений в том, что «матч сделан», что последнее очко, как созревший плод, само упадет с дерева. Казалось, что способность претендента к сопротивлению иссякла. Но неожиданно психологическое преимущество перешло на сторону Корчного, которому просто уже нечего было терять. Выиграв одну партию, Корчной заявил, что наконец вошел в свою лучшую форму, теперь его ничто не страшит, он разгромит соперника и станет чемпионом мира. Я же попал в состояние, которое, очевидно, точнее всего назвать стрессовым. Мне трудно было садиться за шахматы, трудно было считать, какой-то непонятный произошел сдвиг.

* * *

Разные бывают на этом свете усталости. Психологи, исследующие состояние человека в длительном плавании, антарктической зимовке или космическом полете, обеспокоены не только тем, как организм моряка, зимовщика или космонавта привыкает к новым условиям жизни. Исследователей волнует вопрос о так называемом сенсорном голоде. Отсутствие новых впечатлений может пагубно отразиться на самом дружном и спаянном в обычных условиях коллективе. Послушаем, что говорит начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР, кандидат психологических наук, заслуженный мастер спорта Г. Т. Береговой:

— Во время досуга — а у космонавтов, как и на Земле, было два выходных в неделю — непрестанно крутился видеомагнитофон, по радио передавали сообщения о спортивных событиях, беседы с артистами театра и кино. Неизгладимое впечатление на ребят произвел космический диалог с чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым.

В книге «Угол атаки» Г. Т. Береговой рассказывает о том, как важно составить экипаж из людей, характеры которых психологически совместимы, товарищеская поддержка выражает

космонавтов, как это было у летчиков во время войны.

В беседе с сотрудниками «Советского спорта» Г. Т. Береговой говорил:

— Все экипажи, побывавшие на борту станции «Салют-6», составлялись с учетом индивидуальных психологических особенностей личности каждого космонавта. Где-то я читал, что бразильский футболист Пеле в качестве идеального партнера назвал молодого нападающего Кутиньо только потому, что тот умел угадывать движения мысли самого Пеле. Вот такое умение угадывать друг друга и характеризует настоящую сыгранность экипажа. Полагаю, в стрессовой ситуации одной лишь личной приязни и дружбы может быть недостаточно. Космонавты — люди, которым ничто человеческое не чуждо, поэтому на двадцатые — тридцатые сутки полета на борту корабля обычно воцаряется обстановка, когда вступают в действие неуправляемые взаимоотношения, и мы учим членов экипажа умению управлять своим поведением и эмоциями, уступая друг другу. Человек не может быть равнопрочным во всех отношениях, но надо знать, в чем и когда он силен и слаб.

Я полагаю, что-то, а сенсорный голод Карпову и его друзьям не грозил. Ни на день не прерывалась связь с Родиной. После каждой партии Толя получал тридцать — сорок телеграмм из Советского Союза. Были трогательные пожелания из космоса, от Центрального Комитета комсомола, из Москвы и Ленинграда, из всех союзных республик, от спортивных организаций.

Приезжали работники посольства и туристы, не было конца приглашениям... Наконец, плавание, теннис, бильярд, нарды... Все это помогало поддерживать и физическую и психологическую форму. Но как понять и описать чрезвычайные происшествия в Багио?

Для этого нам надо «заново прокрутить пленку», постараться с максимальной точностью восстановить в памяти некоторые обстоятельства тех дней.

* * *

Мало ли среди ваших знакомых людей, которые после маленькой житейской неприятности или поражения готовы рассказывать об этом каждому встречному, сопровождая рассказ горестными всплесками рук? Мало ли среди ваших знакомых людей, которые любят повествовать о своих хворях? Они не знают мудрой японской поговорки: «Человек испытывает неприятность два раза — первый раз, когда пришла эта самая неприятность, а другой раз, когда рассказывает о ней». Карпов переносил поражения молча, никого не винил, говорил, что ошибся, но ошибся сам, не объяснял это какими-то воздействиями из зала. И вообще предпочитал как можно меньше вспоминать о неудаче.

Это дало основание корреспонденту манильской газеты написать: «У русских хорошие нервы».

Если бы знал журналист, что такое чемпионские ночи!

Отложив двадцать восьмую (игранную белыми) партию в трудном положении, Карпов анализировал ее вместе с тренерами... я чуть не написал: до рассвета... нет, рассвет наступил необычно быстро, сидели за доской, когда на дворе было светлым-светло. Вообще, может быть, это не лучший способ анализа, шахматисту надо дать чуть отойти от всего пережитого за партией, чуть поспать, чуть вернуться в норму. Ну а если он не может по-другому? Если он весь там — в этой позиции, трудной, сохраняющей лишь призрачность спасения? Но из нее надо взять все, что только можно. Отыскать ничтожнейший шанс. Проверить себя и других. Чтобы в конце концов сказать — нет, не годится и это. И то не годится тоже. Может быть, попытать счастья еще в одном не сразу бросающемся в глаза варианте? Как это было в тринадцатой партии. Век бы помнить ее. Помнить, как в такой вот утренний час было найдено продолжение,

после которого вздохнули свободно все: есть ничья. Помнить, как уже за доской на сцене было найдено продолжение, ведущее к поимке неприятельского ферзя.

Легкий бы услышать вздох облегчения. Увидеть хотя бы намек на улыбку. Юрий Балашов — серьезный человек, от него не жди, не улыбнется. И Игорь Зайцев, хотя и видится в шахматах прямой противоположностью Балашова, этим на него похож, тоже не любит раздаривать улыбки. Или приучила шахматная практика? Есть у шахмат железный закон: ты не должен давать партнеру право догадываться о своем состоянии — нравится тебе позиция или нет... ты не должен облегчать ему оценку положения с помощью собственных эмоций. Не всем и не всегда это удается. Помню, как безнадежно и тайно вздохнул Спасский во время последней партии ленинградского матча с Карповым: на доске была примерно равная позиция, казалось, вся борьба еще впереди, но Спасский лучше, чем кто-либо из сидевших в зале, понимал, к чему клонится позиция, к чему она в конце концов придет, и он не удержался, вздохнул, едва заметно, но все же выдал себя.

А ведь это о нем завистливо говорил не щедрый на комплименты Р. Фишер: когда играешь со Спасским, никогда не догадаешься по выражению его лица — хорошо ли он чувствует себя или плохо, нравится ли ему позиция или нет. Не всем подвластно это искусство. А Михаил Таль, оптимист, живчик, умница, умеющий так хорошо понимать других, безмерно напряжен и он. Все три тренера — честнейшие на свете работяги. Таль, как и Балашов, еще собирающийся побороться за звание чемпиона мира, отдает Карпову все, что только знает, может, и еще что-то сверх того. Это Талю наших дней принадлежит прекрасное изречение; в ответ на вопрос, как бы он сыграл с тем Талем, который был чемпионом мира, он ответил мгновенно: «Я бы растерзал его». А сейчас он говорит негромко, с легким оттенком сомнения в своей правоте, так свойственного этому человеку: «Кажется, не стоит тратить силы».

Профессор В. Зухарь будто только и ждет этого приговора.

Вся его практика, весь богатейший опыт работы со спортсменами подсказывает ему: ты не имеешь права допускать этого безобразия. Слово «безобразие» вертится в голове; Зухарь никогда не произнесет его, он не выносит безоговорочных приговоров, на что бывают так щедры подчас люди, достигшие его положения, степеней и званий. Он просто спрашивает у Батурина, не считает ли тот, что анализ следовало бы продолжить на свежую голову, ведь недаром говорят, что утро вечера мудренее, на что Батуринов флегматично отвечает: «А уже давно утро».

И терапевт профессор Михаил Лазаревич Гершанович, и психиатр профессор Владимир Петрович Зухарь, как и все члены советской делегации, хорошо знают, что Карпов еще долго не заснет. А ему надо спать, спать, спать. Сон — лучшее из всех существующих на свете лекарств, изобретенных природой. Но чтобы пришел сон к шахматисту, охваченному столь бурными, выходящими далеко за пределы обычных измерений чувствами, необходимо лекарство, изобретенное человеком. Снотворное. Обычно удавалось обходиться без него. Сегодня Зухарь и Гершанович первый раз принимают решение дать снотворное Карпову.

Тот соглашается. Выпивает двойную дозу. После этого тренеры расходятся по своим номерам. Каждый из них еще долго будет сидеть один на один с отложенной позицией. Выискивая малейшие шансы. А два профессора дождутся, пока заснет Карпов, и, когда в его номере погаснет ночник, вздохнут облегченно.

А через час снова увидят свет сквозь крохотную щелку двери, ведущей в комнату Карпова. Чуть приоткроют дверь.

И увидят Карпова, склонившегося над шахматной доской.

Что испытывает, что чувствует Карпов? Ведь, что там ни говори, классический совет «Хвалу и клевету приемли равнодушно» легко давать другим. И потом, способность не допускать близко к сердцу и большую радость, и большое горе приходит к человеку лишь с

годами, ближе к старости, когда начинают работать на полную катушку все, какие ни есть, защитные системы.

Это только старый Сократ мог так ответить на вопрос: «Почему ты всегда ровен духом?» — «Потому что не имею ничего такого, о чем бы жалел, потеряв». Но и эта мудрость, увы, с изъяном. Карпов не может быть ровен духом перед тридцать второй партией, потому что думает не только о том, что потеряет сам, проиграв ее. О том, что потеряет страна, делегировавшая его. И шахматы, если возведут на свой престол человека, о котором Карпов скажет впоследствии: «У меня было только одно чувство к нему — ненависть».

Все на свете имеет свои пределы.

Есть пределы и ресурсам воли, терпения, выдержки, хладнокровия. Неужели карповские ресурсы подошли к исходу? Кто наберется смелости сказать, что это не так? Здесь, на Филиппинах, уже проходил однажды поединок на звание чемпиона мира. Хотя и был он разбит на четырнадцать отрезков, длился в общей сложности — с ритуалом вместе — чуть больше двух часов. Тоже шло состязание в быстроте мышления, точности расчета, тоже испытывалось искусство стоять на ногах после пропущенного удара... Тогда, в семьдесят пятом, шел поединок боксеров.

Счастье-то какое! Всего два часа или сорок две минуты «чистого времени» требуется боксу для того, чтобы вынести приговор: этот лучше, а тот тоже хорош, но не настолько.

В шахматах за сорок две минуты партнеры делают только начальные ходы одной партии.

А сейчас, когда пошел четвертый месяц борьбы, повернувшей в новое русло так же неожиданно, как меняют русла после обильных дождей реки Багио, это искусство стоять на ногах, говоря иными словами, «держат характер», не подпускать близко к сердцу разъедающие душу сомнения, приобретает особое значение. Становится главным отличительным качеством мастера. Кто ты — боец или не боец. Завтра лучше узнаешь себя. И сможешь сделать это миру.

Все сомнения надо собрать в один мешок, завязать как следует и закинуть подальше... были бы силы — за ту вон гору, с водопадами. Фантазия. Разве ты уйдешь куда-нибудь от мыслей: что случится, если вдруг?..

Нельзя допустить, чтобы безрассудство торжествовало над разумом, отступничество над верностью, громогласная развязность над скромностью.

Разве трудно догадаться, как, во имя чего и против чего обернет Корчной титул чемпиона мира по шахматам — одно из самых почетнейших на земле званий, — если выиграет последнюю партию? После того, как выиграл три чуть ли не подряд?

За доской сидят антиподы.

Придерживающиеся не только разных шахматных, но и диаметрально противоположных жизненных взглядов.

Представители двух миров, которых спортивный жребий свел за доской Дворца конгрессов мало кому известного филиппинского городка.

Они непохожи друг на друга, как две соседние клетки на шахматной доске и как два войска на ее противоположных концах.

Возвращаясь к теме «шахматы как модель жизни», я подумал, что было бы вовсе не бесполезно на примере этих двух шахматистов поискать ответ на вопрос, какой строй какие стимулирует и развивает качества. Если найдем ответ, он многое скажет. Говорят, истина от повторения не тускнеет; подведем же итоги некоторым предварительным наблюдениям.

С одной стороны, Корчной. В строгом соответствии с законами того мира, который принял его, он убежден, что данный ему от рождения и развитый кропотливым исследовательским и спортивным трудом талант — достояние, призванное служить ему одному. И помочь приобрести те материальные блага, о которых начинает мечтать, едва ли не выйдя из пеленок

любое дитя того мира. Есть такое выражение — «закопать талант». Применительно к Корчному оно приобретает противоположный смысл. Найдя почву и застолбив участок, в котором этот талант, будучи «хорошо закопан», дает обильный долларовый урожай, он не расстается с лопатой. «Это мне, и это мне, и то тоже мне».

Может быть, читатель обратил внимание, как часто, чуть ли не из номера в номер, газета «Бюлитин Тудэй» подчеркивала, напоминала, повторяла, что борьба идет за бóльшую часть 550 тысяч долларов. Доллар — единственный показатель преуспевания в том самом мире. С тобой здороваются, тебя приглашают и тебя избирают и в правительственные и в благотворительные учреждения, тебя чтут, признают, описывают в прямой зависимости от того, какие суммы проставляет компьютер в твоей кредитной карточке. «Время — деньги» — поговорка, довольно часто подтверждающая свою правоту. Но деньги — это не только время. Доверие — деньги. Взаимоотношения — деньги. И человек — тоже деньги. Там, где дела, помыслы и слова обращены к одной цели — личному благополучию. О том, сколь возвышает и в кого превращает оно человека, быть может, слишком резко, но довольно точно сказал Альберт Эйнштейн: «... Стремление к личному благополучию достойно свиньи». Между прочим, это из статьи, которая называлась «Почему нужен социализм?».

В свое время крупнейшая итальянская газета поместила фотомонтаж: «Кто как играет в футбол». Показателем служили не привычные критерии — кто за какие команды сколько провел игр, сколько забил голов или отразил пенальти. Рядом с фигурами футболистов были возведены пирамиды из кредитных билетов достоинством в тысячу лир. Даже неграмотный мог составить себе представление о том, кто сколько стоит на футбольном рынке. А это значит — кто как играет.

В канадской газете подсчитали, какой доход принес игрокам всемирно известного клуба один лишь решающий гол в главном матче сезона. (Не эта ли привычка получать наличными за каждый забитый гол была причиной того, что родина хоккея долгие годы делегировала на чемпионаты мира второразрядных игроков, выступавших в роли мальчиков для битья? Прекрасный символ Канады — желтый кленовый лист — видится на майках иных профессионалов распластанной шкуркой Золотого Тельца.)

Одна филиппинская газета к исходу матча подсчитала, что, даже проиграв, Корчной получал за каждый из своих ходов, сделанных в Багио, по 131 доллару 14 центов. Учитесь играть в шахматы!

— Сегодня произошло событие, — пряча улыбку, сказал Пауль Керес однажды в дни международного турнира, — со мной бесплатно поздоровался Фишер.

— Вы иногда скажете, Пауль Петрович! — недоверчиво отозвался гроссмейстер, слишком хорошо знавший повадки американца.

Корчной популярен среди тех, кто пробует изобразить его невинной жертвой социалистических порядков, вынужденной искать прибежище на Западе. Эта «жертва» предпочитает умалчивать о том, что именно тот самый порядок в прямом и первоначальном смысле этого слова помог прорасти и развиться его, корчновскому, шахматному таланту. Что его терпеливо, мудро и бесплатно — от самого начала до самого конца — учили играть в шахматы и в знаменитом Ленинградском Дворце пионеров, и на многочисленных сборах, которыми руководили известнейшие шахматисты-педагоги, что ему помогали оттачивать мастерство в бесчисленном множестве турниров, которыми так была насыщена (теперь точнее говорить — перенасыщена) наша шахматная жизнь. Ему давали возможность полнее и ярче выразить свое «я», понять закон, объединяющий советское шахматное сообщество, — через соперничество к товариществу.

Он шел от соперничества к вражде.

Но так уж устроен этот мир: все, что вызывает осуждение у нас, мгновенно превозносится в мире капитала. Разные представления о предназначенности, правах и обязанностях человека, обязанностях перед самим собой и перед обществом (частицу которого он составляет) проявляются и в оценке личности гроссмейстера Корчного.

Какие черты характера возобладали в нем прежде всего?

Алчность. Изворотливость. Ненависть к стране, породившей и воспитавшей его.

Его приглашают на шахматные и политические вечера. Он выбирает те, которые выгодны. Можете ли вы себе представить, чтобы Корчной приехал в гости к горнякам далекого поселка или к школьникам или студентам, прочитал лекцию о шахматах, дал сеанс одновременной игры... и сделал все это бесплатно. Его бы не поняли. Как и он не понял, если бы ему сразу не вручили чек.

У японского новеллиста Кобо Абе есть рассказ «Посланец Нара»: лектора пригласили на встречу со студентами, но задержали на двенадцать лишних минут, не предложив за это дополнительного вознаграждения... У лектора было надолго испорчено настроение... При всем том у него хватило такта промолчать.

Корчной берет везде где только можно и что только можно. К этому, собственно, сводится вся его новая жизнь. Слишком быстро усвоил обычай «нового мира» — хочешь жить, умей вертеться.

Виталий Севастьянов, председатель шахматной федерации СССР, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, скажет:

— Член ЦК ВЛКСМ Анатолий Карпов считает своей первейшей обязанностью (и добросовестно выполняет ее) пропаганду шахмат, особенно среди молодежи. Огромную роль в этом деле сыграли выступления Анатолия, когда он ездил на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток — от Златоуста до Якутска. Должен подчеркнуть, что в своей общественной работе Анатолий Карпов может служить примером.

Он окончил среднюю школу с золотой медалью, Ленинградский университет — с отличием. У него масса полезных увлечений, но, когда шахматы этого требуют, он весь отдается спортивной борьбе.

Я вспоминаю, как наш общий друг Петр Климук пригласил Анатолия в Звездный городок. Потом Карпов приезжал туда с Михаилом Талем и выступил в сеансе одновременной игры, в которой встретились космонавты, специалисты Звездного, а также секретари комсомола республик, секретари райкомов и обкомов ВЛКСМ. И мы узнали еще, что он отличный, компанейский парень и в этом порой не уступает даже такому острослову и весельчаку, как Таль.

Чемпион мира и его товарищи служат пропаганде шахмат не только на Родине и в странах социализма. В Австралии и Индии, Ираке и Бразилии, ФРГ и Мексике, в десятках других стран благодарно вспоминают о визитах советских посланцев, оставивших зримый след в развитии шахмат. «Смогли привлечь внимание к шахматам, повысить интерес, поднять на новую ступень шахматную работу...» Много таких писем приходит в Шахматную федерацию СССР. Приглашают на дружественные встречи, лекции, сеансы одновременной игры. Федерация старается не оставить без внимания ни одно такое предложение.

Помню, в Монреале в дни Олимпиады не без удивления услышал из уст американского обозревателя, что в США открылось около четырехсот гимнастических клубов, носящих одно имя... Ольги Корбут. Ее визит породил многие тысячи последовательниц, лучшие из которых успели выдвинуться на международной арене.

А сколько шахматных клубов, носящих имена советских чемпионов мира, существует в

больших и маленьких городах земли! Эти культурные центры объединяют и любителей шахмат, и друзей Советского Союза.

Разве будет преувеличением сказать, что бурный взлет шахматистов стран социалистического лагеря — прямой результат постоянного, регулярного общения с советскими коллегами? Мы учимся друг у друга, помогаем друг другу. И возвышаем друг друга.

Чтобы познать истинное самочувствие спортсмена, недостаточно привычных способов измерений: как спит, как выглядит, как ест.

Познакомимся с любопытным наблюдением гроссмейстера Александра Котова о счастливых и несчастливых днях и неделях в жизни шахматистов.

— Поговорите по душам с каким-нибудь опытным гроссмейстером, и он признается вам откровенно: всю жизнь его мучил вопрос о роли случайности в турнирных сражениях, о превратности шахматного счастья. Пожалуетса гроссмейстер, а может, даже вас попросит ответить, почему в одном турнире все складывается отлично — ты выигрываешь партии, противники твои допускают неточности и грубые просчеты, а когда ошибешься ты — партнер порой даже не замечает твоей оплошности. Это «твой турнир» — отличный турнир! А вот в другой раз — ну, будто проклял кто! Что ни задумаешь — не проходит, даже самые слабые аутсайдеры по десять партий подряд проигрывают, но как дойдут до тебя — становятся «чемпионами мира», играют как звери! Достаточно тебе допустить малейшую неточность — и ты мгновенно получаешь ноль... Одна ошибка — и взлетаешь на воздух.

В чем причина? Спортивная ли форма у тебя другая, или разное состояние у твоих противников. И то объяснение ищешь, и другое... Конечно же нужно бороться со всем случайным, предупреждать его; известно: человеку точному, аккуратному, с сильной волей и выдержкой случайности менее страшны, но все равно, даже у самого спокойного бывают неудачи.

Гроссмейстер Александр Котов, возможно и сам того не подозревая, описывает те «таинственные смены ритмов», которые приковывают с каждым годом все большее внимание и физиологов, и психологов, и антропологов, и социологов — представителей тех наук, которые, каждая по-своему, стараются понять и описать «неизвестное существо — человека наших дней».

* * *

Думаю, что всякий засвидетельствованный факт точного «биоритмического прогноза» может и должен предаваться гласности, подвигая на продолжение работы молчаливых искателей и выбивая почву из-под ног их обычно громогласных противников.

Небольшое отступление.

Летом 1975 года мой товарищ попал в травматологическое отделение тридцать шестой московской больницы с переломом шейки бедра. Левая нога «висела ни на чем». Предстояла сложная трехчасовая операция под общим наркозом в очень неблагоприятный для него день.

Он попросил отложить операцию. Ему ответили: «Не имеем права». Он повторил просьбу. Хирурги подумали, что товарищ боится испытания. Тогда он рассказал им, почему верит в биоритмы и вообще что это такое. О том, что ни один из его врачей и слыхом не слыхивал о странных подсчетах, он догадался по саркастическим улыбкам.

И все же моему товарищу пошли навстречу и вбили в бедро огромный гвоздь в неурочный предвечерний час. Он не ходит утицей. Не хромает. Бегаёт на лыжах. И катаётся на велосипеде. Может быть, потому, что смог помочь хирургам «всем, что было в нем»?

Но это, повторяю, отступление.

Осенью 1974 года, когда только-только начался финальный матч претендентов на первенство мира между Карповым и Корчным, я дал интервью ленинградскому телевидению, в

котором высказал предположение о том, как развернется матч, если иметь в виду показания обеих биокарт. Прогноз совпал. Быть может, благодаря этому ленинградский журнал «Аврора» рискнул опубликовать статью, которая называлась «Что такое счастливый час и можно ли предвидеть его наступление?».

Нужно провести много-много опытов, чтобы получить право на окончательное суждение. А пока... пока был абсолютно прав академик Ишлинский, сказавший на шахматном вечере в МГУ, что все это может быть простым совпадением и что, если ты не знаешь, как надо разыгрывать современный вариант сицилианской защиты, никакие ритмы тебе не помогут.

Но обратимся снова к книге «Ваша работоспособность сегодня» и прочитаем:

«Серьезные работы, посвященные проверке существования 23-, 28- и 33-дневных биоритмов, стали выполняться лишь в последнее время. Но прежде чем рассказать об этом, нужно уточнить, что же необходимо проверять. В чем суть широко распространяемой концепции о физических, эмоциональных и интеллектуальных ритмах? Что такое критические дни? Как с помощью этой концепции определять дни возможных осложнений заболеваний или приступов болезни? Как устанавливать совместимость или несовместимость людей?»

Авторы стараются ответить на эти и многие другие вопросы. Последняя глава книги называется «Рассчитайте свои биоритмы». Книга была подписана к печати через месяц после окончания матча в Багио. Об этом можно было только жалеть.

* * *

Вскоре после возвращения из Багио я получил приглашение поделиться впечатлениями в одном издательстве. Встреча состоялась 26 сентября. Вел ее главный редактор. Среди гостей был международный мастер по шахматам И. Е. Ватников, старший преподаватель МГУ.

В конце выступления я позволил себе высказать следующую мысль (привожу высказывание слово в слово):

— Люди, верящие в теорию биоритмов, очень опасаются неблагоприятной для Анатолия Карпова поры, которая начинается 30 сентября и продлится примерно по 9 октября, в это время чемпион будет в отрицательной фазе и эмоционального и интеллектуального циклов, в то время как претендент — на подъеме.

Попросил запомнить эти числа: 30 сентября — 9 октября. Их нетрудно было вывести по давно разработанной методике.

...Я понимал, в сколь двусмысленное положение поставлю себя, если прогноз не оправдается. И был бы искренне рад, если бы он не оправдался.

Я ловил недоуменные взгляды аудитории. Однако ведущий собрание отнесся к заявлению весьма примирительно, сказав: «Что ж, давайте посмотрим, чем все это кончится. Трудно поверить в услышанное, но давайте подождем».

С 30 сентября по 9 октября, за те самые 10 дней, Карпов проиграл три партии. Обстановка в матче обострилась. Мои знакомые из издательства, кажется, начали жалеть о встрече с автором, который «накал».

Вскоре я получил письмо от международного мастера И. Е. Ватникова. Привожу его с разрешения автора: «Если я не ошибаюсь, биоритмы приобрели еще одного союзника. Я решил просчитать ритмы членов нашей сборной команды (И. Е. Ватников руководит шахматной работой в МГУ. — Ал. К.). О результатах буду время от времени извещать вас».

Представим себе ситуацию при счете 5:5.

В стане претендента ликование. Все убеждены, что Карпов сломлен. Что на него не могли не подействовать результаты тех партий заключительного отрезка матча, которые он должен был выиграть и не выиграл. И те партии, в которых он мог бы достичь ничьих и не достиг.

Он вел в матче с разницей в три очка.

И вот нет этой разницы. Нет даже самого крохотного зазора. И того старого правила, по которому чемпиону достаточно было сохранить до конца равный счет в матче, чтобы еще один срок владеть короной.

Говорят, что Карпов обладает не по годам мудрой способностью переносить поражения. Но так говорили раньше. Это ведь не безгрешная счетная машина, а человек. На него не могут не повлиять поражения в партиях, за которыми с таким напряженным вниманием следила вся его страна. Ответственность согнула. Не выдержал. Сник. Так считают в лагере Корчного.

В одном из интервью представитель команды Корчного говорит:

— Мы верили, что рано или поздно это произойдет. И рады, что наконец произошло. Хотя и не так быстро, как мы предполагали.

Они, оказывается, верили, что так и будет. И спокойно приближали этот час. Враки! Но теперь они могут говорить, что хотят, и им будут верить. Теперь их слова приобретают особый смысл. Они совершили невозможное. Втайне рассчитывают, что эти слова дойдут до чемпиона. И в заключительной партии заставят думать о претенденте по-новому. Считать его гораздо сильнее, чем он есть. Уже одно это способно свести к нулю преимущество, которое имеет в тридцать второй партии Карпов, — преимущество белого цвета.

А что можно, что следует сделать еще? Уже в самой партии? У Карпова, без сомнения, приглушена его фантастическая способность считать длинные варианты. Именно поэтому Корчной и его тренеры (об этом расскажет в вышедшей вскоре после матча книге гроссмейстер Э. Кин) принимают решение избрать в тридцать второй партии защиту Уфимцева — одну из самых сложных защит, требующих, уже начиная с «раннего миттельшпиля», расчета длиннейших вариантов.

Еще одно, и, надо признать трезво, опасное психологическое оружие. Как там будет считаться Карпову? Какими мыслями полна его голова? Какими тревогами забито сердце? Ведь это почти наверняка последняя попытка.

Мне выпала честь видеть летние Олимпийские игры последнего двадцатилетия, видеть искуснейших мастеров земли, умеющих собираться для победы, всего себя вкладывать в последнее, такое многозначительное усилие.

Помню хорошо, что такое были последние попытки у борца Анатолия Колесова, которому на токийской Олимпиаде надо было после неожиданной неудачи чисто выиграть подряд четыре (или пять) труднейших поединка. У мастера тройного прыжка Виктора Санеева, вся жизнь которого вложилась в последний прыжок на мексиканской Олимпиаде; его лучший результат только что перекрыли, и теперь для того, чтобы доказать свое право на олимпийское бессмертие (громкое, может быть, слово, но разве есть в нем хоть гран преувеличения?), ему надо было в одной-единственной лишь попытке установить мировой рекорд... мировой рекорд по заказу... не часто это встречается, не так ли? Наконец, вспоминается последняя попытка у копьеметателя Яниса Лусиса на той же Олимпиаде... ситуация похожа — или со щитом, или на щите.

В такие минуты испытывается не только боец. Испытываются его предки (какой набор генов дали в наследство). Испытываются учителя (как научили не одной лишь технике

исполнения, а и технике владения собой). А прежде всего испытывается сам мастер — истинный ли он витязь (в груди, в сердце, в нервах неодолимое желание продолжить бой, не отступить, вырвать победу) или нет (дрожат колени, губы пересохла сверх всякой меры, хочется облизывать и облизывать их, тайно спрятавшись от теле- и кинокамер. Но куда скроешься от взглядов и камер — кажется, весь стадион смотрит на тебя, и телевизоры всего мира показывают тебя крупным планом, будто для того, чтобы по выражению твоего лица люди могли составить впечатление, имеешь ли ты право именоваться Первым Мастером Земли).

Ты стараешься отогнать от себя мысли: что случится, если проиграешь? Но эти проклятые, разъедающие душу мысли упрямо не желают исчезать. Они настырно и самостийно возвращаются вновь и вновь... Ох, сколько неокрепших судеб поломалось в этой последней попытке! И сколько имен обессмертилось! А. Колесов, В. Санеев, Я. Лусис... будет ли кто-нибудь спорить со мной, если я напишу, что их жизни пошли бы совсем по другому, не такому приметному пути, если бы тогда, в последней попытке, не показали они себя самыми настоящими бойцами?

Не побоюсь повториться: жизнь расставляет множество всевозможных — одно труднее другого — испытаний на пути истинных талантов, проверяя и одновременно сортируя по справедливости (каждый раз хочется верить, что именно так — по справедливости): этого на эту полку, а того — на ту. Но не придумано еще испытаний сложнее тех, которые именуются последней попыткой.

Не знаю, то ли спорт взял этот термин из жизни.

То ли жизнь — из спорта.

На олимпиадах внимание страны, если так можно сказать, разбрасывается: слишком много выступает одновременно на разных ристалищах людей, которым мы отдаем свое сердце. Здесь оно, это внимание, было сфокусировано на одном человеке.

Карпову предстояла последняя попытка.

* * *

Люблю людей, любящих шахматы. С ними как-то уютнее на этой возбужденной земле. Придешь в парк, дождешься очереди у столика, сделаешь первые ходы, услышишь из уст партнера:

— Пробуете развиваться?

Ответишь наивно:

— Пробую.

А он, оказывается, только этого и ждал. Говорит раздумчиво, как бы сам себе:

— Поздновато, раньше надо было, раньше.

— Ничего, как-нибудь успеем.

И тогда, обеда победным взглядом зрителей, наблюдающих за игрой, ваш партнер произносит, но уже не себе под нос, а достаточно громко:

— В детстве надо было, в детстве. Теперь поздно.

И ты понимаешь, что перед тобой третий калач, которому хорошо знакомы неумолимые законы блица навывлет. Он хочет пусть чуть-чуть, но возвыситься над тобой, как говорят на севере, «упакать»; минуто спустя он с демонстративным шиком возьмет твою пешку, чтобы показать, как далеко рассчитал вариант... он постарается ненавязчиво, но убедительно доказать свое шахматное превосходство над тобой, и, если ты, упаси боже, согласишься в это превосходство, можно биться об заклад, что будешь играть хуже, чем можешь. А партнеру только это и нужно.

Он дорожит своим местом на узенькой заиндевелой скамеечке парка, ему хочется играть еще и еще, выбивая одного партнера за другим.

Два-три часа за шахматами в родном клубе или на свежем воздухе — радость и отдых. Знакомство с новыми шахматными вариантами и человеческими натурами. Маленькое испытание твоего умения и самолюбия (не путать с себялюбием!).

Всепогодная, всеширотная, не признающая ни языковых, ни каких-либо иных границ игра ладно притерлась к нашему веку, став одним из главных его объединителей. Она помогает узнавать других. И себя узнавать тоже — что ты есть не сам по себе, а по сравнению с другими, преследующими за доской одну лишь цель — без громких слов (вообще без слов) критически опровергнуть твои логические построения, подставляя одновременно под удар построения свои.

Сколько радости принесет вам хорошая партия или головоломный этюд — два белых коня против ферзя, — который вы будете решать до глубокой ночи! Сколько радости приносит звонок от старого товарища, которого ты не видел сто лет и который говорит: «Я проездом. Буду полдня. Не позволил бы ты мне... это самое, выиграть у тебя две-три партии?»

Он приезжает к тебе домой, при виде расставленных шахмат и готовых к «пятиминутке» часов плотоядно потирает руки, закуривает наспех и начинает свой излюбленный северный гамбит, успевая при этом рассказать, что сын защитил диссертацию, а дочь вышла замуж, а сам он по-прежнему летает... будто и не было этих трех десятилетий.

А сколько радостей приносит весть о том, что тот шахматист, которому ты симпатизируешь с юных лет и за которым следишь только так, как это возможно в шахматах с их идеально построенной информацией, стал гроссмейстером, не обманул учителей и тебя тоже!

Но разве существует в мире такая вещь, которая приносила бы одни только радости? Раз есть радости, значит, должны быть и горести, иначе у вещи «не та цена».

* * *

В двенадцатом часу ночи раздается звонок. Мой старый друг, генеральный консул в Калькутте Абдурахман Везиров, приехавший в отпуск, говорит:

— Я сегодня присутствовал при телефонном разговоре с Карповым. Понимаешь, какая вещь... он сказал, что очень устал... и, кажется, разучился считать. Наверное, все решится в первой же партии. У него, конечно, никто не требовал гарантий... он говорил, что очень устал. И отец сильно болен. Жаль отца. Кто мог подумать, что станет 5:5. Не хочется даже думать, что будет, если проиграет.

— Не хочется.

Я бы мог привести в утешение собеседнику (и себе тоже) слова, которые услышал несколько часов назад от одного мудрого поэта:

— Что вы все тут переживаете? По доске бегает какие-то деревянные фигурки, одна пошустрее, другая помедленнее, только и всего. Кто-то поставил одну деревяшку не туда, куда следовало бы, и весь мир за сердце хватается... взрослые люди.

— Коля, вы когда-нибудь играли в шахматы?

Ответил с гордостью:

— Ни-ког-да! Не имел лишнего времени. Писал стихи. Если кто хочет посоревноваться со мной, я скажу: бери бумагу и перо и нажимай на свои часики. А там посмотрим, у кого лучше получится. Это конкурс, я понимаю. А шахматы... баловство.

— Спасибо, Коля. Утешил и просветил.

...Что будет, если проиграет?

Неужели сыграли свою роль выходки Корчного?

— Надо было прекратить матч, — убежденно говорит знакомый учитель. — Заявить: «Мы в такие шахматы не играем!»

В Рейкьявике это должен был сделать Борис Спасский, когда бестактно повел себя Фишер. Спасскому настойчиво советовали бросить игру. А тот отвечал: «Я приехал на шахматный праздник и не хочу портить его».

А во что превратился праздник? Фишер когда хотел — приходил на игру, когда не хотел — не приходил, и освещение ему не нравилось, и зрители ему не нравились, и кинооператоры тоже...

Неужели Рейкьявик ничему не научил. Неужели ничему не научит Багио? На демагогию и провокацию надо было ответить недвусмысленно: «Мы в такие шахматы не играем!»

А ведь был соблазн. Но тогда бы уже наверняка и без того противоречивый и настороженный мир шахматных организаторов раскололся на два лагеря. Одни бы говорили:

— Шахматы — игра джентльменская, имеющая свои строгие и писанные и неписанные правила. Когда эти правила преднамеренно и злобно нарушаются, шахматы перестают быть шахматами, из игры, объединяющей людей, они превращаются в свою прямую противоположность. Мы не имеем права одобрять поступки и беспардонные заявления претендента, продиктованные сугубо эгоистическими интересами. Поэтому вполне понимаем чемпиона, отказывающегося продолжать матч в такой обстановке. Так как матч сорван по вине претендента, он не имеет ни морального, ни спортивного права рассчитывать на шахматную корону.

Что бы говорили представители противоположного лагеря, можно было бы без труда догадаться.

Истории шахмат известны лишь чемпионы, добывавшие это звание в основном из самых главных матчей.

В семьдесят четвертом году, победив гроссмейстера Льва Полугаевского — 3:1, экс-чемпиона мира Бориса Спасского — 4:1 и на заключительной стадии отбора — гроссмейстера Виктора Корчного — 3:2 (при 19 ничьих), Анатолий Карпов начал готовиться к решающему поединку с Робертом Фишером за корону, впервые за долгие-долгие годы потерянную советскими шахматистами.

Фишер отказался играть на обычных условиях. Он выдвинул свои требования: матч продолжается до десяти выигранных партий, а при счете 9:9 чемпион сохраняет свое звание, хотя и делит с претендентом призовой фонд на равных.

Это значило, что новым чемпионом станет только тот, кто одолеет Фишера со счетом 10:8. Фишера бы вполне устраивал счет 9:9. Практически Фишер получал еще до начала соревнования фору в два очка.

В связи с этим требованием Фишера бельгийская газета «Сите» писала:

«Фишера порой сравнивают с его великим соотечественником Полом Морфи. Однако, по крайней мере, в одном отношении они антиподы. Морфи, доказав свое превосходство над современниками, заявил, что не намерен больше ни с кем играть, не давая форы; Фишер же, наоборот, дал понять, что он не намерен ни с кем играть, не получая форы».

История шахматной дипломатии насчитывает десятки томов и содержит немало курьезных документов. Но вряд ли хоть один из них сравнится с тем меморандумом, который был направлен от имени Роберта Фишера Международной шахматной федерации. В нем было 63 (шестьдесят три!) безоговорочных требования. Неприятие хоть одного из них исключало возможность матча.

В ту пору в прессе появилось немало статей против двух активных деятелей ФИДЕ,

«идущих на поводу у Фишера». Одним из них был вице-президент ФИДЕ Ф. Кампоманес, а другим — директор-распорядитель Шахматной федерации США Э. Эдмондсон. Мне же казалось и тогда (а впоследствии, после бесед и встреч с тем и с другим, это убеждение окрепло), что оба, попав в исключительно сложные обстоятельства, делали все, чтобы спасти матч Фишер — Карпов, хорошо понимая, какой вехой в истории шахмат сможет он стать. Оба при всем том оставались на реалистических позициях.

А что же сам Фишер?

Познакомимся с ним немного ближе. Не с чужих, а с его собственных слов.

Интервью, выдержки из которого приводятся ниже, было опубликовано в свое время заградской газетой «Старт».

«Я — РОБЕРТ ФИШЕР

Меня зовут Роберт Джеймс Фишер; пижоны и друзья называют меня также Бобби. Я профессионал. Я играю в шахматы. Это — серьезное дело. Ничего другого делать я не умею, но что я умею, делаю как полагается. Я родился 9 марта 1945 года в Чикаго. Придурковатые журналисты расписывают, будто в Чикаго живут одни гангстеры. Терпеть не могу газет. Я родился под знаком Рыбы. Я — крупная рыба. Я проглатываю гроссмейстеров — это занятие как раз по мне. Деньги я люблю. Я мог бы играть с любым пижоном на ставку — доллар или два. Но я хочу стать чемпионом мира.

Скоро я буду чемпионом мира! Когда чемпион мира Спасский говорит, что не боится меня, я могу ответить лишь, что я его тоже не боюсь. Я приеду в Европу, как когда-то Пол Морфи. Он был ньюорлеанец и играл, как гений, и победил всех европейских мастеров. Когда же он вернулся в Америку, то умер от тоски и печали. Я тоже вернусь в Америку, как Морфи. Я только не верю, что так умру, как он.

Моя цель — побить рекорд Эммануила Ласкера, бывшего чемпионом мира двадцать семь лет. Не знаю, где будет мой матч с Петросяном, да мне это все равно. Только условия должны быть о'кэй. Мне нужна тишина и хорошее освещение. Прежде всего я не переношу шума — я не хочу, чтобы мешали моей профессиональной работе, расчетам и комбинациям. Больше всего я люблю играть в Югославии. Здесь меня любят и даже пишут мне письма.

Десять тысяч долларов за финальный матч — я считаю, что это слишком мало. Гроссмейстерам нужно платить больше. Я не желаю довольствоваться маленькими подачками. Я работаю целый месяц, играю с сильными и продувными мастерами, и ФИДЕ платит за это 750 долларов! Такие деньги взять да выбросить. Я много в своей жизни мучился и хочу кое-что значить.

Сейчас я уже кое-что значу, но завтра я буду еще известнее. Только неграмотные никогда не слышали обо мне; много даже таких, которые не знают, американец я или эскимос. Моя цель — лучше всех на свете двигать эти фигуры. Мой отец бросил мою мать, когда мне было два года. Я его никогда не видел. Мать только сказала, что его звали Герхардом и что он — немецкого происхождения. Моя мать была учительницей и воспитательницей в швейцарском интернате. Мы жили в Бруклине, и мать потом нашла для меня учителя шахмат. Когда я в 13 лет выиграл блестящую партию у Бирна, я гордился, читая в газетах: «Если мальчик делает такие ходы, из него выйдет толк!» Потом я изучил русский язык, чтобы лучше знать теорию. В Америке мне нет равных. Я уже восемь раз был чемпионом Штатов, и мне это чуть ли не надоело. Мне не надоедает только, когда мой счет в банке растет. У меня будет самый шикарный автомобиль и самая роскошная вилла.

Женщины — чушь. Юноши только теряют на них время. Шахматы — вот что приносит удовлетворение и может также приносить деньги. Я никогда не был непристойным и говорю то, что думаю.

Ботвинник написал, что я считаю лучше, чем другие. Он говорит, что я — вычислительная машина. Я, мол, необыкновенный человек. Здесь нет ничего необыкновенного. Я просто профессионал. Я целый день играю в шахматы, учусь и стремлюсь знать больше. Еще я учусь при помощи магнитофона и стремлюсь улучшить старых мастеров. Я знаю сейчас больше, чем они. Русские написали, что я раньше плакал, когда проигрывал. Ерунда! Когда я проиграл Спасскому в Зигене, я сдался, как Капабланка: если я сейчас проигрываю партию, то чувствую себя королем, подающим милостыню нищему. Сейчас все от меня ждут, что я буду только выигрывать. Я играю до голых королей. Я знаю, что хочу. Дети, росшие без родителей, вырастают волками, Роберт Джеймс Фишер — не вычислительная машина, как кое-кто хочет. Я всего лишь человек, но человек исключительный. Мой мир — черно-белая доска. В моих ходах динамика и искусство — спасибо, если вы можете это понять. А кто не может, того мне жаль. В 15 лет я стал гроссмейстером, в 16 — чемпионом США, в 28 лет я лучше всех на свете играю в шахматы, а в 29 буду чемпионом мира!

Сейчас я тверд, как сталь, и холоден, как кусок льда. Когда я стану чемпионом, я сам буду устанавливать цены. А сейчас я пойду поиграю в теннис. Потом я посмотрю, что можно придумать в защите Каро-Канн. Я родился под знаком Рыбы. Большая рыба жрет маленькую. Я — большая рыба».

* * *

Итак, «когда я стану чемпионом мира, я сам буду устанавливать цены».

Фишер оказался верным своему обещанию. И начал устанавливать цены.

Потому-то и не выполнил другого обещания — «побить рекорд Эммануила Ласкера, бывшего чемпионом мира двадцать семь лет».

Роберт Джеймс Фишер, который после победы в Рейкьявике над Борисом Спасским (матч закончился 1 сентября 1972 года) не сыграл и партии (если не считать сеанса в одной из американских тюрем) и постепенно начал привыкать к размагничивающему спокойствию (ударился в мистику и вступил в религиозную секту, отдавая ей часть своих доходов; отказался от баснословных гонораров, пльвших в руки, а заодно и от участия в шахматной Олимпиаде за команду Америки), — этот самый Фишер принял решение добровольно сложить с себя звание чемпиона мира.

В телеграмме на имя шахматного конгресса, заседавшего в Ницце, он писал:

«В своей предыдущей телеграмме делегатам конгресса я уже разъяснял, что мои условия не подлежат обсуждению».

А их начали обсуждать и признали неприемлемыми.

И Карпов получил корону без матча.

24 апреля 1975 года Анатолий Карпов был увенчан лавровым венком и провозглашен двенадцатым в истории шахмат чемпионом мира.

После того как Фишер ушел, хлопнув дверью, корона переходила не просто к шахматисту, выигравшему три претендентских матча. Она переходила к молодому — до 24-летия оставался месяц без одного дня — гроссмейстеру, который получил два шахматных «Оскара» — в 1973 и 1974 годах — и который в 1971—1975 годах, выступая в восьми сильнейших турнирах, взял шесть первых и два вторых места.

Писатель и гроссмейстер Александр Котов:

— Несмотря на свою молодость и сравнительно небольшой турнирный и матчевый стаж, Карпов проявил себя замечательным теоретиком во всех стадиях шахматной партии. Его глубокие знания испанской партии, открытия в этом начале новых стратегических путей атаки являются результатом вдумчивой аналитической работы, углубленного творческого подхода и проверки этих анализов в практических партиях. Общеизвестны и заслужили всеобщее одобрение теоретиков шахмат его новые методы атаки за белых в сицилианской защите, разработанные им стратегические схемы прошли серьезную проверку. Популярны также «огнеупорные» построения Карпова для черных в защите Нимцовича — их не смогли пробить сильнейшие гроссмейстеры мира в ответственных поединках. С ранних лет Анатолий проявил себя отличным мастером энергичных атак, но он умеет также стойко защищаться, великолепно маневрирует... Наконец, эндшпильная техника Анатолия Карпова, расцвеченная маленькими комбинациями, стоит на уровне техники таких общепризнанных специалистов заключительной стадии партии, как Хосе Капабланка, Василий Смыслов, Тигран Петросян.

Послушаем, что говорит Анатолий Карпов:

— Жаль, что матча не получилось. Однако моей вины в том нет, и я спокоен. В конце концов, существуют принципы, от которых отступать я не могу. А Фишер, в свою очередь, такой человек, что не ограничивается частичными приобретениями, а, пусть уж меня извинят за резкость, старается и вовсе сесть на голову. Неизвестно, какие еще требования он бы выдвинул, если бы ему и до конца продолжали идти навстречу.

Кроме отличных шахматных произведений Фишер внес в творческий мир такую суету и неразбериху, что шахматистам вдруг срочно потребовались дипломаты, ораторы, юристы, чтобы доказывать прежде такие простые и ясные истины. Раньше шахматисты вполне могли договариваться на своем языке, а теперь это стало почти невозможно.

Я сделал все, чтобы наш матч с Фишером состоялся, пошел на крайние меры, принял почти все его требования. Я уступил ему выбор места встречи, согласился с кандидатурой назначенного по желанию американского гроссмейстера главного арбитра. Наконец, был готов играть матч до десяти побед без ограничения числа партий. Последнее условие считаю совершенно неприемлемым. Статистика показывает, что Фишер проигрывает в последнее время не более одной-двух партий в год. Можно себе представить, сколько длился бы наш матч! Это было бы марафонское изматывающее соревнование. Тем не менее я был готов играть и такой матч.

Будем надеяться, что Фишер не покинет шахматы, что он еще покажет свое выдающееся мастерство, свой талант.

* * *

...Фишер в шахматы не вернулся. В 1978 году по сравнению с Корчным он казался вовсе не таким беспардонным себялюбцем. Время помогает нам получить более точный взгляд на события. Но... что ни говори, Карпов получил тогда, в апреле 1975-го, шахматную корону без главного финального матча.

И на этот раз, в Багио, не имел никакого желания получить ее таким же образом.

Вот почему, я думаю, вопрос о срыве матча ни разу не обсуждался. Только не слишком ли искусно воспользовался этим своим «преимуществом» претендент?

Кто, когда ответит на вопрос, что испытал Карпов в ту минуту, когда подписался под словом «сдаюсь» в той самой партии, после которой счет стал 5:5? Каким ему виделся мир, какие виделись сны?

Соблазнительно написать теперь, когда давно известен результат всего матча, что он не дал восторжествовать отрицательным эмоциям, что ни на минуту не сомневался в победе и был «по-прежнему бодр». Только такое суждение будет столь же далеко от действительности, как Багио от Москвы. Предосудительно было бы написать и о том, что все члены команды Карпова сохранили «благородную выдержку духа», были по-прежнему взаимно вежливы и предупредительны.

Если бы царила такая тишь и благодать перед решающей партией, надо было бы бить в колокола и вопрошать: кого послали в Багио — людей или бесчувственных манекенов (теперь пишут «роботов»)? Четырнадцать человек, привыкших к тому, что дела складываются как нельзя лучше, веривших в близкую победу и старавшихся представить, как будет встречена эта победа на Родине, теперь должны были начать рассуждать о том, как могут встретить дома известие о поражении.

Все члены команды Карпова, и он сам прежде всего, хорошо понимали, что значит проиграть партию 17 октября. Мог ли догадываться Анатолий, что испытывал в те дни его отец Евгений Степанович Карпов, прикованный тяжелым недугом к больничной койке? Инженер и учитель. Первый, открывший сыну таинства шахмат. Учивший его делать первые ходы на такой маленькой и такой безграничной, как мир, шахматной доске. Мог ли не думать Анатолий, как отзывались в отцовском сердце неудачи последних дней? В сердце, которому было дано отсчитать еще так немного ударов.

В лагере Корчного царило веселье, заказывалось шампанское на семнадцатое, а Карпов, возможно забыв о том, что его могут подслушать и передать содержание разговора Корчному и тем самым поднять его настроение на много градусов, отвечал на тревожный звонок из Москвы: «Толя, родной, что с тобой?» — «Устал. Не могу считать».

Человек, который разговаривал с Карповым, очень хотел сказать: «Толя, мы так тебя просим, так всем нам нужна победа, так плохо будет без нее», но догадывался, в каком состоянии пребывает Карпов, и не знал, как воспримет он эту рекомендацию, не ляжет ли она дополнительным грузом на неширокие его плечи.

Мрачнели лица людей, напряженно вглядывавшихся в того, кто разговаривал с Карповым. Старались подавить вздохи, думали о тех, кто окружал Карпова в Багио, кто давал сверхоптимистические прогнозы перед началом матча, и эти запоздало-грустные размышления были хорошо понятной реакцией на печальные обстоятельства.

А между тем в Багио не прерывалась напряженная работа. Возникла проблема — как лучше провести чемпиону дни до тридцать второй партии. Рассматривались предложения, возникавшие не только на месте.

13 октября раздался звонок из еженедельника «64» к доктору В.:

— Здравствуйте, с вами говорит мастер Мацукевич, ко мне только что звонили из Багио. Они хотели бы услышать совет: как лучше провести Толе дни перед партией? Сегодня взят тайм-аут, скоро объявят по радио.

— Вопрос слишком неожидан. Надо подумать. Позвоните, пожалуйста, немного позже.

Доктор в свою очередь обратился за советом к писателю-международнику. Тот безоговорочно сказал:

— Ни в коем случае не давай никаких советов. Если послушают тебя и партия будет выиграна, о твоём совете забудут тотчас. А если проиграет? Тоже мне, скажут, нашли консультанта-заочника. Сошлись на что угодно, но откажись участвовать в этом деле. Мало у тебя своих забот.

— Но это тоже одна из моих забот... Быть может, сейчас одна из самых главных. И если я могу помочь им даже на расстоянии, обязан это сделать.

— Ну давай иди, ломай голову, посмотрим, что у тебя получится.

Вскоре раздался второй звонок:

— По другому телефону звонит Таль, я ему буду передавать все слово в слово.

— Я знаю одно: главная роль в эти дни должна принадлежать психологу. Он больше, чем кто-нибудь другой, способен понять состояние Карпова и дать точную рекомендацию. Никаких телеграмм и звонков Карпову. Я бы мог посоветовать выехать в лес, где Карпов ещё не бывал. Сделайте шашлык. Не помешает стакан легкого вина. Нужна резкая смена настроений, новые эмоции. Это все, что я мог бы пожелать.

— Меня просят передать вам спасибо, — произнес мастер Мацукевич.

Когда доктор положил трубку, международник, не без интереса ожидавший конца разговора, спросил:

— Ты симпатизируешь руководителю делегации?

— Без сомнения.

— Так знай, что ты оказал ему медвежью услугу.

— ???

— Что тут не понимать? Последуют твоему совету, послушают психолога, а Карпов последнюю партию проиграет (как это ни печально, я считаю, его шансы теперь ничтожны), и все будут говорить: пожалуйста, послушались.

— Ты забываешь об одном. В такой острой ситуации имеет право решающего голоса только человек со специальной подготовкой, понимаешь, со специальной! У нас вообще много мастеров давать советы другим на все случаи жизни. Так вот, нужен профессиональный совет профессионально спокойным тоном. Кроме того, я не смотрю так пессимистично на предстоящую партию. Карпов играет белыми, уже одно это много значит. Кроме того, он не раз показывал умение собираться в самый напряженный момент.

— А как не соберется?

Доктор тяжело вздохнул.

Доктор исключения не составлял.

В те самые дни я услышал из уст поэта Степана Щипачева:

— Если Карпов проиграет последнюю партию, буду считать себя глубоко несчастным человеком. Буду понимать, что случилась страшная несправедливость, задевшая мое гражданское самолюбие.

А гардеробщица тетя Валя сказала:

— Просто умру. В жизни эти шахматы не брала в руки, лучше бы их совсем не было. Правду говорю, умру, если Толя проиграет.

Никто не мог бы сказать наверняка, что тридцать вторая партия окажется последней и самой главной партией матча, но все свидетельствовало об этом.

В стане Корчного царило вполне понятное приподнятое настроение. Претендент, сравнивший счет в безнадежно складывавшемся матче, был убежден, что надо действовать решительно, даже играя тридцать вторую партию черными. Не дать чемпиону отойти от пережитого, навязать систему, требующую длинного расчета, всем своим видом показать, что не сомневается в победе, что она теперь ему будет принадлежать по праву, в бой, в бой, ничего никуда не перенося и не откладывая.

А как должен был поступить чемпион?

Односложный ответ было дать очень трудно.

— Мы могли взять еще один технический тайм-аут, давая возможность Анатолию восстановить форму, — говорит Батуринский. — Этот вопрос рассматривался очень серьезно. Но где была гарантия, что за эти дни он не перегорит еще больше, находясь под грузом неприятных эмоций? Посоветовались. «Буду играть», — сказал Анатолий. Все мы прекрасно знаем его бойцовский характер. Но я был бы далек от истины, если бы сказал, что только меня одного точил червь сомнения. Важно было, чтобы о нем никто не догадывался, об этом сомнении. И еще найти такое средство, которое дало бы Анатолию сильный эмоциональный заряд, наложило бы новые впечатления на впечатления шахматные, придало бы новые силы.

...Говорят, что горе красит одного только рака.

Было горе, давайте не побоимся назвать вещи своими именами. Очевидно, можно было бы найти и не столь рискованные определения того, что испытывали после тридцати одной партии сам Анатолий Карпов и его товарищи, но точнее слова «горе» вряд ли существует в языке. Пробудил надежды в стольких миллионах своих самых верных на свете соперников с тем, чтобы так развеять их... Придут верные друзья. Без цветов и улыбок. А если и будут улыбки, то сконфуженные, утешающие. Можно заранее догадаться, что он услышит: «Ничего, Толя, шахматы на этом не кончились», «Все еще впереди» (кстати или некстати вспомнят стихотворения Расула Гамзатова), «Надо будет немного отдохнуть и готовиться к реваншу».

Начнется отсчет не долгих часов перед тридцатой второй партией, а долгих месяцев подготовки к реваншу.

Были, были чемпионы мира, которые, расставшись со званием, находили в себе силы вернуть его. Вспомним Алехина, взявшего реванш у Эйве. Или Ботвинника, один раз победившего Смыслова и еще один раз во втором матче Таля. И все? Примеров противоположного свойства можно было бы вспомнить куда больше. Слишком много потерь (как цепная реакция) порождает проигрыш звания. Его возврат — исключение, а не правило. Найдет ли в себе Карпов силы готовиться к реваншу так, как он готовился к матчу. Никто не ответит! Потому что с этой стороны Карпов сам себя еще не испытал. Никаких гарантий! Будет очень плохо ему, если он проиграет тридцать вторую! Но одному ли ему? Будет плохо многим. И прежде всего тем его друзьям, которые помогали ему, делили с ним ответственность перед шахматной организацией страны, перед страной. Пусть деление — не на равные части, но разве на плечах каждого из них не появится груз, который начинает носить всякий честный человек, плохо сделавший свое дело?

Луч славы, падающий на любого чемпиона или лауреата, ложится отсветом на лики его соотечественников, возвышая их в чужих глазах. Эта забота о победе земляка бывает порой эгоистичной. Только иногда. Нам хочется, чтобы наши посланцы на музыкальных, театральных,

спортивных конкурсах были лучше других, чтобы они показывали, какие силы и таланты зреют в нашей среде, как велика способность нового общественного строя высветлять и возвеличивать всякую одаренность. К нам приглядываются так, как ни к одной другой стране: иногда с любопытством, иногда с недоверием, чаще и с тем и с другим, всего чаще с глубокой симпатией.

Много значит в наши дни хорошая спортивная победа!

Рассказывал Анатолий Ефименко, начальник Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР:

— Через два дня после того, как Владимир Яценко установил в Милане мировой рекорд, наш консул в Милане сказал ему самое искреннее спасибо. Дело в том, что здание, занимаемое консульством, реконструировалось одной итальянской фирмой долго и трудно. Но за сорок восемь часов, которые прошли после победного прыжка Яценко, строители сделали едва ли не больше, чем за сорок восемь предыдущих дней. Теперь во время работы они позволяли себе лишь отвлечься на несколько минут, и то только для того, чтобы зацокать, вспоминая «грандиозный прыжок Володи».

А Карпов говорит:

— Устал, плохо вижу доску.

Такие дни, такие ночи, такие тягостные раздумья подстерегают, я полагаю, каждого деятельного человека, сделавшего шаг к самозаявлению. Есть ли примеры? Что говорят они?

Выходя на поединок с рекордным весом и настраиваясь на победу, Юрий Власов читал про себя строки Эмиля Верхарна:

В тебе прокиснет кровь твоих отцов и дедов.
Стать сильным, как они, тебе не суждено.
На жизнь, ее скорбей и счастья не изведав,
Ты будешь, как больной, смотреть через окно.
И кожа ссохнет, и мышцы ослабеют,
И скука вьется в плоть, желания губя.
И в черепе твоём мечты окостенеют.
И ужас из зеркал посмотрит на тебя.
Себя преодолеть!

Последние два слова стихотворения легли в название книги Юрия Власова, экс-чемпиона страны, экс-чемпиона мира и до скончания века — чемпиона Олимпиады.

Тогда, 10 сентября 1960 года, мне довелось беседовать с еще не остывшим от пережитого и счастливым Юрием Петровичем, только что выигравшим противоборство с двумя американскими штангистами. «Что испытывали полчаса, пятнадцать минут назад, что испытываете сейчас?» — «Испытывал дикое, не знаю, как о нем сказать, желание победить. Только оно и существовало. А больше ничего. Но только сейчас я понял, как устал. И кажется мне, что эта усталость пропитала всю мою плоть. И я никогда от нее не избавлюсь. — Власов подумал немного и добавил: — Счастливая усталость».

Постоянная спутница триумфаторов.

И несчастная усталость.

Постоянная спутница неудачников.

Перед партией надо было сделать все для хорошего настроения.

Известно, какой первостатейный помощник это настроение во всяком трудном деле, в спортивном деле — особенно.

В свое время газета «Таймс» рассказала о том, как выбирали по давнему обычаю спортивного менеджера года. Спортивные журналисты-выборщики были единодушны в своем решении, назвав Боба Стока, тренера «Сандерленда» — футбольной команды... второй лиги. Такого еще не бывало ни в Англии, ни, кажется, в какой-либо другой стране.

Небольшое отступление.

Автору этой книжки пришлось в свое время прожить дней десять в Сандерленде. Говорили, что футбольная команда — главное несчастье города. «Она играет так ужасно, что билеты можно совершенно свободно купить в кассе». Допотопный стадион привык к своим полупустым трибунам. «Сандерленд» служил добросовестным поставщиком очков для других команд. И вдруг что-то произошло с этим невезучим клубом.

Но посмотрим, что случилось дальше.

До того как пришел Боб Сток в команду, она проиграла десять игр подряд. Руководители клуба кусали локти и уже потихоньку начали мечтать о том дне, когда клуб прекратит свое существование вовсе. Лишь бы тихо, без скандала. И вот пришел в этот самый клуб мало кому известный человек Боб Сток и сказал примерно так: «Я выведу ваших ребят в люди». — «Сколько вам для этого понадобится времени?» — «Совсем не понадобится, я престо научу их выигрывать». Не слишком много доверия было словам улыбчивого и чрезмерно самоуверенного мистера Стока. Но клубу терять было нечего, и после недолгого совещания дирекция, постаравшись скрыть вздох, поздравила Боба Стока с новым назначением, пожелала ему, как водится, удач, не очень веря в силу произнесенных слов.

Боб Сток принялся за дело как-то странно. Начал с того, что рассказал перед тренировкой пару веселых анекдотов. Наблюдая за тренировкой, отпускал с трибуны необидные и остроумные замечания. После занятия поинтересовался, какие у каких футболистов «имеются проблемы», и спросил, кому чем может помочь.

Один сказал: «У меня недавно вышла замуж сестра, парень попивает и не приносит домой денег». Будто бы просто так справился тренер об адресе сестры, в конце недели смотался к парню. О чем они там говорили, не ведомо никому, но парень нежданно-негаданно изменился (потом уже, через несколько месяцев, Боб Сток сказал, что пообещал молодожену, что скоро «Сандерленд» выиграет Кубок Англии и тогда он, Боб Сток, известит весь мир, кто ему помог в этом деле).

Футболист, которого приехала поблагодарить сестра, немало удивился, услышав об обещании (как сказали бы у нас — сверхобязательстве) нового тренера — выиграть Кубок Англии.

Перед первой игрой новый тренер, собрав футболистов в кружок, сказал:

— Я знаком с вами уже целых четыре дня и, если честь честью, удивлен, как здорово вы играете, как хорошо знаете друг друга, как владеете дриблингом, как быстро бегаєте. Вы можете сегодня проиграть, и мне это будет только приятно, потому что дальше вы проигрывать больше не будете и все начнут говорить: вот какой молодец мистер Сток, принял команду, она проиграла, а теперь вы поглядите, поглядите на нее. И на тренера. И на футболистов. Кто бы мог подумать, выиграли Кубок Англии! Столько команд и тренеров видят во сне этот приз, а его прихватила второразрядная команда из Сандерленда. Ты что улыбаешься, приятель, ты что, не веришь, что так будет? Да, жалко мне тебя. А больше сомневающихся нет? Ну я очень рад, позвольте выразить вам благодарность, примите мои комплименты. Значит, так, сегодня проиграете — ничего страшного. Только, пожалуйста, покажите, кто что может со мной будут

сидеть мои помощники, мы постараемся застенографировать игру и завтра доложим вам, кто как выглядел, кто заслужил премию, а кто, ну, эти самые... забыл... подскажите, как называется, благодарю, именно... фигурки.

Ребята повеселели. С ними раньше никогда так не разговаривали. Им говорили всегда одним и тем же бесстрастным тоном одни и те же прописные истины. Весело вышли на игру, весело играли и весело возвращались в раздевалку, спрашивая себя: что-то сейчас отмочит тренер.

А он был серьезен. Подошел к каждому из игроков. Пожал руку, заглянул в глаза, для каждого нашел хорошее слово, на которое все мы бываем скупы, а предыдущий тренер и вовсе был скареда.

А еще дальше?

Дальше невезучая, поносившаяся всеми футбольными обозревателями Альбиона команда выиграла девять встреч подряд. Десятая по счету пришлась на финал Кубка Великобритании. «Сандерленд», этот славный скромный «Сандерленд» из второй лиги, расколошматил фаворита, носившего имя «Лидс».

«Таймс» задавалась вопросом:

«Видимо, у Боба Стока есть свои тайные «рецепты победы» — не магией же объяснить, что до него клуб имел десять поражений, а при нем десять побед подряд».

«Абсолютно никаких «рецептов», — отвечал тренер. — Это все так просто. Секрет высоких достижений кроется, по-моему, в... хорошем настроении. Поэтому я стараюсь, чтобы оно всегда было у моих питомцев на уровне. Если же мне не удастся это сделать, я прибегаю к помощи людей, для которых это профессия. Команду, у которой хорошее настроение, почти невозможно победить».

* * *

Тут я хотел бы вспомнить историю, которая произошла давным-давно, в одной из первых зимних олимпиад с участием советских спортсменов.

В ту пору способы психологической подготовки к стартам не отличались чрезмерным многообразием. Стало чуть не крылатым изречение одного тренера: «Психология — это когда много говорят. Но о чем говорят — не знает никто, в том числе сам оратор» (между прочим, это высказывание было приведено без каких-либо сатирических комментариев в прессе). Еще по инерции продолжали выходить книги, воспевавшие железобетонных героев и осмеивавшие «копание в самом себе» как признак идейной неуравновешенности.

Так вот, готовили атлета к стартам бесхитростно и прямолинейно. Большинство тренеров было твердо убеждено, что спортсмен обязан подчинить все мысли грядущей победе, а «всевозможные мероприятия», как-то: кино, экскурсии или концерты, от вышеназванных мыслей отвлекающие, должны быть на время забыты.

В это, например, самым искренним образом верил и руководитель нашей олимпийской конькобежной команды. И приложил немало усилий для того, чтобы изолировать своих от «безответственных» хоккеистов, которых тренеры время от времени вывозили в город на развлекательные фильмы. Ничего хорошего это, по убеждению нашего руководителя, принести не могло, о чем он несколько раз заявил на общем собрании команды.

Хоккейные наставники слушали речи и посмеивались. У них были свои проверенные жизнью способы разрядки. То были достаточно стойкие в своих убеждениях люди, и что-либо менять в системе подготовки к главным матчам Олимпиады они не собирались, вполне разумно

отвечая: пока мы руководим командой, будем это делать так, как считаем нужным. На том разговоры закончились.

Так вот, как-то раз под вечер к хоккейному тренеру А. И. Чернышеву пришел один конькобежец и взмолился:

— Сил больше нет, Аркадий Иванович, не могу... Только и разговоров, что об ответственности да о предстоящих стартах. Надоело не могу сказать как. Взяли бы меня хоть раз в кино.

— Я бы рад, голубчик, — ответил Аркадий Иванович, — да только вчера ваш руководитель снова заявил, что мы показываем плохой пример. Как же я возьму тебя? Тем более что он распорядился внимательно осматривать автобус, чтобы, не дай бог, никого из ваших в нем не оказалось.

— Тогда хорошо. Вы ничего не слышали и ничего не знаете. А ваши ребята обещали помочь. Вы... это самое... возражать не будете?

— Нисколько. — И, улыбнувшись, добавил: — Только смотри не попадись, а то и мне нагорит.

— Это уж будьте спокойны, не попадусь.

Гораздые на выдумку хоккеисты научились прятать своего гостя в автобусе так, что сам черт не нашел бы. К сигналу отбоя любитель кино успевал оказаться в кровати. Такие подпольные выезды повторились несколько раз.

И случилось так, что наш конькобежец взял первое место на Олимпиаде (бывала такая счастливая пора!). Его радостно возбужденный, целованный-перечелованный шеф разыскал на трибуне А. И. Чернышева, не поленился, поднялся к нему и торжественно спросил:

— Ну что я вам говорил, Аркадий Иванович! Кто был прав? Взял бы он первое место, если бы катался с вами?.. Теперь понимаете, как надо готовить человека к соревнованию?

— Теперь понимаю, — улыбнулся одними только глазами Аркадий Иванович. — Вы были абсолютно правы. Вы даже не подозреваете, до какой степени правы...

Между прочим, и хоккеисты тоже стали чемпионами той Олимпиады.

Мнение о психологической подготовке к соревнованию экс-чемпиона мира Тиграна Петросяна:

— Мне кажется, что в любом виде спорта — от хоккея (наш разговор проходил в дни венского чемпионата мира по хоккею 1967 года) до шахмат — сегодня может побеждать не только первоклассный исполнитель, владеющий секретами мастерства, но и прежде всего боец, способный настроить себя на поединок и отдать ему все, что он имеет. И что-то еще сверх того. Говорят, что японское «дзюдо» переводится как «победа умом». В моем представлении, победа умом, и сердцем тоже, — это способность показывать лучшие свои качества не в тихих домашних соревнованиях, а в испытании сил на самом высоком уровне.

У нас в спортивных репортажах нередко можно прочитать, — продолжал Тигран Вартанович, — вот какой молодец спортсмен Н., какая у него воля — спокойно и крепко спит перед самым трудным соревнованием, и это помогает ему одерживать победы. А я знаю спортсменов, которые плохо, очень плохо спят перед важной партией. Мало того, достаточно хорошо знаю одного шахматиста, который ночью перед такой партией спит два-три часа, мучается, переживает, а не может иначе. А если спит спокойно, то у него на следующий день не очень хорошее настроение, его гложут предчувствия и нет обычной уверенности в себе.

— Тот шахматист не обидится, если вы назовете его имя?

— Думаю, что не обидится. Его зовут Петросян. Повторяю, меня не страшит такая привычка. А может быть, во время нервного подъема моральные силы начинают работать особенно интенсивно?

Другое дело, когда спортсмен лишен спокойного сна из-за неприятных переживаний. И слово тренера и его интонации должны преследовать одну цель — создать хорошее настроение у ученика, помочь ему поверить в свои силы... сделать так, чтобы спортсмен был доволен собой. Благожелательность и дружелюбие должны быть главным оружием тренера. Требовательность — второстепенным. Хотя многое зависит от того — кто тренер и кто ученик. Если бы можно было измерить какими-нибудь единицами благожелательность и дружелюбие тренера, я бы сказал: чем больше таких единиц получит спортсмен, тем лучше он будет играть.

Эти слова были сказаны за одиннадцать лет до матча в Багио.

Но как точно подходят к нему!

Была неизменно благожелательная обстановка.

В самые трудные дни.

И нестрашно было, что не шел до утра сон.

Это счастье, что рядом с Анатолием Карповым были мудрые друзья.

Рассказывает В. Д. Батурицкий:

— Надо сказать, что в западной прессе ни одна статья о матче в Багио не обходилась без активного упоминания профессора В. П. Зухаря. Насколько я знаю, Карпов познакомился с ним в 1974 году, незадолго до финального матча претендентов с тем же Корчным, после этого между ними периодически продолжались контакты. Зухарь участвовал в нескольких сборах. Роль психолога в современном мировом спорте общеизвестна. Зухарь оказывал хорошее влияние на Карпова, наблюдал за его эмоциями, его переживаниями, за режимом его отдыха, и, по отзывам самого Анатолия, такое общение (оно носило иногда довольно краткий, иногда более продолжительный характер) сказывалось плодотворно. И те советы, которые давал Зухарь Карпову, особенно в наиболее сложные периоды матча, часто им воспринимались.

Мне приходилось неоднократно во время матча и после него выступать и отвергать всякие обвинения в применении каких-то недозволенных методов воздействия Зухаря на Корчного. Разговоры о каком-то гипнотическом влиянии совершенно лишены основания, потому что современная наука вообще отрицает возможность гипнотического влияния на объект, который не желает подвергнуться влиянию. Для этого требуется непосредственный личный контакт.

Естественно, ни о каком личном контакте между Зухарем и Корчным не могло быть и речи.

* * *

Что и как можно и нужно было сделать, чтобы помочь «приобрести настроение» Анатолию Карпову?

Москва. Заснеженная дорога чуть в гору от метро «Юго-Западная». Большой современный дом, образующий ансамбль с другими такими же домами. Квартира на шестом этаже. Главное отличие ее — изобилие книжных шкафов. В них бесценное богатство — крупнейшее в СССР частное собрание шахматной литературы. Шесть с половиной тысяч книг. Редчайшие дореволюционные русские издания. Сборники партий на первенство мира. Книги, посвященные выдающимся мастерам двух последних столетий. Методическая литература. Комплекты журналов. Только очень любя шахматы, можно собрать бесценную эту коллекцию.

Я в гостях у Виктора Давидовича Батурицкого. Человек, почти полвека связанный с шахматами, юрист по образованию, он возглавил в начале семидесятых годов Центральный шахматный клуб, был избран вице-президентом Шахматной федерации СССР, стал видным деятелем международного шахматного движения.

Теперь, когда время дало более точный взгляд на Багио, когда появилась возможность

судить о нем, «все чувства разумом измерив», рассказ руководителя делегации В. Д. Батурина приобретает особый интерес.

— Как реагировал Карпов на счет 5:5? Конечно, он переживал, но, я бы сказал, переживал внутренне и старался держаться молодцом, хотя ясно, как тяжел психологически груз таких неудач. Что касается нашей делегации, шахматных тренеров, врачей и других специалистов, которые помогали Карпову в этом матче, конечно, было бы грешно сказать, что мы не волновались, не переживали. Но как раз этот наиболее трудный момент показал, насколько удачен сплав делегации: все, буквально все продолжали верить в то, что Карпов победит, старались вселить уверенность и в него. Коллектив продолжал работать дружно и целеустремленно. И здесь я должен сказать о том положительном влиянии, которое сыграл вторичный приезд, как раз в этот период, в Багио нашего шахматного президента Виталия Ивановича Севастьянова. Своим космическим оптимизмом он очень помог Карпову. Это естественно. Человек, который дважды побывал в космосе, в свое время совершил самый длительный орбитальный полет в 63 дня, который много раз оказывался в сложных ситуациях, он, может быть, лучше других понимал обстановку и понимал, что надо делать. Присутствие его было в этот момент особенно важным. Человек с удивительным спокойствием и тактом, кто мог бы лучше, точнее, мудрее помочь Карпову собрать все, что в нем было, и бросить в бой? Виталию Ивановичу и пришла мысль предложить Карпову совершить путешествие в Манилу — на решающий поединок советских и югославских баскетболистов. Теперь мы можем сказать, что это было дальновидное и очень полезное предложение. А тогда...

Есть понятие «ограниченная ответственность». Оно довольно часто встречается в названии западных компаний. Скажем, создается компания по страхованию домашнего имущества. Выпускаются акции. Эксперты сулят определенный процент доходов держателям акций. Но мир неустойчив, сплетен из противоречий. Доходы могут обернуться сплошными потерями. И компания загодя объявляет себя учреждением, имеющим ограниченную ответственность.

Хоть и не ласкает глаз слово «лимитед», его на всякий случай прибавляют к названию компании.

В наших условиях понятие «ограниченная ответственность» чаще всего витает под кровлями службы быта, которая получает деньги вперед за невыполненную работу, предоставляя заказчику полное право... оспаривать качество этой работы и заносить свои наблюдения в книгу жалоб.

Понятие «ответственность» без всяких прилагательных само по себе достаточно емко. Когда ее каждый день слишком много, это, хоть и мобилизует внутренние охранительные силы организма, в конце концов дает о себе знать. При всем том в наши дни мужчина без ответственности все одно, что швертбот без шверта — тяжелого кия; непросто нести его, а иначе нельзя — перевернет. Бывает, что и с килем переворачивает. Это значит — не в свой швертбот не садись, поищи себе занятие, которое бы больше отвечало твоим возможностям.

А еще существует на этом свете ответственность высшего свойства, сродни той, которую испытывает полководец накануне сражения. Как расставил силы, куда направил главный удар, насколько сберег в тайне предстоящую операцию, насколько предусмотрел любую мелочь, на каких генералов положился... не имеет, нет не имеет предельной черты перечень проблем, которые владеют всем существом полководца в ночь перед решающим сражением.

Можно долго искать, с чем сравнить ответственность, которую испытывало руководство советской делегации в Багио, точнее — не найти.

Выступая перед писателями, Анатолий Карпов скажет:

— Руководители делегации дали согласие на поездку в Манилу.

В состав руководства входили: заместитель председателя Спорткомитета СССР

В. А. Ивонин, В. И. Севастьянов и В. Д. Батурицкий. Постараемся расшифровать, что стоит за словами «дали согласие».

Мало ли вы знаете на свете людей, которые обладают непостижимым, отточенным годами искусством отводить от себя ответственность? В обычной, нормальной, идущей своим ходом жизни это деловые, собранные, достаточно энергичные люди. Во всяком случае, так кажется. Но вот наступает событие, когда этот директор, начальник или редактор должен принять решение на грани ответственности. Он не знает пока со всей определенностью, к чему приведет его «да», сказанное вслух или написанное на уголке документа. Но хорошо знает одно — с ним может быть связано куда больше неприятностей, чем со спасительным и пригодным на многие случаи жизни «нет». Не обязательно произносить его или выписывать. У этого «нет» есть множество, правда не столь лаконичных, заменителей: «Надо будет посоветоваться», «Не будем спешить, дело не горит», «Я, к сожалению, сегодня занят» — целая система отговорок у такого опасливого руководителя.

Я лично был долгие годы знаком с одним редактором, который не всегда точно знал, что нужно газете, зато всегда точно знал что ей (а скорее, ему) было ненужно. Сам никогда ничего не писал (за исключением приказов о взысканиях, на которые был большой мастак), но зато любил поучать, как следует писать. Так вот этого человека называли «редактор «Нет»». Он честно мечтал дожить до пенсии, чтобы потом спокойно взяться за книгу воспоминаний... уберегал, уберегал себя от разных забот и неприятностей, валом идущих на редактора, да так и не уберег. По привычке сказал «нет», когда надо было сказать «да», один лишь раз ошибся, но роковым образом. Говорил: «Не повезло».

Была у руководителей советской делегации возможность сказать: «Не стоит ехать в Манилу»? Еще какая!

Что было бы, если бы после этого вояжа Карпов проиграл?

Сколько людей на разных уровнях спросило бы:

— Зачем понадобилось Карпову перед последней партией делать эти пятьсот километров?

Предложение о поездке было поставлено в виде вопроса. За одним большим вопросом была, по меньшей мере, дюжина вопросов поменьше.

Известно, сколь популярен на Филиппинах Анатолий Карпов. Из множества примеров можно вспомнить один: перед открытием матча в военной академии был дан парад в его честь, такие парады устраиваются крайне редко — лишь самым почетным гостям. Его знают в лицо. На матче баскетболистов СССР и Югославии будет несколько тысяч зрителей. Диктор, без сомнения, объявит, что среди них находится чемпион мира Карпов.

Сколько людей не откажет себе в удовольствии произнести или подумать — «пока чемпион». Завтра или послезавтра он перестанет им быть. Филиппинцы понимают толк в спорте. И знают законы его борьбы: после таких потрясений, которые испытал Карпов, у него будет мало шансов в предстоящей партии. Известно, что ставки на подпольных пари (филиппинцы — азартные люди), когда-то доходившие до пяти к одному в пользу Карпова, теперь принимаются как три к двум в пользу Корчного. Об этом, естественно, Карпову не скажет никто. Но разве он не сумеет по выражению лиц, не такому, к какому привык, почувствовать изменение к себе? Проигрывающего не жалуют нигде. В том числе и в этой географической точке.

Стоит ли ехать Карпову в столицу, чтобы испытать определенный комплекс ощущений при встрече со зрителями?

Далее. В Маниле совсем иной, чем в Багио, климат — там жаркий, душный и влажный воздух. К нему привыкать и привыкать, пока не почувствуешь себя в своей тарелке. Кому-то для акклиматизации достаточно недели, а кому-то не хватает и двух. Карпов совершит длинный

путь, окунется в непривычный климат — как это подействует на него? Придаст ли новые силы или отнимет и последние? Ведь когда они вернутся в Багио, ему понадобится пусть небольшой, но все же срок на новую мини-реакклиматизацию. Можно ли ехать Карпову в Манилу перед партией, которую все считают решающей?

И еще одно немаловажное обстоятельство не могло не тревожить советскую делегацию. До Манилы двести пятьдесят километров по горной и небезопасной после пронесшихся тайфунов и землетрясений дороги. Путь сам по себе не близок — полтысячи километров в оба конца. Карпов устанет. Сомнений в этом нет. Сможет ли он обрести свою физическую форму за те двое суток, которые останутся до тридцать второй партии?

Но есть закон: чтобы лучше отдохнула правая натрудившаяся рука, надо дать нагрузку левой.

Быть может, устав физически, Карпов лучше отдохнет душой?

Риск велик? Без сомнения. Принять решение легко? Ой как трудно! Но есть же прекрасные стихи у французского поэта-юмориста:

Задаёт банкеты гений
В отеле «Принятых решений».
Посредственность посуду моет
В харчевне «Может быть, не стоит».

Карпов и Севастьянов уехали в Манилу.

Был на редкость напряженный матч баскетболистов СССР и Югославии за звание чемпионов мира. И там тоже все решало одно лишь очко. Это очко выиграли югославы.

Карпов отчаянно болел за соотечественников.

Но за эти два часа пребывания в наэлектризованном зале он выплеснул (так скажут позже психологи) вместе с прочими эмоциями целый ковш отрицательных эмоций, которые копились в его груди.

Очевидцы утверждали, что он вернулся в Багио заметно посвежевшим.

Он шел играть последнюю партию как шахматист, уверенный в себе и заставивший поверить в эту уверенность других.

— У всех у нас не было сомнений, что Анатолий последнюю партию выиграет, — говорит Виктор Ивонин.

Анатолий Карпов:

— Путешествие в Манилу, хоть и проходило под дождем, взбодрило меня. Я здорово переживал за наших ребят, которые играли решающую встречу за звание чемпионов мира с командой Югославии и проиграли одно очко. Я понимал, что обязан это очко завоевать. Собрал все силы на тридцать вторую партию, если говорить точнее, собрал последние силы. Все мы понимали, что будет в этот день решающий бой. Корчной был убежден, что я нахожусь в состоянии, близком к депрессии. Играя черными, он стремился перехватить инициативу, однако в этот день я был предельно собран. Понимал, сколько миллионов людей смотрят на эту доску моими глазами, и понимал, что могу доставить очень большое горе, а могу доставить и большую радость. Старался играть, уходя от риска. И был счастлив в ту минуту, когда Корчной потребовал бланк для откладывания партии. Я понял, что игра сделана, что кончен матч; Корчной откладывал партию для того, чтобы лично не поздравлять меня.

Когда Анатолий сделал последний ход в последней партии матча и его неприятель потребовал бланк для того, чтобы отложить позицию, в советской делегации проснулось

наконец долгожданное немногословное, выражавшееся глазами, улыбками, рукопожатиями, ликование. Все понимали, что сделана игра, что сделан матч, что не может случиться уже ни одна из тех несуразностей, которая подкарауливала чемпиона мира в некоторых, казалось, начисто выигранных партиях.

Теперь этого не произойдет. Видно невооруженным глазом, черным не удержать позицию. Без сомнения, это видит и понимает и Анатолий. Надо подойти поздравить, обнять. Сейчас спустится со сцены.

К Карпову подходят, а на лице его полная отрешенность. Он еще весь там, в партии, она не отпускает его.

Ему бы улыбнуться. Сбросить с плеч груз забот и тревог, который он нес честно и мужественно три последних месяца. Похудело, обострилось и без того тонкое лицо. Возмужал. Взгляд пусть чуть-чуть, но стал другим. Взгляд человека, много испытавшего и пережившего.

Сосредоточившись до предела на последней партии, Карпов словно отключился от всего остального мира с его эмоциями. Ничто постороннее не могло войти в Карпова. И сам он не мог «вернуться» в реальный мир: не проявлял радости, не слышал поздравлений друзей, взгляд у него был отсутствующий.

Могло предстоять доигрывание, возможность его нельзя было отбрасывать. Карпов не имел права на малейшее расслабление.

Рассказывает В. Ивонин:

— За тридцать второй партией напряженно следила не только Земля. Но и — впервые за всю долгую историю шахмат — следил космос: Владимир Коваленок и Александр Иванченков, «Фотоны». Им передали по радио отложенную позицию, и, надо думать, анализ ее доставил немало приятных минут космонавтам.

В день предполагавшегося доигрывания они вышли на связь с Землей чуть позже обычного и сразу же после обмена приветствиями спросили:

— Что новенького на планете? Есть ли вести из Багио?

В этот момент раздался голос диктора «Маяка», известивший о победе Анатолия Карпова. Из космоса донеслось: «У-р-р-а!»

А вскоре в Багио пришла сердечная радиogramма от «Фотонов». Вручая ее Карпову, председатель Шахматной федерации СССР Виталий Севастьянов сказал:

— Рекордсмены космоса шлют горячие поздравления чемпиону мира.

Так откликнулся на победу Анатолия Карпова космос. А вот как откликнулась Земля.

Поэт Степан Щипачев:

— В Багио испытывалось не только умение играть в шахматы, но и самое настоящее мужество. Анатолий Карпов показал все лучшее, чем одарила его Родина. Глубоко благодарен ему за ту радость, которую он принес всем нам.

— Еще до начала матча в Багио я был уверен в победе Карпова, — заявил в Копенгагене датский гроссмейстер Б. Ларсен.

Американский гроссмейстер и шахматный обозреватель Р. Бирн отметил, что матч в Багио был принципиальным состязанием мастеров двух стилей и его исход продемонстрировал преимущество стиля молодого советского гроссмейстера.

— Анатолий Карпов играет лучше всех шахматистов в мире. Он доказал это своей победой над претендентом, — сказал гроссмейстер Р. Хюбнер из ФРГ. — Карпов умеет поразительно быстро схватывать и усваивать все новое и соединять это с тем, что было уже на его вооружении. Это очень важный фактор. Другим таким очень важным фактором является умение А. Карпова играть быстро, восхищает его способность к экономическому мышлению.

Югославский гроссмейстер С. Глигорич заметил:

— Анатолия Карпова, несмотря на молодой возраст, отличает классический стиль игры. Мне он импонирует. Карпов отлично приготовился к этому сложному матчу и, можно сказать, прогрессировал от партии к партии.

«Несмотря на драматический поворот в борьбе за мировую шахматную корону, советский гроссмейстер Анатолий Карпов в критический момент проявил собранность, волю и твердую решимость добиться победы, — писал комментатор братиславской газеты «Смена». — Анатолий Карпов подтвердил, что является достойным продолжателем славных традиций советской шахматной школы. Его игра в решающей, тридцать второй партии, несомненно, войдет в учебники стратегии шахмат».

* * *

А что испытывал перед тридцать второй партией и после нее сам Анатолий Карпов?

Вот что рассказывал он на встречах с писателями и журналистами:

— Тридцать вторая партия была партией, от которой зависело слишком много. Такие партии играть очень трудно, один только ход мог решить судьбу всего матча. И хотя нервы были натянуты до предела, мне удалось собраться, начать партию с хорошим настроением, несмотря на предыдущие неудачи. Удалось отвлечься от шахмат, немного отдохнуть. А как она закончилась, вы знаете. Должен сказать, что буквально все, кто окружал меня в Багио, почувствовали, что тридцать вторая партия будет последней, а этот день — последним днем матча.

Я жаждал борьбы. При этом помнил, что в течение всего матча претендент, играя черными, старался уйти от единоборства, перевести игру в спокойное русло; в тридцать второй партии ему как раз предстояло играть черными.

Позиция на доске сложилась напряженнейшая, с некоторым преимуществом белых. Если помните, разыгрывалась защита Уфимцева, но постепенно мне удалось привести к построению испанской партии, а в ней претендент разбирается хуже. У меня сложился большой выбор продолжений, и шаг за шагом удалось создать угрозу королю черных. Хотя сцена довольно далеко от зрительного зала, многие после говорили, что ясно видели, как покраснел Корчной и как побледнел я. В тот миг я мысленно говорил себе: не торопись, не комбинируй, позиция выигрышная, главное сейчас — не упустить победу...

Претендент, попав в цейтнот, перестал с 32-го хода вести запись, несмотря на напоминания и предупреждения арбитров. Партию записывал один я. Сделано 40 ходов, оставалось еще пять минут. Я встал и пошел к демонстрационной доске (никто не мог понять, зачем и почему я туда пошел). Я посмотрел на демонстрационную доску: сделано ли на ней 40 ходов? Выяснил: сделано. Тем не менее я решил, что нужен 41-й ход. Чтобы потом не было никаких вопросов. И я сделал этот 41-й ход — ход сильный, ход выигрышающий. После чего партия была отложена.

Мы отправились в гостиницу, в номере внимательно просмотрели позицию; никаких шансов у противника нет. Но я помнил, сколько было в этом матче чудес.

На следующий день главному арбитру матча сообщили, что претендент сдает партию и матч. А через несколько часов после этого пришло письмо от самого претендента тому же главному арбитру. Смысл этого письма: претендент не может продолжать тридцать вторую партию, но это не значит, что он сдает матч. Как это понять, было неясно. Претендент послал аналогичную телеграмму и президенту ФИДЕ Максу Эйве. Эйве ответил, что считает матч законченным. Несколько раньше президент и генеральный секретарь ФИДЕ поздравили меня с победой.

Знаменательным днем в моей жизни стало 20 октября. На мое имя поступила поздравительная телеграмма Леонида Ильича Брежнева. Все члены нашей делегации собрались в отеле. Когда была оглашена телеграмма, раздались долгие аплодисменты. Мне трудно передать чувство благодарности, которое я испытывал и продолжаю испытывать за эту высокую честь.

Я постарался рассказать в этой книге о победе Анатолия Карпова как шахматиста и как гражданина.

И хотел бы дополнить повествование одним штрихом.

На одной из встреч с Карповым я услышал вопрос, обращенный к чемпиону мира:

— Пресса писала о большом гонораре, который был определен победителю матча. Если не секрет, как вы им воспользовались?

— Более трехсот тысяч долларов, полученных от организаторов матча, я передал государству на развитие спорта и, конечно, шахмат.

* * *

Честно исполняй свой долг, приносит ли тебе это радость или приносит горе, честно исполняй свой долг, верь в свою правоту и не слушай, что твердит о тебе молва, честно исполняй свой долг, и ты восторжествуешь.

Так с древних времен напутствовали в Индии врачей, вступающих в самостоятельную жизнь.

Трудно не вспомнить это напутствие, думая о том, как сложились вскоре после Багио судьбы тренеров и товарищей Анатолия Карпова, «честно исполнявших свой долг» и владевших славным искусством не обращать внимания на то, что твердила о них молва (имею в виду молву, которая возникла как-то сама собой при счете 5:5: «Тех ли взяли?», «Хорошо не то, что хорошо, а что к чему идет», «Как же это они, родимые, все вместе не нашли ничьей во вчерашней партии?», «Отдали такое очко!» и т. д. и т. п.).

Не только они помогали Анатолию Карпову. Но и он помогал им. Разве могло не дать ростков каждодневное, на протяжении полугода, у кого больше, у кого меньше, общение с человеком, который играет в шахматы лучше, чем любой из четырех миллиардов его современников? Разве не было обогащение взаимным? Разве шахматная работа «на полных оборотах» до и после Багио не обязана была дать очень быстро вполне конкретные результаты?

Главной радостью был, без сомнения, выигрыш матча в Багио.

Вручая А. Е. Карпову орден Трудового Красного Знамени, Л. И. Брежнев сказал:

«Среди награжденных сегодня — Анатолий Карпов. Его представлять не надо. Он сам очень достойно представил себя и нашу страну в напряженном соревновании за шахматную корону. Его спортивный подвиг отмечается орденом Трудового Красного Знамени».

Это было признанием честной и хорошей спортивной работы.

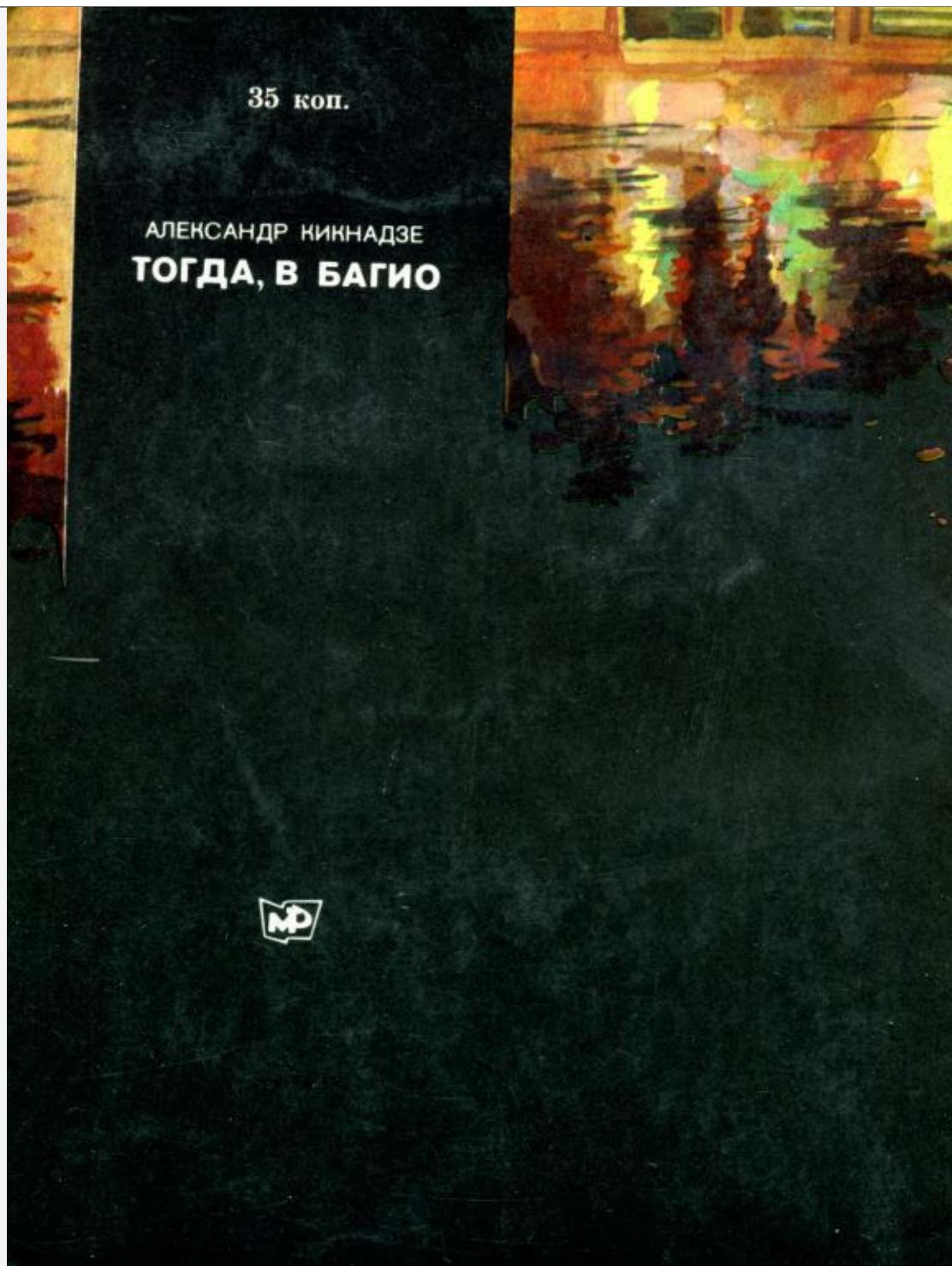
Работа развивает мускулы.

А мысль — мозг.

Никакой теоретической подготовкой нельзя развить мускулы. Для этого нужна постоянная работа. Никакая книжная подготовка не разовьет мозг, если человек избавит себя от заботы мыслить самостоятельно. Шахматные достижения будут невозможны, если человек, какой бы феноменальной ни была его память, будет только брать от них. И ничего не возвращать от себя.

И наоборот. Шахматы сторицей вознаграждают того, кто служит им честно и верно. У

шахматной фортуны зоркий глаз. Может быть, характер не из легких — долго приглядывается, проверяет, не ошиблась ли, подарив благосклонность неизвестному мастеру А. или неизвестному мастеру Б., но если убедится, что нет, не ошиблась, что он перенес все ее испытания с честью, что он честолобив, но не тщеславен, умеет побеждать, но умеет и проигрывать, не вспоминая при этом все ее, фортуны, умеет выходить из поражений со спокойной уверенностью истинного бойца, можно сказать без боязни ошибиться — многим одарит!

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.

notes

Примечания

Ныне А. Карпов — главный редактор журнала «64».